

Борис Рябухин

ДЛЯ ЧЕГО ЖИВУ

Повести и рассказы

Москва
НОВЫЙ КЛЮЧ
2015

УДК 821.161.1-31(081)
ББК 84(2=411.2)6-44
Р98

АЛТАЙСКИЙ ВЕТРОВЕЙ

Повесть

*«Сегодня в Сибирь я сослан
по собственному желанию...»*

Глава 1

Рябухин, Борис.

Для чего живу : повести и рассказы / Борис Рябухин. – М. : Новый ключ, 2015. – 256 с. – ISBN 978-5-7082-0442-4.

Каждый в разное время задумывается, для чего он появился на свет, для чего живет, для чего вообще существует жизнь на Земле.

В двух представленных в книге повестях, с разных точек зрения и в разных жанрах автор пытается дать ответ на эти вопросы.

В повести «Алтайский ветровей» рассказывается о начале жизненного пути молодого инженера в годы хрущевской оттепели на Алтае. Изменения в стране заставили автора осмыслить по-другому его переживания и мечты юности, приоткрыть и параллельную жизнь в советском обществе. Лирической стороной произведения проходит не столько литературное творчество героя, как «первого парня на деревне», сколько молодое неумение героя распорядиться своим чувством первой любви.

В фантастической повести «Парник» рассказывается об увлекательном приключении двух специалистов космических исследований, которые пытаются раскрыть тайну секретного мирового проекта «Парник», рискуя семьей, карьерой и жизнью. Эта повесть гораздо шире раскрывает задачу жизни человека на Земле. И здесь немаловажное влияние на поступки людей оказывает это вечное чудо – любовь.

В двух рассказах «Светлое озеро» и «Гигантский рабочий на Красной площади», как и в повестях, тоже ставится вопрос о предназначении человека на земле.

Книга – для широкого читателя.

ISBN 978-5-7082-0442-4

© Рябухин Б.К., 2015.
© НОВЫЙ КЛЮЧ, оформление, 2015

Мать бежала по перрону мимо старого здания вокзала, похожего на зеленую татарскую тюбетейку. Глаза ее панически смотрели в даль, куда уходил поезд. Она махала зажатым в руке шелковым платком. Мать оставалась одна, без сына, без его жены. Она уже от них ждала внучку. Мать оставалась без привычных хлопот о сыне. Мать бежала в никуда. В прошлое.

А сыну было жалко ее. Жалко, что он ее бросил. Отлепился от матери своей и прилепился к жене своей. К своей судьбе. Сейчас мать придет домой, неподалеку от вокзала, а дома на Ужгородской, в недавно купленной квартире, никого нет. И нет бывшего стнившего деревянного дома, который она продала для уплаты первого взноса в кооператив за эту квартиру. И прежнего быта нет, вместе с соседями по двору. Ничего не осталось. Только любовь к сыну, только тревога за его судьбу в чужих краях на Алтае.

Почему-то в юности тянет сбежать из дома. Вот и его друг Маев пытался сбежать от овдовевшей матери в Ленинград. А семья была замечательная. Но хочется в юности свободы хлебнуть. Видимо, инстинкт, звериная память, когда подросток расставался с гнездом или норой, с отцом и матерью, и предоставлялся самому себе. Вот так и птенец оставляет гнездо, едва научившись летать. И присоединяется к вольной стае. Вот и Борис, маменькин сынок, маменькин потому что отца не было, тоже вырвался на волю.

А может быть, зря он уехал из дома? Зря покинул свой исток? Но если бы река не покидала исток, не было бы и самой реки? Ее целеустремленности к устью, к морю.

«От такой жесткой женщины – сбежишь!» – сказал ему Маев. Борис так удивился, и обиделся. Не ожидал, что такое можно сказать о его матери. Она такая добрая, справедливая. И всегда заступалась за Бориса, чтобы не случилось. Были, конечно, споры и обиды. Но чтобы так зло сказать о его матери... Что она Маеву-то сделала? Он у нее не учился.

Борис сочинил стихотворение, в котором была строчка: «Кончу школу – и на Алтай!». «Кончу школу» написал потому, что слово институт не вмещался в размер стихотворения. Но все равно хвалился совпадением – или пророчеством. Потому что его распределили на работу после окончания рыбного института – на Алтай. Инженером-холодильщиком гормолкомбината. Причем, сначала он выбрал Новосибирск. Но хитрован – однокурсник Никонов прошмыгнул вперед его без очереди в зал распределения и занял место на работу в Новосибирске. Подонки! Им, богачам, все можно, а нищим стыдно лезть вперед без разрешения, вот и остаются ни с чем. И Борису достался Новокузнецк. Пока он дома с женой и с матерью искали этот город по карте – Новокузнецк или Сталинск? – обсуждали, как жить в таком городе, где даже снег от копоти черный, из Новокузнецка поступил отказ – холодильщики не нужны. В институте предложили замену на выбор – или в Пятигорск на винный завод, или в Рубцовск, на Алтай, на молочный завод. Проректор Артем Захарович не советовал Борису ехать в Пятигорск. Местные армяне не дадут дорогу, сказал он с армянской улыбкой. Да и сопешься на коньячном заводе. Вот так получилось, как Борис сам себе напроорочил в стихотворении. И повез его поезд судьбы на Алтай. Сначала до его центра Барнаула. А там получит назначение на молочный комбинат Рубцовска.

Мать остановилась, задохнулась. К ней подошел Ленька, Борин двоюродный брат-сирота. Неизвестно, где его мать горемыкает, может, в Пятигорске, куда Борис не поехал? Где его отец-болгарин – в лагере сидит, репрессированный, или в Болгарии погиб? Ленька с восьми лет, как приехал на подножке поезда с Кавказа зайцем, так и живет в Астрахани. Его родная тетка, мать Бориса, устроила его в школу, потом в мореходку, потом на кулинарные курсы. Из худенькой тростиночки вырос толстый здоровяк. У него один кулак – два кулака Бориса. Только с ним Борис смог дотащить ящик с чайной и столовой посудой.

Старую горку мамину ополовинили. Кире ничего поднимать нельзя, скоро рожать. Вот и пришлось Борису с Ленькой все вещи на вокзал тащить перебежками. Мать караулила часть вещей, а ребята по очереди приходили за вещами через каждые сто метров, оставляя на другой стороне за сторожа Киру с дочкой в животе. Не успела родиться, уже поехала на Алтай. Это жизнь дочки – до рождения!

То стихотворение об Алтае Борис наизусть не запомнил, а запись потерял.

Зато хорошо запомнил второе. Оно стало его визитной карточкой. Началось с того, что он стал иронизировать над своим выбором судьбы. И для одной из сцен для Студенческого театра эстрадных миниатюр написал песню, сразу и слова, и мотив. И на очередном праздничном концерте на сцене в актовом зале института студенты разыграли сцену распределения в рыбвтузе. Группа артистов-сокурсников – Равиль Калиев, Шура Старожил, Володька Белов и другие пели эту песню, а зал со второго куплета с удовольствием подхватывал припев:

Встречайте меня, сосны!
Тайга, назначай свиданье.
Сегодня в Сибирь я сослан
По собственному желанию.

Вот и сейчас под стук колес Борис невольно исполнял про себя эту песню. И действительно – про себя самого. Ну, до встречи, тайга!

Как он тогда, в 1963 году, не боялся властей, сказав вслух об этом нравственном суициде – сослать себя в Сибирь по собственному желанию?

В юную голову Борису не пришло осознание того, что его поэтическую храбрость мог заметить Комитет государственной безопасности?

Борис написал матери на своей фотографии на память: «Мне 23. Впереди – жизнь. И я ее сделаю!» Потом жизнь даст ответы на вопрос: «Как он ее сделает?»

Борис с первого класса пел на школьной сцене песни о Родине, получал за это призы и дипломы. Пел о ее широких просторах...

Но только сейчас в пути из Астрахани до Алтая он убедился, глядя из окна поезда, насколько широка Россия. Дни и ночи его пронесло по степям и холмам, нивам и лесам. Он видел, насколько бесконечен его отчий дом, который даже в мыслях трудно было вообразить и объять.

Лишь в поезде можно все рассказать чужим людям о себе так много, особенно если попутчики такие же откровенные. Следовательно надо садиться в поезд с подозреваемыми в преступлениях, и они за «рюмкой чая» все откроют, как на духу. Вот и Борису с Кирой повезло с молодыми попутчиками, которые через день-два не только разговорились, но и сроднились с ними. И обещали, конечно, помочь им выгрузить тяжелые вещи на узловой станции Урбах. Бориса удивила и широта души простых людей. Мать, конечно, дала в дорогу и жарено, и печено. Но молодой аппетит со всеми домашними пирогами быстро справился. Соседи по купе не переставали их угощать и запасами, и продуктами, которые покупали на больших станциях – теплая рассыпчатая картошечка, малосольные огурчики, жареная рыба. Борис с Кирой не могли себе позволить ходить в вагон-ресторан. Достаточно было чаю от проводницы, да соседских угощений. Борис видел, какие дома-развалюхи стоят на периферии России, какие бедные одежды у местных бабушек и какие скудные простые продукты в кулечках газеты они предлагали на станциях. Так угощала изголодавшаяся Россия в 1963 году изголодавшихся пассажиров товарно-пассажирского поезда. А пассажиры широко делились меж собой – и пирогами, и судьбой.

Вот, наконец, станция Урбах. Борис с Кирой, уже одеты, собрали вещи. Только рук у них меньше, чем вещей. Ребята вставали долго, особенно молодая жена. Муж все ее вежливо подгонял. Хорошо Борису надо выходить вместе с соседями. Они помогли вынести из вагона неподъемные тюки. Помогали и другие пассажиры, видя, как крываются от тяжести поклаж молодые. Помогли принести вещи прямо в помещение вокзала. «Спасибо, земляки!». Борис с благодарностью думал об этих людях, что бы делал он в чужой земле один, с беременной женой?

На вокзале от многолюдья стоял постоянный гул. Многие пассажиры спали по лавкам вповалку. Как всегда на вокзалах, народ собрался со всех концов страны. Все слои общества –

одним порядком – от нового поколения, к которому принадлежали и Борис с Кирой, до стариков, которым тоже не сиделось дома, и куда-то их несет нелегкая. Как неухоженный лес, где и зеленая крона – молодых кровей, и стволы – столпы взрослой современной жизни, и чернота корней – людей пожилых, которые этот лес создали и держат твердо на земле. И такие образы озарили Бориса именно в Урбахе – на узле тех путей-дорог, какими крепко был связан Запад и Восток в России. Там, где Уральский хребет, как сварной шов, сварил крепко-накрепко Европу и Азию. Вот как ощутил Борис обстановку, в которую попал в это время.

Он остался один у кучи багажа, пока молодая семья и Кира побежали к транзитным билетным кассам, оформить билеты на поезд до Барнаула. А там еще надо выстоять огромную очередь в кассу.

Неожиданно для Бориса ребята прибежали, стали хватать свои чемоданы, и вещи Бориса. Прорва багажа?!

– Боря, билеты взяли. Скоро посадка, – прокричала Кира, схватила несколько своих сумок и побежала, горбясь за ребятами.

Борис остался один, а перед ним – неподъемный ящик. Что делать!?

Он решительно схватил этот ящик, закинул его на плечо и побежал за Кирой к платформе поезда. И откуда силы-то взялись?

Добежав до платформы, Борис увидел, что поезда нет. «Опаздывает!» – сказала с сожалением Кира. И ящик с такой силой придавил плечо Бориса, что он его чуть не уронил. Но там ведь – стекло фужеров и фарфор тарелок. Борис присел и опустил ящик на платформу из последних сил. Как же он его мог поднять? Да, в человеке – сил громада. Говорят, это – запас сил, который необходим человеку для борьбы в смертельных испытаниях. Оказывается, этот резерв можно напрячь и мобилизовать, когда прозвучит призыв: «Надо!» – когда страда или беда. Вот почему называют могучего человека «семижилным».

Начальник главка Росмолоко Орешко встретил молодого инженера-холодильщика доброжелательно. Белый, важный, плечистый, с улыбкой на лице, он вышел из-за стола навстречу

робко вошедшему в огромный кабинет Борису и крепко пожал ему руку.

– Здравствуйте, здравствуйте, если не шутите!

Но после вежливых вопросов о том, как доехали, сколько месяцев беременности у супруги, как понравился Барнаул, начальник огорошил Борису:

– К сожалению, в Рубцовске новый молочный комбинат еще не построен, а на старом инженер-холодильщик есть. Поэтому в Рубцовске новый инженер пока не нужен. Но специалисты нам нужны, пошлем вас на целину, в Кустанай.

Робость с Борису слетела в одно мгновение. Жесткие взгляды молодого специалиста и начальника главка сошлись непримиримо. Только слабость покажи, мелькнуло в сознании Борису, – и запугают своей властью и авторитетом.

– В Кустанай я не поеду! – решительно сказал он. – На целину – с беременной женой?

– По закону молодой специалист должен отработать по распределению три года. Не знаешь законов – научим, не захочешь работать – заставим, – произнес Орешко решительно, как Бог. – Думаешь, нам легко пришлось целину поднимать? Вкальвали по две смены, спали в палатках, зимой аж чуб к брезенту ночью примерзал... Квартир там пока нет, поселим вас с женой по отдельности в общежитиях...

– Именно по закону! По распределению я подписался в документе на должность инженера-холодильщика Рубцовского молочного комбината с предоставлением мне квартиры, – твердо и медленно сказал Борис, приподнимаясь со стула. – И прошу соблюдать предложенные в вашей заявке условия. Или же дайте мне официальный отказ из-за отсутствия должности, и я уеду в Астрахань... А жить в палатке – сегодня времена не те. Я внештатный корреспондент молодежной газеты, и знаю цену честному труду.

Оказалось, что громаду времени не пробьешь лбом. Борис, хоть и принят инженером на Рубцовский молочный завод, но квартиру не получил. Жил с женой за занавеской в огромной вонючей комнате на десять жильцов в мужском общежитии. Ночью, пока все спят, за занавеску заглядывал Юрка Швабрин с выпученными испуганными глазами, протягивал не спящему

Борису грелку с молоком, которое воровал с завода за пазухой, под телогрейкой, и шептал угрожающе:

– Вору сам! Чужими руками жар загребать нечего...

– Я твой должник, – соглашался шепотом Борис, выливая молоко из грелки в трехлитровую банку, которую проснувшаяся пузатая жена Кира, достав из-под кровати, держала двумя руками.

Швабрин исчезал, с досадой махнув рукой с грелкой. А Борис резал уже хлеб, похожий на толстый блин кизяка. Кстати, и по вкусу схожий с коровьим говном. За таким гороховым хлебом вставали в очередь в шесть часов перед работой в магазине. И то давали только по буханке на человека.

Молодые пили свежее молоко с этим хлебом, а Борис шепотом напевал: «У нас в Сан-Рубциске гулянье – гнилые витушки дают... И спирт обжигает сознание и красит сибирский уют...».

Потом, наевшись, они засыпали на железных кроватях, придвинутых одна к другой. Будильника не было. В шесть часов утра комната взрывалась от орущих спросонья рабочих. Дверь постоянно хлопала, пока ребята бегали умываться в туалетную комнату. Борис бережно прикрывал рукой жену от той утренней бури. И когда наступала тишина, выводил Киру из-за занавески умываться.

Рабочий Рубцовск сумрачно смотрел в окна общежития. Борис медленно наматывал на ноги портянки и натягивал кирзовые сапоги, и уходил на работу в компрессорный цех.

Комбинат лепил и мял его, как воск. В компрессорной нужно было проверить работу смены. Опять ночные дежурные спали и упустили подачу холода в камеры. Хотя божились, что следили всю ночь за давлением. «Давили клопа, черти», – понимал Борис. Сам не мог в ночную смену глаза разодрать, особенно в волчи часы – с двух до трех ночи. Хотелось есть. Уже из цеха принесли кефир, молоко. Даже айран. Борису уже разыграли с этим айраном.

– Из коровьего молока делают айран? – спросил он у высокого компрессорщика Дмитрия.

– У нас делают, – ответил он. – Попробуй.

Борис никак не мог открыть пробку на бутылке.

– А ты потряси хорошенько, – сказал проходивший мимо слесарь.

«Опять помрачнел после вчерашней пьянки», – подумал Борис. Потряс бутылку айрана, потом схватился за крышку, а она хлопнула в потолок – и весь айран выскочил, как джин из бутылки, облив инженера с головы до ног. Компрессорщики расхохотались. А длинный Дмитрий дал слесарю по зубам – заступился за молодого специалиста.

Потом молодой инженер пошел с проверкой подачи холода в производственные цеха. Первый раз, когда подошел к огромному чану с закваской в цеху мороженого, загляделся на работу фрезера, откуда мороженое вываливалось толстой белой кишкой в цилиндр из нержавеющей стали. Оттуда продавщица потом наскребает ложкой мороженое в вафельные стаканчики.

– Мороженого еще наешься, ты вот закваски лучше выпей с утра, – поднесла молодая работница Борису полную литровую кружку молочной холодной смеси.

– Куда мне так много! – принял кружку Борис. И стал осторожно пить. Вкусно, как мороженое, выпил с жадностью, но только половину. – Больше не могу.

– Потом сможешь, – забрала кружку работница, подмигнув Борису.

И не ошиблась. Каждое утро Борис пил это лакомство, полную кружку. И быстро лицо округлилось. И сытно, и вкусно. Жалко только, что Кире он не мог этого напитка принести.

Кира обычно любила посмеяться. Тем более Борис часто шутил. Но на Алтае было не до смеха. Не заливался звоночек родного голоса жены. Она все время хотела вернуться домой. Но по закону, Борису нужно было проработать на комбинате три года. Приближались роды. Да и денег на билеты не было. Положение безвыходное. Борис видел, как, доглаживая его рубашку, Кира молча роняла слезы на утюг, и он шипел. Но промолчал, и ничего не спросил.

А слезы говорили о том, что нервы жены были напряжены. И не только тоской по родному дому. Кира страшно переживала, что Борис мог поступить сразу в аспирантуру в своем институте. Ведь проректор Артем Захарович писал музыку на его стихи. Он бы мог взять к себе на кафедру теплотехники умного аспиранта. Так нет, муж даже не обратился к нему с такой просьбой. Чудака позвал Восток. «Сегодня в Сибири я сослан по соб-

ственному желанию». А она должна стать почти декабристкой, и на шестом месяце беременности отправиться за любимым поэтом в сибирскую «ссылку». Оставив южный город, родную мать, отчий дом и толпу поклонников ее таланта. Ведь она была примой в студенческом драмкружке. Играла Луизу в пьесе Шиллера «Коварство и любовь». Хотя так и не смогла избавиться от легкой картавости. Не каждая жена сможет так пожертвовать собой ради мужа.

А он еще заставляет ходить на учебу в вечерний институт. Мать Бориса прислала ее документы об окончании второго курса факультета промысловства Астраханского рыбного института. Ходила на прием к проректору и выпросила документы у Щербакова, чтобы оформить перевод Киры на заочное отделение рыбвтуза.

Но Кира учебу забросила. Надо сначала родить. А беременность проходила сложно. И Борис согласился, в конце концов, отложить ее учебу.

Однажды Кира упала на улице в обморок. Не то от беременности, не то от голода. И такой здесь народ – никто не остановился и не помог подняться. Борис сказал, наверное, потому, что многие в Рубцовске – оставлены после тюремных сроков на поселение. Бывшие зеки, или их дети и внуки. Сказал так тихо, что она не сразу сообразила, о чем это он шепчет на ухо, или хочет поцеловать ее ушко.

Борис сам видел, что нет в Сибири ни молочных рек, ни кисельных берегов. С утра, к шести часам он бежал на конец Вокзальной улицы в магазин, где уже стояла очередь за хлебом. И вспоминалось ему, как еще дошкольником в Астрахани он занимал с утра затемно очередь в хлебном магазине Дербенева, пока бабушка Анисья растопит печку, подоит корову и придет к магазину. А очередь растет, сжимается, становится теплее от прижавшихся тел, зашумит, когда начнут считаться, а Боря показывает бабушке номер, написанный химическим карандашом на ладони. Он уже умел считать, и номер говорил по одной цифре два-пять семь... И вспоминал жуткий страх, когда начинали все давить друг друга у раскрывшегося окна магазина, а бабушка кричала: «Осторожней, тут ребенок!» – отталкивая от Бори шумевших очередников.

Борис приносил хлеб, еще горячий под полушубком, а Кира с горьким вздохом говорила опять одну и ту же фразу: «Алтай – хлебов! А хлеб – один горох».

Глава 2

В Рубцовске было двоевластие. Старым молочным заводом руководил пожилой военный Петров Петр Петрович, без образования, но с большим авторитетом. Правда, это не мешало рабочим звать его «Перпером». А новостроящимся городским молочным заводом правила крикливая Масыкина (ее за глаза называли Масычкой). Но она протягивала свою руководящую руку и на вотчину Перпера. Он не возражал. Хотя с подчиненными Перпер шутки не шутил. Видимо, остался опыт обращения в молодые офицерские годы с зеками.

И вот молодой инженер Борис Карин был впервые приглашен на очередную планерку в кабинет директора Петрова. И Петр Петрович на чистом глазу говорит:

– Совещание при директоре считаю открытым.

Борис прыснул в кулак. Но все смотрели вперед сосредоточенно, по-деловому. И Борису стало стыдно.

А Петр Петрович поставил главную задачу:

– Инженеру нужно на этой неделе решить вопрос с краньями.

И Борис не вытерпел и расхохотался.

– Вон отсюда, бесстыжая морда! – побагровев вскричавший директор.

И Борис вылетел, как пробка, из кабинета, не в силах сдерживать смех. Но к удивлению в коридоре он не услышал смеха из кабинета директора, чем был очень озадачен. Навсегда.

Поэтому Бориса закрепили за новым гормолзавдом, за Масыкиной. Дела на стройке нового гормолзавода шли не шибко. Который год откладывался пуск городского долгостроя. С другим холодильником Женей Боговым, который тоже оканчивал Астраханский рыбвтуз, Борис ходил на стройку через день. Один по штату был инженером на старом заводе, другой – на строящемся, курируя монтаж ходильного оборудования. На каждой планерке у директора Масыкиной пытались назначить сроки

выполнения каких-то конкретных работ, тыча рукой в рабочие чертежи. Спрашивали, что думает Борис Константинович. А что он мог думать? И какие сроки могли быть на Алтае. Этот долгострой не могли запустить уже семь лет.

Бориса попросили проверить разводку горячих и холодных труб. Он залез на трассу – а там стальная паутина. И черт их знает, как разные трубы соответствуют чертежам? Молодой специалист – как чистый лист... Начинать – всегда трудно. А коли начал – так держись. Может, Женька Богов поможет разобраться с этими трубами. Вообще такое задание лучше выполнять вдвоем.

И вместо того, чтобы сдаваться, Борис решил наступать. Пришел к директору завода Масыкиной с заявлением: «Прошу решить вопрос с предоставлением мне с женой на восьмом месяце беременности квартиры, которую обязались предоставить, мне, как молодому специалисту по заявке при распределении из Астраханского рыбвтуза. В противном случае вынужден вернуться домой в Астрахань и обратиться с иском в суд».

– У молодых много претензий, – зло сказала Масыкина. – Уедешь – скатертью дорога...

Борис решительно встал и направился уходить.

– А может, пустит вас Богов? Он – холостяк, – услышал он за спиной голос Масыкиной, но закрыл за собой дверь.

Почему не остановился? Да потому, что узнал искусителя мира в юбке. Ему – душа, тебе – квартира? Не на того нарвался, бес! Борис привык жить по чести и по совести.

Не советуясь пока с Кирой, он купил бутылку спирта и, не раздумывая, поднялся на пятый этаж кирпичного дома в квартиру Богова.

– Пришел совесть спасать, – выпалил с порога.

Поставил бутылку на стол и выдал директорское предложение, чтобы не нарушить их дружеский союз.

– Что делать? Они хотят за счет тебя выполнить свое обязательство мне.

Женька Богов налил по полстакана спирта каждому, а в третий стакан – холодную воду Борису. Сам он спирт не запивал. Отрезал по кружку вареной колбасы, которую рабочие меняли

на сметану с дружками с мясокомбината. Чокнулся с Борисом, выпил, закурил. И сказал:

– Перебейтесь, хоть сейчас!

Борис был так потрясен, что даже не запил огненный спирт холодной водой.

Вечером в общежитии Борис торжественно сказал Кире:

– Нам дали квартиру. На троих.

– А кто третий! – не поняла, расширив удивленные глаза, Кира.

– Тот, кто толкается, – погладил Борис ласково живот Кире, и боязливо отдернул руку: – Ой, толкается изо всех сил.

– Девочка с большими голубыми глазами, – опять стала спорить она.

– Нет, мальчик с маленькими карими глазами, – упорствовал он.

И ее большие голубые глаза тоже спорили с его маленькими карими глазами, стреляя друг в друга задорным взглядом.

Борис и Кира перешли в квартиру на пятом этаже кирпичного дома, не дожидаясь переезда Жени Богова.

Бывший хозяин решил оставить ему и всю мебель: кровать, стол, старый диван и кухонный уголок. А куда он возьмет это в мужское общежитие? Все равно квартира с мебелью принадлежит гормолзаводу. Молодоженам не верилось, что у них теперь есть своя квартира, свой дом. Борис горячился:

– Люди порой полжизни ждут получения квартиры. Стараются работать на одном месте династиями, ломают горб, угрожают начальству, чтобы их выбрали в местком, в партию. Порой устраивают интрижки и подсижки, чтобы влезть в передовики, в первые ряды очередников на квартиру. А мы только начали самостоятельную жизнь – и сумели получить квартиру. Это потому, что я поехал на целину молодым специалистом. В Астрахани нам бы никто не дал квартиру и после десяти лет работы.

Теперь в выходной день надо забирать со склада свой багаж, решил Борис, поставив у дивана чемодан, в котором собрал свои шмотки и вещи жены. Богов перевез вещи в дом своей девушки. Может, решится быстрее жениться на ней. Девчонка неплохая. Любит его. Хотя он пристрастился к спиртному. Женька, конечно, видный. Высокий, блондин. Лицо интеллигентное. Играет

на гитаре. Учит самостоятельно английский. Читает английскую книжку со словарем. Но страшный молчун. Слова от него не дождешься. Особенно, когда выпьет.

Кира с Борисом улеглись на ночь на раскладном диване.

Буквально на другой день вечером в квартиру Бориса пришли гости. Это был Швабрин со своей женой Ниной, Шлепенчук с женой Людмилой. Кира обрадовалась гостям. Юрка Швабрин принес сосиски – шабашку с соседского мясокомбината, Виктор Шлепенчук – бутылку вина и бутылку спирта. И жена срочно стала варить сосиски, чистить картошку и жарить ее на постном масле. Хорошо, что теперь своя кухня есть, с газовой плитой. Вкусная у нее получалась картошка. Чуть прикроет сковородку крышкой в конце жарки – и картошка мягче. Быстро накрыли стол, расселись поудобнее, сфотографировались, пока трезвые, разлили по стаканам. Первый тост вызвался сказать Швабрин. Длинный, как Маяковский, и стрижка такая же, губы тонкие поджаты и глаза навывкате. Поднял руку, чтобы все замолчали, и вдруг, держа стакан с водкой, пошел от стола к входной двери.

– Держи, уйдет! – засмеялся Борис.

Но дверь распахнулась, и Швабрин вкатил в квартиру детскую кровать, а в ней – кастрюли, сковородка, ведро, детский горшок и полно всего. Все закрычали:

– Ура-а!..

– С новосельем! – произнес короткий тост Юрка Швабрин. И все выпили и загалдели.

– Целое приданное... Ничего, что БУ – бывшее в употреблении – в хозяйстве пригодится... Ребенку первое дело – нужны кровать и горшок... Ой, дайте воды спирт запить, не чую рта...

– Давайте выпьем за горшок, это хорошо! – предложил Борис и расплакался.

– Спасибо, спасибо, ребята! – растрогалась Кира, вытаскивая из деревянной кроватки утварь и раскладывая рядком на пол вдоль голой стены. – Вот помогли.

– Мы же соседи, – сказала мягко Нина Швабрина, – обязаны помочь.

И Борис почувствовал, что он не один в чужом городе со своим Кирёнком. Рядом – добрые люди. И даже сказал об этом в своем очередном тосте.

– А вот ты, Борис, – невнимательный, – вдруг сказала захмелевшая Людмила.

– Почему? – испугался Борис.

– А потому что я не только жена Виктора Шлепенчука, я еще главный инженер рубцовского гормолкомбината. А ты на комбинате утром буркнешь «здрате» и проходишь мимо.

– Начальство надо уважать, как я, – засмеялся Шлепенчук, приглаживая торчавшую вверх густую щетину упрямых волос.

– А я и не понял, что твоя жена и моя начальница одна и та же... красивая женщина, – оправдывался, подмигнув, Борис. – Извините великодушно!

– То-то, – знай наших! – успокоился Виктор.

Борис привез с вокзала вещи на машине, а рядом уже никого не было. Женька был на работе на дежурстве, а Кира в больнице. Борис поехал с утра на заводской полуторке с мрачным шофером за своими вещами в камеру хранения железнодорожного вокзала.

После вечеринки врачи положили Киру на сохранение в больницу. Ничего страшного, говорили они. Упала опять в обморок – значит, лучше полежать на больничной койке. Роды могут быть преждевременными.

Борис отвез жене в больницу свое «лекарство» – бутылку молока.

Отчего Кира уже не первый раз падает в обморок?... Вроде не изнеженная. Терапевт крутил усами смешно, обдумывая диагноз. Но Борису было не смешно. Он тоже недавно в бане упал в обморок, от жары, наверное, перегрелся. Очнулся, когда на него голые мужики вылили ушат холодной воды.

Жена не раз падала в обморок еще в Астрахани.

«Возрастное, пройдет, – успокоил врач Киру в женской консультации. – После родов пройдет».

Шофер заводской машины привез к дому багаж и скинул его с кузова на землю. Борис попросил его помочь донести ящики на пятый этаж, но он молча повернулся и уехал.

Надо платить, а у Бориса – нечем, ждет получку. Предложенная трешница шофера не устроила. Ждать Женю несколько часов до вечера перед подъездом стыдно. И Борис решил сам

поднимать вещи, особенно этот проклятый ящик с посудой, который они с Ленкой еле дотащили до Астраханского вокзала. Борис знал только один способ справиться с таким грузом. Перекатывать, осторожно со ступеньки на ступеньку лестницы, на пятый этаж его кирпичного дома, чтобы не разбить всю посуду внутри ящика. Шум в подъезде был большой. Ломая спину, такелажник все же видел краем глаза, что от грохота соседи, глянув из своих приоткрытых дверей, закрывали их, пряча бессовестные глаза от нового жильца. Выходит, не все соседи обязаны помочь.

«Умрешь – и никому нет дела!» – ворчал про себя надрывисто Борис.

Учились жить среди людей на поселении его душа и тело. Почему-то вспомнилось, как выучил его плавать двоюродный брат Ленка в детстве – бросил на глубине и ушел на берег, барахтайся, выплывай. Барахтайся, тащи ящик за ящиком по ступенькам, по ступенькам. Учись одолевать трудности жизни по ступенькам, перекатывая по ступенькам бремя жизни. И вдруг на поэтическом взлете в сознании возник вопрос: «А сам чужому бы помог?»

Глава 3

В субботу Борис встречался с друзьями-поэтами литературного объединения «Старт» в доме культуры АТЗ. Руководителем и душой кружка был Иосиф Григорьевич Ясинский. Обаятельный, грамотный, знающий литературу. Сам писал очерки, рассказы, даже драмы. Борис перезнакомился со всеми членами кружка – Валерием Петрушиным, Болтовским, Юрием Швабриным и другими. Как всегда, были споры о публикациях стихов в следующем субботнем номере газеты, упреки редактору, что мало платит. Почему всем по полтора рубля, а Карину три рубля.

– Подумаешь шедевр – «Чайник делал бурю». Ну, кипел чайник, пока парень вытряхивал одеяло на морозе. И что такого? – задирился журналист Юрий Рушенцов.

– Потому что душа бурлила у парня, – отбивался редактор.

Вдруг поднялся со стула новенький автор. Он только что принес несколько первых своих стихов в газету.

– А Карин есть сегодня здесь? – спросил этот битюг в тулупе на плечах.

Борис поднялся тоже:

– Я – Карин

– Я на вас пародию написал, – протянул парень листок с сочинением.

Борис посмотрел на текст и прочитал вслух:

«Пародия на стихотворение Бориса Карина.

ДИАЛОГ

– *Облака мои косматые,
Далеко ль ва-ам?
– Далеко-о!
– Небеса мои крылатые,
Высоко ль ва-ам?
– Высоко-о!
– Но малы мне мерки ваши –
Мне и выше-е, мне и дальше-е!*
(Борис Карин)

Вышел рано утром в поле
И кричу:
– Облака, мне ваша доля
По плечу-у!
Захочу и улечу я
Далеко-о!
Облака в ответ с восторгом:
– О-го-го!
Разошёлся я и гордо завопил:
– Я летаю без руля и без ветрил!
Небесам со мной тягаться не с руки,
Мои мерки для них слишком велики!
Ох, зачем такие словеса?
Говорил сто раз: не заводись!
Вдруг дождём пролились небеса,
И раздался голос:
– Охладитесь!

Все рассмеялись. А Швабрин сказал:

– Попал в точку. Он же инженер-механик по холодильным установкам.

Борис был и рад вниманию, и краснел от смеха ребят. Но виду не подал. Сказал парню:

– Спасибо... Только надо немного подправить. Вы написали: «Вдруг дождём пролились небеса», а грамотно – с другим ударением – пролились.

– Тогда размер стиха нарушится, – заспорил Рушенцов.

– Вот и надо подумать, как исправить, – покраснел, как рак, Борис.

– Я подумаю, – забрал свой листок парень. – Только почему вы в сапогах приходите в редакцию? – И ушел.

– Обиделся, – вздохнул Швабрин. – А здорово ты его отшабрил, – улыбнулся он Борису.

– Певцы в кирзовых сапогах, – подал голос редактор. – У меня с возрастом ноги болят, но я и в мороз в ботинках хожу в редакцию газеты. В святая святых...

Глава 4

Мать прислала Борису посылки с валенками и полушубком. Купила на овчинно-шубной фабрике у рабочих за полцены. И то пришлось отдать всю зарплату, а самой жить не на что. Как она, бедная, жила? Зато спокойна, на алтайских морозах сын не замерзнет. А на Киру, конечно, денег нет, у нее родители богатые, мать с отчимом оба работают. Она бухгалтером, деньги сами к рукам прилипают. Он – какой-то начальник на заводе, на водку находит денег, и на падчерицу может найти, купить ей что-нибудь тепленькое. Зимнее пальто износилось, нужно купить ей новое, мечтает с воротником из песка. А этот песок стоит больше, чем все пальто.

Так что на работу в компрессорный цех Борис ходил в теплом черном полушубке. Только сапоги пришлось снять. Механик сказал ему:

– Борис Константинович, что же ты в сапогах на работу ходишь? Все-таки инженер, руководитель. Вид у тебя какой-то жуткий. И не похож ты на спецов.

– Холодно в ботинках, – пытался оправдаться Борис. – А портянки теплые, байковые. Ребята научили заматывать их ловко, чтобы не натирали ноги.

– А вы на одни носки надевайте вторые носки, будет теплее в ботинках, – посоветовал хитрый механик. Роста небольшого, но широкий, крепкий мужик. И знающий, хоть без образования. Борис не стеснялся у него спрашивать, учиться инженерному делу.

Пришлось ходить на работу в ботинках. А тут еще в редакции газеты устыдили за сапоги. Вспомнилось Борису, как в детстве тетя Оля купила ему маленькие сапожки в подарок. Красивые, посчитал Борис. Надел их и пошел погулять по центральной Советской улице в городе. Вернулся домой – мать увидела сапоги – и обмерла.

– Где ты взял? Сними сейчас же! – кричала мать, стаскивая с него сапоги.

Борис испугался, но не расплакался. Больше он их не видел. И мать ничего не объяснила. С годами все забылось.

Потом понял, когда мать обмолвилась:

– Мы вырвались из коровника. Я – учительница, а ты – инженер.

Глава 5

В магазинах почти ничего из продуктов не было. Алтай – край хлебный. А подняли целину – и жрать нечего. Город при молочном комбинате, а на полках – ни молока, ни сливочного масла. Жили Борис с Кирой в основном на жареной картошке и на гороховом хлебе. Приходилось жарить картошку на маргарине, или вообще на маргусалине, который как солидол. Да и денег лишних не было. Кто тогда был беднее инженера?

Кира была нетребовательной. Она старалась как-то экономить скудные девяносто рублей зарплаты Бориса. Радовалась, когда перепадал небольшой гонорар. Возмущалась, что нечего купить в магазинах и на рынке.

– Что же завод не продает для своих молочные продукты? – спросила как-то Кира у мужа.

– Не продает, я узнавал, – сожалел Борис.

Он-то был сыт, а жене ничего добиться не мог.

Кира ждала, когда Борис пересилит себя и будет приносить с работы продукты. Как приносил им раньше Швабрин. Она понимала, что на молочной заводе даже честный старался

принести домой «шабашку». А Борис был не только честный, но и трусливый. Молодой инженер-холодильщик быстро стал известным, как «не ворующая власть». Когда он входил в раздевалку, где переодевались рабочие в конце смены, то с его появлением шум смолкал. Все переодевались тихо – как воды набрали в рот. И тайком прятали приготовленные на вынос молочные свертки. Порой он ловил на себе чей-то недобрый взгляд. Раз не воруюшь – ты чужой. Может сообщить куда следует.

Одна из работниц, которой Борис приглянулся, несколько раз увещевала его:

– Борис Константинович, что вы беременную жену голодом морите? Положите в карман хоть кусочек сливочного масла.

Борис отшатывался от этого соблазна.

Но однажды Кира не выдержала и крикнула ему в лицо, широко раскрыв серые глаза в слезах:

– Ты трус! Трус!

И на другой день Борис сам попросил эту работницу в конце смены:

– Клавдия Ивановна, отрежьте мне маленький кусочек масла.

Она с готовностью ему моргнула. Но когда Борис пришел в бытовку переодеваться, потихоньку от других передала ему в пергаментной бумаге большой кусок масла, килограмма на два. Он испугался, пытался ей вернуть, но работница сказала, суньте руку со свертком под халат и спокойно пройдете через проходную. Бориса бросило в жар. Попался он соблазнителью. Через проходную шел, как через пожар. Под халатом пергамент шуршал за спиной, как ураган. Борис принес домой масло – и дал обет: никогда, ни за что больше в жизни не воровать.

А на другой день пошел к директору завода с заявлением написать ему на месяц хоть два килограмма сметаны за его счет.

Но получил отказ – не положено, молочный завод не имеет права продавать молочные продукты частным лицам, даже своим работникам. Борис не сдавался, обратился в Росмолоко к Орешко, сделать исключение в связи с беременностью жены. И директор завода Масякина сдалась. Написала приказ по гормолкомбинату.

– Но под мою ответственность! – кричала она вслед удовлетворенному Борису.

С копией этого приказа и кастрюлей на два литра, которая нашлась в молодом хозяйстве, Борис пришел на следующий день к товароведу на заводе. Тот раскрыл бидон, зачерпнул из него большим ковшом и бухнул чуть ли ни полную кастрюлю сметаны.

– Мне только полкило, – вскрикнул Борис.

– Сейчас, я буду тебе развешивать, – засмеялся товаровед. – Иди домой! У тебя же документ на руках.

В этот раз через проходную он прошел с меньшим волнением. Но все равно боялся, что остановят и привлекут за воровство.

Но Кира была страшно довольна. Только боялась, что сметана пропадет в жаркой квартире, даже в холодной нише под подоконником, вместо холодильника. Но сберегла в холодной воде, и съели все до капли.

Глава 6

В честь Праздника Победы после дневной смены компрессорщики организовали вечерний стол. Попросили Бориса, как начальника, принести водку.

– Полбанки хватит, сказал старый сменщик, – да и ребята спирт принесут.

Почему-то в голову взбрело, что полбанки, это четвертушка водки. А уточнять у пожилых людей было стыдно. Борис обошел все близлежащие на Вокзальной улице продмаги, нигде четвертушек не было. Наконец, кто-то его послал на сам вокзал. Там Борис и купил чекушку.

– Ты что же маленькую принес? – упрекнул его старик.

– Денег с собой забыл взять, – нашелся Борис, загоревшись от стыда.

Но стол был обильный, спирту много. Подошла и вечерняя смена. Настроение веселое. Жидоморство Бориса забыли. Выпили за Победу. А за участника войны долгоязого машиниста Палыча сказал тост Борис, глядя на две Красные Звезды на его пиджаке. Тот размяк. Пока все шумели, разговорился по-дружески с Борисом:

– Смотрю на тебя, молодой, еще зеленый специалист. Стоишь перед компрессором – дурак дураком. – Машинист положил на острое плечо Бориса теплую руку, чтобы не обижался. – Ни-

чего, освоишь. Вот в стихах ты больше понимаешь. За твое стихотворение ко Дню Победы в нашей газете, большое тебе спасибо. «Носите свои боевые награды вы, юность живая дорог фронтовых...» – продекламировал захмелевший компрессорщик, крепко обнял Бориса и пустил слезу, – стихом своим ты уважил фронтовиков... Хорошо!

Глава 7

Слова ветерана войны «стоишь дураком» ранили самолюбие Бориса. Он решил реабилитироваться, и вообще вводить на гормолзаводе какие-то профессиональные новшества. Все время на планерках ругали машинистов, что не держат нужного температурного режима.

– Когда будет холод в камерах? – спросила его на планерке директор Масякина.

– Когда кончится лето, – так же резко ответил Борис.

– Вы что, смеетесь, вместо того, чтобы обеспечивать низкую температуру в холодильной камере?

И Борис вспомнил из институтских лекций, что двери камеры прикрывают от встречного воздуха брезентовыми занавесками. Он попросил разрешения сделать такие занавески, чтобы холод не ускользал в открытые двери при погрузке-разгрузке камеры. Предложение понравилось, и было принято. Занавески повесили, и приказом потребовали тщательно закрывать двери.

Но заметного результата не было. Из-за жары опять на планерке разразился скандал. Продавцы ругали завод, что мороженое в брикетах поступает в продажу слабое. Из-за этого его не хотят покупать или возвращают продавцу. Скандал дошел до главка. Вызвали в Барнаул на «ковер» инженера-холодильщика и технолога завода.

– Инженер молодой, не знает, что предпринять, – сказал технолог.

– Что вы скажете на это? – спросил Бориса начальник главка Орешко.

– Вафельные стаканчики будем делать, раз мороженое быстро тает в брикетах, – попытался технолог заступиться за Бориса.

Припертый к стенке, Борис вспомнил разговор работников цеха, что вафельные стаканчики не могут делать, потому что последний мешок муки технолог на своем мотоцикле куда-то увез.

– Вы же муку увезли? – ляпнул Борис технологу в глаза.

В кабинете наступила мгновенная тишина.

– Ладно, разберемся, – встал Орешко, протягивая руку каждому на прощание. – Оба думайте, как мороженое спасать в такую алтайскую жару.

Но думать вместе не пришлось. Технолог ушел в отпуск и больше на заводе не появлялся, уволился.

Тогда Борис и не подумал, что в это конвойное время могло с технологом случиться. Просто переживал, что сторяча наябедничал, хотя мать его с детства отучала от этой подлости.

Глава 8

Борис за смену набегаются по цехам на работе. Придет домой уставший, поужинает, и заваливается на диван на часок, пока кости гудят. А Кира пристроится рядом и начинает допытываться, с кем ее муженек раньше гулял. Расскажи, да еще подробнее. Ей было скучно одной, да с тревогами за будущего ребенка, вот она и искала общения с мужем, узнавая о конкретных эпизодах его жизни. Борис умел рассказывать. Правда поначалу стеснялся говорить всю правду, но Кира чувствовала, что он не все рассказал, и пыталась его вопросами. В общем, Борис рассказывал. Поддавшись объяснениям Киры, что она его так учит лучше владеть словом, если он писатель. Получались целые новеллы. В основном о его дружбе с Люськой.

Борис рассказывал Кирёнку, как дружил с Люськой. Раз писатель, то скрывать ничего нельзя. А скрывают как раз самое интересное.

Вот одна из новелл.

СОПЕРНИЦА

...В маленькой прихожей квартиры еле уместилась вешалка и старое трюмо со столиком. Из комнаты слышится приглушенная музыка, но какая-то тревожно-таинственная. Седая женщина в брючном костюме вышла из комнаты, открыла на повтор-

ный звонок входную дверь. От замешательства ее пальцы с маникюром запутались в дверной цепочке.

– Сейчас, сейчас! Ну, что такой нетерпеливый? – попеняла она извиняющимся тоном.

Потом схватила с вешалки черную шубку и стала запикивать ее в тесный стенной шкаф, прикрыв её собой от меня. Из кармана шубки выпали на пол четверо ручных часиков. Отряхиваясь от снега, я нагнулся их поднять, но нахмуренная женщина успела схватить часики, запикинуть поглубже в карман шубки и запереть дверь шкафа.

Я закрыл на цепочку и накладной замок входную дверь, и только тогда сказал:

– Здравствуйте, Вера Васильевна! Кира дома?

– Раздевайся, Борис, здравствуй!.. Лучше бы ее не было, – сокрушенно махнув рукой, ответила женщина, смахивая рукой снег со спины гостя. Музыка в соседней комнате умолкла.

Борис глянул на закрытый шкаф, подумав – знакомая мерлушка.

– Вы все воюете с ней? – усмехнулся я, снимая пальто, и услышал, как из-под пиджака выпали на пол три гвоздики, завернутые в целлофан. Быстро поднял их и стал разворачивать обертку.

– Кто же цветы за пазухой носит? – укоризненно покачала головой Вера Васильевна.

– Чтобы не замерзли, – улыбнулся я, положив цветы на столик трюмо.

Потом повесил пальто на крючок вешалки на место шубки, а шапку-ушанку положил на полку вешалки. И вздрогнул – рядом с моей шапкой на полке лежала женская шапка из целого белого песка. Люськина шапка? Я почувствовал настороженную тишину в доме, мой недоуменный взгляд встретился с растерянным взглядом Веры Васильевны, в глазах ее читалось: «Шапку надо было тоже спрятать». Она отвела глаза в сторону и тихо сказала:

– Проходи в комнату, – и ушла туда, откуда вышла.

Оставшись один в прихожей, я нервно стал снимать тесные зимние ботинки, нашупал лежащие под трюмо домашние тапочки. Поправил перед зеркалом галстук, пригладил волосы. Наклонился к зеркалу, сделав дурашливую рожу, и расплылся в до-

вольной улыбке. Взял со столика трюмо гвоздики, бодро вошел в комнату и... замер в дверях.

В комнате за столом на краешке стула сидела черноволосая девушка в коротком кримпленовом платье. Я увидел виновато улыбающееся и в то же время торжествующее лицо Люси. Рядом с ней на диване в халате сидела моя заплаканная блондинка, с распухшим от слез крупным носом. Она смотрела на гостью с явной ревностью во взгляде. Наконец, она обернулась ко мне с каким-то недоверием и даже страхом. Около девушек на тумбочке стоял выключенный магнитофон. Вера Васильевна была тоже здесь, сидела на стуле за столом, демонстративно отвернувшись к окну.

Мое растерянное лицо налилось жаром и злостью. Как можно спокойнее я сказал Люсе:

– Что ты здесь делаешь? Сейчас же уходи отсюда!

– Признал? – обиженно усмехнулась Люся.

Заплаканная Кира вскочила, как ужаленная, с дивана, заслоня собой Люсю, и, слегка картавя, осадила меня:

– Что ты здесь хозяйничаешь? Она пришла ко мне – и пусть остается. И... – голос Киры сорвался, – ...и фактически твоя жена!

От меня она кое-что знала о Люсе. Теперь знала все из ее слишком откровенных уст.

– Она врет, Кира! – сказал я.

Но Кира не хотела на меня смотреть и не желала слушать. Она с силой включила магнитофон и плюхнулась опять на диван.

«Позови меня, позови меня! Хоть когда-нибудь позови!..» – умоляла певица. На этом запись кончилась и наступила тишина.

– Люся очень точно рассказала, как умеют ласкать только твои руки, – всхлипывая, сказала Кира.

А в это время руки Веры Васильевны незаметно для девушек снимали с комода женские золотые часики, вынимали из шкатулки серьги и незаметно прятали их на груди за вырез платья. Потом она выключила работающий вхолостую магнитофон, взяла из моих рук цветы и вышла с ними из комнаты.

– Если ты не уходишь, тогда уйду я, – в отчаянии буркнул я и выскочил в прихожую вслед за Верой Васильевной.

От стыда, не видя ничего, кинулся к вешалке, схватил пальто. И в этот момент услышал рядом тихий голос Веры Васильевны:

– Крепись, не убегай!

Это было спасением: хоть кто-то был за меня в тяжелой ситуации. Моя рука застыла на воротнике висящего пальто, потом медленно опустилась. С красным растерянным лицом я заставил себя повернуться к Вере Васильевне.

– Если влип, значит, еще телок, – утвердила она мою решимость не сбежать от позора. И протянула вазу с водой и гвоздиками, кивком головы направляя меня к двери в притихшую комнату. Я положил на полку свою шапку, которую успел схватить перед бегством. Моя шапка столкнула Люськину шапку из песка на пол. С остервенением я подхватил ее и сунул на полку. Взял вазу с цветами из рук Веры Васильевны и вошел в комнату, как в горящую избу.

Кира продолжала лежать на диване, свернувшись калачиком. Как ей горько! – говорил весь ее сжавшийся вид. Люся, потупив голову, сидела у стола и водила пальцем по рисунку на клеенке, как по карте сражения. Она тяжело задумалась, одна бровь у нее приподнялась – невеселые, наверное, у нее были сейчас думы о своем положении непрошеной гостьи в этой квартире. Это выдавал ее трясущийся палец.

Я поставил вазу на стол, чуть ли не на руку Люси. Она ее быстро отдернула. Подняв голову, Люся осуждающе глянула прямо на меня. И невольно заметила, как я смерил ее заинтересованно с ног до головы.

– Что это ты вырядилась? – спросил я, садясь в кресло.

– Чтобы понравиться, – просясь, ответила Люся. И вдруг быстро повернулась к Кире и выкрикнула со злорадством:

– Он мой! Он до сих пор мой!

– Если твой, – быстро напряглась от удара Кира и приподнялась на диване, – что же ты его не берешь? Возьми его! – указав на меня.

Я возмущенно вскочил с кресла:

– Ну, знаете...

– У нас ребенок, – перебила громко Люся, и эти слова заставили меня поперхнуться.

Я вспомнил, как Люся с матерью пришла к нам домой, после размолвки на улице из-за ее беременности. И ее мать просила и требовала, чтобы я женился на Люсе. А моя мать вдруг сказала:

– Не зря есть пословица: «Сучка не захочет – кобель не вскочит».

И Люся со своей матерью ушли ни с чем. Такой поговорки я не ожидал услышать от матери. Люся сделала аборт. Я приходил к ней в роддом. А теперь меня шантажирует?

– Не ври! – закашлявшись, сказал я. – Ты меня все время шантажировала этим вымышленным ребенком, которого я ни разу не видел.

Лицо Киры сморщилось опять от нахлынувших слез отчаяния.

– Еще увидишь, – услышала она дрогнувший голос соперницы, взглянула на меня широко раскрытыми большими серыми глазами, полными слез и отчаяния, и сказала:

– Какой ты грубый с женщиной!

– Девочка! Ей два с половиной годика, – подливала масла в огонь Люся. Но решительность исчезала с ее лица. А на смену появлялся страх, глаза заметались, она вся сжималась, глядя на дверь.

Там в дверях стояла Вера Васильевна с мерлушковой шубкой и с белой песцовой шапкой в руках. Она вынула из кармана шубки несколько пар женских часиков и, протянув их на ладони, пошла к Люсе.

– Почему у тебя столько часов в кармане? – спросила она испуганную Люсю.

Та вскочила со стула, метнулась к Вере Васильевне, выхватила у нее шапку и шубку.

– Это не мои часы, не мои! – торопливо одеваясь, отпиралась Люся.

– Конечно, не твои, а ворованные, – услышал я удар Веры Васильевны.

– Не мои, – грубо крикнула Люся. – Нахалку мне не шей! – нахлобучив шапку, она оттолкнула руку с часиками – и Вера Васильевна рассыпала их по полу.

Люся выскочила из комнаты. Кира и я кинулись подбирать часы, чтобы успеть их отдать Люсе.

Вдруг в дверях появилась вернувшаяся Люся и грубым голосом сказала:

– Даже если вы поженитесь, я всегда буду стоять между вами. Я в институт пойду. Позором умоюсь, но все про него расскажу. Не видать вам комсомольской свадьбы, как своих ушей, – перешла она на истерический визг.

– Врешь, воровка! – решительно повысила голос Кира, взяла часики и сунула их в руки Люси. – Ступай вон отсюда, пока милицию не позвали!

– Слепой сказал, увидим, – ухмыльнулась Люся, подняла упавшие часики, и вышла, хлопнув за собой дверь. Из прихожей послышался голос: «У меня брат часы чинит». И входная дверь захлопнулась.

Вера Васильевна вышла запереть квартиру на цепочку.

– Хорошо, что в ЗАГСе дают месяц подумать, – сказала, садясь обессилено за стол, на место соперницы, помрачневшая Кира.

– Не болтай! – прикрикнула на нее вернувшаяся в комнату мать. – Давайте лучше сыграем в дурачка. Она подошла к комоду и стала раскладывать на прежние места часы, кольцо и серьги, и взяла из коробочки карты, прислушиваясь к нашему разговору.

– Давно прошло это увлечение. А она преследует меня, как живая тень, – убеждал я Киру. – Но вряд ли она ворует.

– А может, это и есть твое счастье? Ведь она тебя любит, – размышляла вслух Кира.

Вера Васильевна присела к нам за стол и стала раздавать карты.

– Она просто аферистка, ямщица, – сказала она уверенно. – И никакой брат не чинит часы. Она и любовь так же крадет, – и открыла козыря даму пик.

Борису показалось, что лицо дамы пик оживает и превращается в злой профиль красивой Люси.

– Злодейка, – шепчет Кира.

– Играй, дочка, – говорит Вера Васильевна.

И все берут карты в руки.

Как только Борис увидел Киру в шотландской юбке в профком институте, сразу почему-то решил, что она будет его женой. Это в юности кажется, какие мы прозорливые. А на самом деле – все судьбой предначертано заранее. Родившийся ребенок лишь разожмет первый раз в жизни руку – на ней все линии его судьбы. Только надо уметь прочитать.

Кира играла Луизу в студенческом самодеятельном театре. В нем был даже режиссер Туф – старый артист ТЮЗа с трясущими руками.

– «Коварство и любовь», – объявил Борис на сцене клуба в районном городе Харабали, потом помолчал, замешкавшись от волнения, и добавил «Шиллер!.. В исполнении студенческого драматического театра Астраханского рыбного института!» Но когда с улыбкой победителя вернулся за кулисы, режиссер Туф набросился на него чуть ли ни с кулаками. Оказывается, Борис только думал, что сказал «Шиллер!» А на самом деле ляпнул – «Шекспир!». Вот осрамился самонадеянный невежда.

Но спектакль прошел хорошо. Приезжих студентов сельчане приняли очень тепло. Кто из них в жизни когда-нибудь был в областном Астраханском драматическом театре? Да почти никто.

А Борис окончательно влюбился в Луизу, которой зрители преподнесли цветы. И жалел, что ни бог, ни старичок-режиссер не дали ему сыграть влюбленного в нее Фердинанда, которого представлял друг-однокурсник Шура Старожилов. Как он отчаянно стукнулся лбом о кулису и с жаром крикнул на весь зал: «О, женщины, вам имя – вероломство!»

И Борис бы так мог. Один раз сыграл, багровея от смущения, в драмкружке в водевиле. Причем, так хорошо сыграл, что девочки на школьном вечере кричали ему «Бис!» Единственное тогда смутило, что никогда так не хлопали за его пение на школьных вечерах, хотя пел на сцене с детсада. А понравился его лихой перепляс – гусем.

Борис с Кирой уже собрались пожениться. Свадьбу в ресторане матери не могли осилить, решили собрать родных и друзей дома. Но в бюро комсомола института пообещали устроить «комсомольскую свадьбу».

И в эти счастливые дни Борис опять встретил на улице Люсю. Она все знала о Кире, даже больше, как всегда, чем сам Борис. Как и все знакомые и родные, Люся отговаривала Бориса от женитьбы на этой, как она выразилась, «девице вольного поведения». Раз артистка, то обязательно, что ли, вольного поведения? Борису было противно и больно слушать язвительные слова, тем более – от близких.

– У меня от тебя девочка, – огорошила Люся пытавшегося пройти мимо Бориса.

– Не верю, – сказал он, загоревшись огнем от возмущения. – Может, от того, на кого ты меня променяла?

– Я все скрывала, чтобы не отпугнуть тебя окончательно, – смотрела Люся прямо в глаза Борису. – Но, может, это тебя остановит от неверного шага – женитьбы на Кире?

Борис знал, был уверен, что Люся его шантажирует. Так хотелось верить, что это ложь. «Без меня меня женили!» – как говорила в таких случаях мать Бориса. Он со злостью буркнул:

– Оставь меня. Все это ложь. Между нами давно все кончено! – и отошел от Люси. Надеюсь, навсегда.

А она перед свадьбой пришла к Кире домой. Соперница! Что делать!?

Глава 9

Друзья по институту этот брак не одобряли. Они больше знали о ней, но сплетничать не решались. Кира тоже сама призналась Борису, что, когда его увидела, он ей не понравился, и она долго не хотела отвечать на его предложение зарегистрироваться. Мать Бориса гнула свою линию, жалко выпускать сына из цепких рук. Но нет упрямей казака. Он сидел в актовом зале на репетициях пьесы, и как охотник, следил за Кирой на сцене. Ее Луизу в «Коварстве и любви» Борис боготворил. «Лимонад твое пресен, как твоя душа», – как естественно иронично Кира говорила Шуре-Фердинанду. Борис ревновал Киру и к Шуру, и даже к старому режиссеру, актеру Туфу. Старый-старый, а задерживал руки на девичьей спине. Кот плешивый! Только жаль, что Кира немного картавила. «Как можно мечтать о сцене и говорить «плесен», вместо «пресен»? – точил сознание Бориса червь сомнения. – Так что хорошо, что Кира учится не на артистку, а на ихтиолога».

Сам Борис тоже, как дурак, учится не в литературном институте, а в рыбном. Что, тоже хорошо? Мама так считает. Какой у него-то изъян? Нищета?

Спектакль на выезде в Харабали прошел хорошо. Гордый за успех артистов, Борис окончательно влюбился в Луизу.

И после «встречи соперниц» Люся не давала о себе забывать. Ее шубка маячила на другой стороне улицы, где Борис с Кирой, молодожены, временно жили у тети Оли. На этот год тетя Оля переселилась в дом матери Бориса.

Борис потом сочинил об этих тревогах стихотворение.

СТУК

Кто постучался в окно метелью,
Спугнув с балкона покой ночной?
Ты у постели притихла тенью?
Ждешь покаянья в любви былой?

Как рдели губы над каплей меда,
И поцелуем прожгли насквозь?
Как застонал я, подбитый с лета, –
И этой ране был рад до слез?

Ты помнишь в этот медовый месяц
К нам постучали в оконный крест?
И мы шептали, что это – ветер,
Или пришелец-головорез.

Но свод небесный над нами треснул.
Под нами землю прошиб озноб.
Из рук моих ты скатилась в бездну.
И черный пол мне ударил в лоб.

Кто помешал нам ревнивым стуком?
Из прошлых или грядущих лет?
Кто разлучил нас навек друг с другом? –
И в Судный день не найти ответ.

Тогда еще испугал, потряс Бориса, оральный секс. Он сел на пол и плакал, как маленький ребенок об этом бесстыдном открытии в своей безотцовской жизни.

А ночью Люся длинной палкой стучала в зарешеченное окно тети Олиной комнаты, выходящее в глухой двор. Как она не боялась темноты, там прятаться?

Но самое печальное – Люся действительно присутствовала в жизни молодоженов.

Вот почему – из ревностного любопытства – Кира просила Бориса рассказывать эпизоды из его встреч с Люсей. Сама артистка, она оправдывала свои пытки желанием понять, может ли Борис, как писатель, отстраненно рассказать живой эпизод, ин-

тересным литературным языком. «Учись писать рассказы, пока устно», – подбадривала мужа Киры. И в часы отдыха, оставаясь наедине с Кирой, Борис пытался вести это нелегкое повествование, лежа на постели и закрыв глаза.

Борис, конечно, понимал, что все равно Кира ревновала его к амурному прошлому. А он, в свою очередь, невольно сравнивал ее с Люсей, не желая этого. Возьмет нежно в руку грудь Киры, ласкает, а сам невольно вспоминает более упругую грудь Люси.

А у Киры к тому же от рождения одна грудь меньше другой, и она, стесняясь уцербра, носит подкладку. Кто-то говорил, что это часто бывает у женщин. Но все же, все же, все же...

Не известно, к какому заключению Кира пришла по поводу творческих способностей мужа-рассказчика. Но выяснилось потом, что она потихоньку собрала все стихи Бориса, переписала их аккуратно и отослала, ни много ни мало, заказным письмом в Москву Симонову. С просьбой подсказать, есть ли надежда у Бориса стать писателем. Конечно, ответ не пришел. Оказалось, Кира спутала поэта Симонова с режиссером театра Симоновым. Об этом письме Борис узнал только после их развода с Кирой, когда она вернула ему все эти аккуратно переписанные ею стихи, в основном посвященные ей. Это был удар в самое сердце.

Глава 10

Кира сомневалась не только в творческой полноценности Бориса, но и в его мужских возможностях. Оба они помнили, как еще до свадьбы Кира пыталась поцеловать Бориса, а он не умел целоваться, и стыдливо выворачивался от ее жарких губ, вместо того чтобы получать удовольствие от поцелуя с любимой девушкой. Это было во время поездки самодеятельных артистов института в село на речном баркасе. Они заперлись в каюте и боролись на полу нижней палубы. Она распласталась на Борисе и буквально распалаяла его, прижав своим упругим телом. Она мяла Борису щеки, жадно пытаясь засосать его губы. А он, дурачок, выкручивался. Ему мешала гордость признаться, что он до сих пор не освоил поцелуй любви. Так и не освоил до конца жизни. И дрожал испуганной дрожью. А может, это баркас знобило на волжских ночных волнах. Борису еще Люська с упреком сказала, что он не умеет целоваться, но так и не захотела научить,

как он не просил ее. А, кроме того, Борис перед поездкой узнал, что Кира, вроде, гуляет с «ударником» студенческого оркестра, и хотел эту сплетню проверить и опровергнуть. А доложил приятель Бориса сокурсник Ваншенкин, который был распределен как раз тоже в эту каюту на ночь с Борисом. И он долго стучался назойливо в дверь и рвался ночевать, а Борис с Киной его нахально не пустили.

Больше Кира не пыталась учить Бориса целоваться. И он только подставлял ей губки бантиком – как маменькин сынок. Удивительно еще, что он посмел уехать от мамочки в Сибирь. Сексуально необразованный!

Глава 11

На очередном прогоне субботней литературной страницы на Рубцовском телевидении Рушенцова не включили в число выступающих молодых поэтов.

– Почему? – возмутился задиристый Шлепечук.

– Его стихи не понравились главному, – сказала тихо телеведущая, рассказывая ребятам на широкие табуреты вокруг круглого темного стола, на открытой широкой стороне которого стоял микрофон.

Ребята промолчали. Швабрин поправлял галстук, стараясь не встречаться ни с кем взглядами. Другие разворачивали на столе приготовленные листки со стихами.

– Тогда, мы откажемся выступать в эту субботу, – неожиданно встал из-за стола Борис. И все с готовностью сказали:

– Да! Да!..

Рушенцов направился с побитым видом из студии.

– Так нельзя! – испугалась ведущая Светлана.

Но все встали и отошли от стола. И Рушенцов обернулся и остановился.

– Ребята, да вы что?.. Главный редактор так решил!

– Давайте, пойдем к Главному, – предложил Борис. – Пусть скажет, что ему не понравилось в стихах, – подошел он к Рушенцову и выхватил у него из рук листки с его стихами.

Юрий Швабрин, Юрий Рушенцов и Борис крепили дух триумвирата спиртом и стихами после работы до полуночи. Шабрилли каждую строчку, и знали стихи друг друга наизусть.

Втроем они пошли за телеведущей в кабинет главного редактора. Начальник был занят, у него был в кабинете режиссер. Но ребят приняли. Понравился их воинственный вид и уважение друг к другу. Главный упрекнул Рушенцова в отсутствии гражданственности в стихах:

– Ты можешь писать с таким напором, как Римма Казакова? – спросил он, и процитировал: «Мы молоды, у нас чулки со штопками...».

– Ну, нет у него чулок со штопками? И что теперь? – пробовал пошутить Швабрин.

– А вы не из Астрахани? Как ваша фамилия? – вдруг спросил Бориса режиссер.

– Да, из Астрахани, – ответил удивленный Борис. – Борис Карин.

– А я Сергей Севрюков, – протянул ему руку режиссер. – Я смотрю-смотрю, вроде знакомое лицо. Я в Астрахани на теле студии вас видел. Земляк, значит.

– Да я выступал в Астрахани на телевидении, сделал несколько телесюжетов, – радостно разговорился Борис.

– Значит, будете делать и у нас.

– Всё. Выступайте все, – встал главный редактор. – Только в следующий раз побольше гражданственных стихов. Договорились? – пожал он руку каждому, провожая ребят из кабинета.

Так у Бориса оказался «блат» на рубцовском телевидении.

Глава 12

Борис постоянно звонил в рубцовскую клиническую больницу, узнавал о состоянии Киры, которая на днях должна была родить. А после работы бежал навесить будущую молодую мать. Он боялся за ее здоровье. Он чувствовал ответственность за нее в чужом городе, вдали от родителей. И вообще боялся боли и страшных криков рожаящих женщин.

И вот на очередной его звонок в бухгалтерии завода из родильного отделения сообщили, что к вечеру у Кариной начались схватки. Как сумасшедший, Борис выскочил из бухгалтерии, даже телефонную трубку на аппарат забыл положить. Но девочки поправили за ним телефон и не ругались, понимали самочувствие молодого отца.

Всю ночь Борис бегал под высоким забором вокруг больницы. Даже почему-то со слезами на глазах. В темноте пытался залезть на высокие деревья, в надежде перемахнуть через забор во двор больницы. Он слышал страшные крики женщин и закатистый плач новорожденных. Или ему это казалось? Но был уверен, что слышал и Киру, и своего ребенка. Который раз ломился в запертые двери – «в отцы вступающий мужик». Эту строчку он успел сочинить, когда в очередной раз дежурный не пустил его в приемный покой:

– Приходите завтра к девяти утра. Ночью вас в палату никто не пустит, – твердил одно и то же охранник, закрывая перед ним массивные двери.

И только на другую ночь у приемного покоя медсестра выглянула из-под руки закрывающего дверь охранника и крикнула:

– Кто Карин?.. У вас дочь. Приходите завтра утром.

Борис привез Киру с дочкой на легковой машине, договорившись с остановленной на улице Вокзальной машиной.

– Немного подождете у роддома? – попросил он пожилого водителя старой «Победы». – А потом мы с женой и дочкой приедем домой, сюда, на Вокзальную улицу.

Водитель кивнул, не спросив даже о цене.

Борис держал теплый конверт с дочкой, а Кира, счастливая, шла с букетом роз, который подарил Борис.

До сердца жгло тепло комочка с закрытыми глазами и крохотным курносом носом. Как будем звать дочку? Танечка, Танюшка.

Их произведение в машине проснулось.

«У-а! У-ра!», – кричала дочка. Борис со страхом передал ребенка матери. Она, не стесняясь, дала ему грудь из-под распахнутого теплого пальто. Все-таки на улице шел легкий снег, который Борис вначале даже и не заметил.

– Ты счастлив? – спросила Кира, поцеловав Бориса в щеку.

– Это – чудо! – поцеловал Борис жену.

Кира светилась нежностью, еще бледная после родов.

Она источала какой-то внутренний свет. Она кормила маленькое создание грудью, а крылья носа её были тонкими и прозрачными, и её сияющее лицо освещало лицо младенца. А может, вечно хмурое небо над Рубцовском прорвал, наконец, яркий солнечный луч.

Теперь Борису нужно было зарабатывать на третьего члена семьи – дочку Танечку. Гонорары за стихи были редки, три рубля раз в месяц. И Борис решил обратиться к земляку Севрюкову в редакцию телевидения с предложением написать киноочерк.

– А потянешь? – спросил Севрюков.

– Обязан, – бодро сказал Борис, а сам дрейфил.

И Бориса послали от редакции телевидения в командировку на железную дорогу, написать очерк о передовиках-железнодорожниках. С вечера пятницы до утра понедельника Борису предстояло проехать в составе бригад машинистов по направлениям: Рубцовск–Семипалатинск–Бийск–Рубцовск.

Кира его поддержала, отпустила. Только попросила из молочной кухни дополнительный творожок и молоко для грудничка. Но еда из молочной кухни была пригодна только на один день. Да и холодильника у них не было. Вместо него под подоконником была в толстой внешней стене дома выдолблена самодельная ниша с полками, которая, как ларь, закрывалась дверками на пружинных петлях.

Тогда Борис принес Кире «хитрые» бутерброды со сливочным маслом, шабашку с завода. Если останвят, можно сказать, что брал бутерброды из дома на обед, но съесть не успел.

В пятницу, отпросившись пораньше с работы, Борис, при содействии диспетчера и парторга железнодорожного узла Рубцовска, был посажен в кабину тепловоза. Передовая бригада пожилого машиниста и молодого помощника машиниста отправлялась в Семипалатинск. Бориса передали железнодорожникам и шепнули, в случае внеплановых проверок лучше ему представляться вторым помощником машиниста. Пожилой передовик сделал краткий инструктаж, ничего не трогать, а главное – не спать.

Не с ветерком раскатывал корреспондент по Алтайским краям. Нужно все запомнить, все ответы машинистов записать и понять, как и что заснять для телеочерка.

От машинистов он узнал главную фразу и так решил назвать очерк: «Зеленый на выход». Он познал, из чего складывается безопасность на железных дорогах. Оказывается, машинисты не прохлаждаются, как он думал, высовываясь из летящего ва-

гона, а следят, не дымят ли колесные буксы состава, не нарушено ли сцепление вагонов, не вышел ли груз их габарита. И не только в своем составе, но и у встречного поезда, чтобы срочно предупредить коллег и предотвратить аварию.

Вдруг от сильного удара пощечины Борис чуть не упал с табурета.

– Спать нельзя! – упрекнул Бориса опытный машинист. – Погибнешь, и всех пассажиров погубишь.

– Как же я не заметил, что заснул? – удивился Борис, потирая горящую от удара щеку.

Но с той минуты весь путь был для него готов для аварий.

В Семипалатинске бригаду отправили в комнату отдыха. С машинистами Борис принял горячий душ и с удовольствием пообедал в столовой железнодорожников. Больше всего его поразило белый пушистый хлеб. Надавишь, он сожмется в лист, отпустишь – выпрямится в легкий прямоугольник. А какой вкус! Немного лучше, чем рубцовские кизяки. Но никто не сказал Борису, что такая обильная и вкусная еда в Семипалатинске из-за того, что рядом испытывают атомное оружие. Это он узнал потом. А сейчас помощник машиниста шепнул ему:

– Ничего здесь домой не покупай! Ходят здесь по вагонам и шмонают пассажиров-спекулянтов, все семипалатинские продукты отнимают.

А после обеда пошли спать, как в доме отдыха.

– А сколько часов спать? – спросил Борис у пожилого машиниста.

– Могут и через час поднять, могут – и завтра.

– Мне нельзя завтра, – испугался Борис. – Мне же в Бийск надо.

– Спи, я договорился со знакомой бригадой на Бийск, – успокоил старик. – Они за тобой придут. Мы тебя передаем, как эстафету. Пока! – И тут же заснул.

«Эстафета добра, – подумал Борис, засыпая. – Я сделал тебе добро, а ты сделаешь добро другому, а другой – третьему... – Так надо назвать очерк».

Его разбудили, посадили в другой локомотив. И Борис поехал в Бийск.

А из Бийска – даже поесть некогда было – сразу передали в добрые руки третьей передовой бригады. Зашли с новой ко-

мандой доложить в диспетчерскую узла. Пожилая женщина, перед расстеленной на столе железнодорожной картой, как заведенная, принимала сообщения и отдавала команды по своим средствам связи. Как непрерывный крик вспугнутой птицы. Сумасшедший дом! Иногда Борис слышал: «Зеленый на выход!».

Наконец, погрузились в локомотив поезда в Рубцовск. Получили добро: «Зеленый на выход!». Борис понял, что утром успеет на работу на гормолзавод, и успокоился. Но ужасно хотелось спать! Нет! Оплеуха еще горела на щеке. Стал набрасывать очерк. И хорошо, что начал. Что недопонял из прежних объяснений, сверял у нового машиниста.

Отвлекала от сна и виртуозная работа по регулированию скорости локомотива.

– Как вы узнаете, когда можно выключить двигатель, когда прибавить скорость? – удивлялся Борис.

– По рельсам читаем, – улыбнулся помощник машиниста, чуть постарше Бориса. – Их цвет меняется, когда идет спуск и когда идет подъем. А потом мы уже весь свой путь до последнего бугорка и поворота знаем наизусть.

– А это позволяет экономить топливо и срок работы локомотива до очередного ремонта.

Борис принес очерк на студию.

– Что-то много написал, – стал листать страницы Севрюков.

– Ведь интересно! – пробовал оправдаться Борис, знавший свой недостаток многословия.

– Тебе лично внове, конечно, интересно, – серьезно сказал Сергей Иванович. – А машинист, который будет смотреть телеочерк, – все это давно знает. – Перепиши с главной идеей, как этим передовикам удастся в одинаковых для всех условиях работы экономить топливо. И потом, обрати внимание, что ты пишешь для экрана. «Он отвернулся и увидел...». Что он мог увидеть, если он отвернулся?

Борис получил первый урок. Переписал очерк. Согласился с поправками главрежа. И с Кирой и Таней смотрел свой телеочерк «Зеленый на выход!» по Рубцовскому телевидению. И получил гонорар – пятьдесят рублей – ровно половину своей зарплаты. Хорошо!

Глава 14

Борис и не догадывался, что переживал в начале самостоятельной жизни закономерный стресс взросления. Кончилось обучение в институте под заботливым крылом матери. Началась работа на предприятии, когда подтвердились насмешливые слова лучшего преподавателя: «Когда придете на производство, нужно будет всё забыть, чему мы вас учили, потому что на производстве всё по-другому». Вот и хватай знания налету, осваивай профессию заново, когда с тебя требуют, когда тебя ругают и стыдят. А Борис выбрал самостоятельную жизнь еще в чужом городе. Как жить, как вести свое домашнее хозяйство? Как притираться к любимой жене, у которой оказался совсем другой характер. И наконец, как быть отцом, когда вырос без отцовского примера в бабьем царстве и отца видел один раз в жизни? Кончилось детство, начиналась взрослая жизнь, осваивались новые отношения. Множились обязанности, навалилась ответственность и за завод, и за жену, и за ребенка. И психика, да и весь организм Бориса перестраивались с трудом. Нервы порой не выдерживали, и Борис срывался на скандалы с Кирой. А она так же перестраивалась, как и он, да еще больше, потому что из дочери становилась матерью.

Борис с замиранием сердца чувствовал рождение в себе отцовской любви к дочери. Сильнее этой любви он ничего раньше, да и позже не знал! Прижимал к себе осторожно теплый комочек ребенка, на руках укачивая после работы, вечером и распевая свою песню:

Танюшка, Танюшка,
Медовое ушко,
Закрyla глазенки
И спит.
Танюшка, Танюшка,
Уткнулась в подушку,
И носом курносым
Сопит.

Но Танюшка не спала, не смотря на заклинания и укачивания. Ее опять разбудили клопы.

Сколько разных хитростей предпринял Борис, чтобы избавиться от этих неистребимых клопов. Но все напрасно. Потому что клопы были хозяевами-оккупантами во всём доме, во всём Рубцовске, на всём Алтае. Надо же, какие неистребимые животные, кажется, они были ещё до Ледникового периода.

– Ты – инженер, значит, умный, – дразнила Бориса жена. – Придумай чего-нибудь, чтобы хоть ребенка клопы не кусали.

Борис поставил детскую кроватку, ошпаренную предварительно кипятком, посредине комнаты. На ошпаренном полу он обсыпал кроватку ядовитым порошком против клопов, который ему принесли компрессорщики. Но клопы прямо на глазах ползли по потолку к запретному месту и, как десантники, срывались с потолка прямо на кроватку ребенка. Что, у клопов мозги есть, что ли? И приходилось их ловить на одеяле Танечки. И горячим утюгом часто проглаживали ее белье. Все-таки, Борису удалось, поднявшись на стремянке, этим порошком, смешанным с сырым яйцом, прочертить на потолке заколдованный круг над кроваткой дочери и избавиться ее от проклятых клопов-десантников.

И сами с женой спасались от кусачих кровопийцев подобными же ухищрениями.

Глава 15

Механика Сергея Альфредовича Голышева за его квадратную фигуру «полтора на полтора» Борис называл про себя просто – Шкаф. Но уважал его. Толковый мужик, все понимал, но по-своему, потому что образования не имел. Может быть, из-за того, что именно Альфредович, и в Сибири поэтому укоренился после ссылки сюда родителей. Но об этом Борис рассуждал позже, уже в Москве. А на Алтае неопытный инженер ловил каждое слово смекалистого механика.

Вот и в этот раз понял его сразу, когда механик пришел к нему чуть свет, отозвал на кухню и сообщил:

– Константиныч, сегодня утром, знаешь, опрессовку холодильных трубопроводов заканчивают?

– Знаю, – кивнул сонный Борис.

– Я ночью решил проследить за бригадой монтажников – и хорошо сделал, – шептал механик.

– И что? – тихо спросил Борис.

– А то! – оглянулся на писк Танечки из комнаты механик. – Бригадир самовольно включал воздушный компрессор, и поднял упавшее давление до нормы.

– Значит, наш шарик сдулся? – понял оживленный Борис. – Где-то в системе дыры и трубы сифонят.

– А как монтажников поймать теперь при комиссии? – возмущался механик. – Как доказать, что трубы давление не держат?

Борис вспомнил прошлую вечеринку с бригадой монтажников. Бригадир Борис Мардашов тогда похлопал его по плечу тяжелой рукой и сказал хмельным басом:

– Спорим, тёзка, что я компрессорную сдам в срок и с первого захода.

– Фирма веников не вяжет, – поднес Борису стакан водки прораб. – Пей, не промахнись. За наш общий успех.

Выпили, но не спорили. Ребята хорошие. Что бы Борис ни попросил – всегда – пожалуйста, исполняли точно.

И все же инженер отказался спорить. Видел розыгрыш, но смолчал. Это было главной его защитой всю жизнь: видеть, но молчать. Как-то, проходя мимо монтажников, он услышал: «Инженер неважный» – и стал за работой монтажников приглядывать, надеясь чем-нибудь отплатить за такой «комплемент». И механика тоже попросил внимательней приглядывать за работой монтажников.

Бог шельму метит. Борис однажды поутру, проходя дозором по машинному залу новостроящегося гормолзавода, увидел, как Борис Мардашов с ребятами, присоединяя ресивер к системе трубопроводов, заложил толстую резиновую заглушку между фланцами соединения вентиля к аппарату.

Борис не подал вида, что заметил, выходя из цеха, но был ошарашен такой наглостью монтажников. Что это – вредительство? Газовая смесь из ресивера не сможет пойти в трубопровод из-за заглушки. Они что, не понимают? Или он, «неважный инженер» что-то не знает? И Борис решил пока промолчать.

Теперь после доклада механика Борису стало ясно, для чего монтажники поставили заглушки. Чтобы легче, на дурачка, сдать опрессовку. Ведь при повышении давления в системе ресивер отключен из-за заглушки, и давление держится только в отдельной части трубопроводов. И то пришлось к утру подкачивать компрессором выпущенный газ – воровским способом.

Днем механик сказал комиссии, показывая на приборы, что воздушный компрессор ночью включали. Монтажники извинились и обещали быстро найти, где фланцевые соединения немного пропускают воздух. И поспешили до второй опрессовки сразу изолировать трубопроводы.

Но бдительный Сергей Альфредович опять застал бригадира у включенного на заре воздушного компрессора.

Возмущенный Мардашев разорался, что он прибежал выключить компрессор, который кто-то включил, чтобы свалить на монтажников. А их опять лишают заработка, им не закрывают наряды за выполненную давно опрессовку. Комиссия уже хотела даже свалить это дело на механика.

Но вмешался инженер Карин. Его час настал. Он попросил бригадира отсоединить ресивер от трубопровода.

– Ты что, взбесился? Псих! Не видишь, что трубы уже заизолированы? – заорал бригадир на инженера.

– Прошу отсоединить фланцы, между ними поставлена заглушка, – сказал Борис, мандражируя, что заглушку могли убрать.

Почти все стали возмущенно уговаривать Бориса Константиновича не делать опрометчивого поступка. Но механик заступился за инженера, хотя сам удивился его настойчивости. Монтажники со злобой разбили засохшую смесь изоляции, раскрутили гайки на фланцах и... вытащили между ними толстую резиновую заглушку. Все даже ахнули.

И так месяц, с бесконечными проверками и придирками инженера и механика, бригада монтажников проверила все соединения, переделывала развязку, пока опрессовка не показала, что высокое давление в системе трубопроводов не падает.

Бориса Карина стали почтительно вызывать на рабочие планерки к директору нового завода Масякиной.

Глава 16

Борис решил навести порядок и в компрессорной старого гормолзавода. Импортные компрессоры были капризными, с точки зрения старых машинистов, потому что имели много датчиков. Чуть изменялся режим – какой-нибудь чехословацкий компрессор датчиком останавливался. И приходилось его

запускать заново. Но чаще автоматика во время не останавливала другой импортный компрессор при нарушении холодильного режима, и он мог нахлебать столько аммиака, что возни с ним не оберешься. Почему, спросил Борис у опытного долговязового компрессорщика. Тот замялся, но, из уважения к инженеру, шепнул:

– Две спички.

– Что это такое? – не понял инженер.

Но ветеран молча отошел к «захлебнувшей» жидкий аммиак венгерской машине, пытаясь ее запустить.

– Между контактами в датчиках импортного компрессора они вставляют две спички, и датчик не реагирует на нарушения режима, – все же признался долговязый машинист.

Сами компрессорщики так относились к импортным машинам, вот они и выходили часто из строя. Как Дон-Кихот с ветряными мельницами, они боролись с «умными» компрессорами.

С механиком Гольшевым Борис пошел на склад провести инвентаризацию запасных частей и аппаратов холодильного хозяйства завода. И был потрясен кучей целых, но не используемых аппаратов на складе. Зато запасных частей к компрессорным машинам вообще не было. А случилось это потому, что по договору с зарубежными поставщиками вообще было не предусмотрено получение запасных частей компрессоров. Зато чтобы получить новый компрессор, по договору поставляли его в комплекте со всеми аппаратами холодильной установки. Кошмар! Вышел из строя клапан цилиндра немецкого компрессора – заказывай новый импортный компрессор со всеми аппаратами. И решалось это не в Рубцовске, даже не в Барнауле, а в Москве.

И Борис с инженером Евгением Боговым решили постепенно заменять чешские, немецкие, венгерские компрессоры (благо запасные аппараты холодильной системы к каждому компрессору на складе были законсервированы) на российские машины московского завода «Компрессор». Два таких компрессора успешно безотказно работали в цехе старого гормолзавода. Карин и Богов были командированы на мясокомбинат, на другие заводы города, где работали отечественные машины завода «Компрессор», и договаривались об обмене их отечественных машин на импортные комплекты.

Однако пока этот вопрос решался руководством комбинатов, у Бориса в компрессорном цехе случилась авария.

Ни свет, ни заря, в квартиру тревожно стали стучать. Борис осторожно встал с кровати, чтобы не поднимать жену, и вышел в прихожую.

Механик с выпученными глазами вбежал в открытую дверь.

– Тихо! – шепотом остановил его инженер.

– Скорей! В компрессорной беда! – выпалил Сергей Альфредович. – Компрессор захлебнулся и взорвался. Аммиаком с водой обрызгало лицо машинисту Ястребцову. Осколок по голове саданул до крови. А он пьяный...

– Ему конец! – отчаянно шепнул Борис и кинулся в комнату одеваться.

Всю дорогу до комбината бежали. Транспорт еще не ходил.

– «Скорую помощь вызвали?» – запыхался Борис.

– Уже отвезли, когда прибежали за мной. Сменщика тоже с постели подняли на дежурство, – тяжело дышал квадратный механик. – Глаза погубил парень.

– Сколько я с этим пьяницей бился! – скрежетал зубами Борис.

– А где нет таких ястребцов-пивцов? – пытался как-то поддержать инженера Сергей Альфредович. – Теперь – калек на всю жизнь! И нам не отбрезаться – попадет по первое число.

– А какой компрессор? – спохватился спросить Борис.

– Да твой любимый, отечественный, – виновато заглядывал механик снизу в лицо инженеру. – Без автоматики. Вот он без надзору может хлебать без остановки, пока не взорвется.

– Теперь и замену компрессоров могут отменить... – выругался Борис.

В компрессорной двери были распахнуты настежь, но запах аммиака стоял стеной. Борис влетел, увидел разбитую крышку машины, осколки цилиндра и разбросанные кольца на полу, но компрессорная привычно шумела. Остальные машины работали. Борис держался за нос, спасаясь от резкого до слез аммиачного запаха. Но вдруг схватился за ширинку, и пулей выскочил из цеха. Аммиак огненным жаром вцепился через брюки в пах до жуткой ломоты.

Механик был уже рядом на снегу.

– Что, в первый раз мотню отрывает? – пожалел он молодого инженера. – Аммиак – он такой скипидар...

В больнице Борису сказали, что глаза машинисту спасут – хорошо, что при аварии аммиак разбавился водой, от концентрированного жидкого аммиака парень бы ослеп. Инженер навещал его в больнице почти каждый день, с молоком за вредность. А надо бы с кулаком – за пьянство.

Зрение Ястребцову врачи восстановили за месяц, с работы его не выгнали, только лишили премии и объявили ему и инженеру Карину по строгому выговору, за халатность.

Нашли заводскую трещину в поршне цилиндра – так что «отмазались» от аварии.

Но обмен компрессорами с другими заводами на время приостановили.

Глава 17

Каждую субботу по рубцовскому телевизору шла передача «Лирический турнир». Выступал в ней со своими стихами и Борис Карин. Но большей популярностью пользовался экстравагантный Виктор Шлепенчук, слесарь-сборщик Алтайского тракторного завода. Он и лирический турнир называл издевательски: «Ча-ча-ча». И все придумывал какие-то фантастические сюжеты и увлекался Хлебниковым, хотя этот поэт был в официальной немилости. Шлепенчук подавал большие надежды. В четырнадцать лет опубликовал первое стихотворение в районной газете «Черниговский колхозник». Работал геологоразведчиком, слесарем-сборщиком Алтайского тракторного завода и заканчивал уже Омский сельскохозяйственный институт. Но был такой хулиганистый, даже жену бил. И Борис думал, что он может плохо кончить.

К Борису главный редактор относился доброжелательно. Каждый раз Борис из двух намеченных для выступления стихотворений одно готовил патриотического плана. Такой стих Шлепенчук ехидно называл «паровозом». Потому что любую подборку стихов вывезет. Например, Борис читал на репетиции перед Лирическим турниром стихотворение о матери «Неугомонная», Шлепенчук сиял от удовольствия, слушая начальные строфы Бориса:

Когда под вечер радиола
Призывной песней зазвучит:
«Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куюм мы счастья ключи...», –

Вдруг встрепенется моя мама
И вместе с хором запоет.
Звучит не просто фонограмма,
А время юности ее...

В конце стихотворения Шлепенчук спел: «Наш паровоз вперед лети!...».

И успокоился только на втором – лирическом стихотворении Бориса:

Из-за стога светится
Солнце полусонное,
Вышло лишь отметитья,
Греть уж не способное.

Хороши края мои
Просветленной осенью –
Пашнями багряными,
Небесами с проседью...

Бориса утешало в этом споре со Шлепенчуком то, что тот не читал никогда стихов Рембо и Бодлера, которые он даже переводил еще в Астрахани со своим другом Маевым по подстрочникам, сделанным другом с французского языка на русский. Но об этом Борис никому в Рубцовске не говорил, даже Швабрину.

Про себя Борис все же переживал, что стихи у него пока слабые. А тут еще как-то главный редактор ему одному по-дружески сказал:

– Борис, пиши прозу. Она у тебя намного лучше стихов. Ты же, по всем признакам, прозаик.

После таких слов Борис целую неделю ходил опущенный и злой на себя и на весь мир, несколько раз ссорился с Кирой. Успокаивала Бориса только дочка Танечка, которая ему улыбалась и хватала его цепко за нос, как будто хотела сказать: «Папочка, не вешай нос. Ты по всем признакам – поэт».

И вдруг на родной улице Вокзальной, когда Борис шел с работы, какая-то пожилая женщина остановила его, поздоровалась и сказала, что слушает по телевизору и читает его стихи в газете. Они ей очень нравятся. Особенно – про маму стихотворение «Неугомонная»:

– Сколько же в вас тепла и доброты! – Сказала она. – Дай бог вам успехов и здоровья, – дотронулась она теплой рукой до ладони Бориса и пожалала ему руку.

Как же Борис был счастлив!

И отношение к творчеству у него изменилось. Особенно он заметил это, когда редакцией городской газеты он был приглашен с друзьями выступить в драмтеатре. Театр разместился в здании клуба железнодорожников «Красный Октябрь». Народу тьма. Вспомнился Борису наказ из детства – смотреть на свещающуюся рампу, чтобы не видеть зрителей. Борису дали слово. Он вышел на большую сцену. И мелькнула мысль: «Чем утешить людей? Нечем! Что важного он скажет всем?»

Его допустили, что-то сказать людям. Как спросили приговоренного к сожжению за колдовство портного и дали ему сказать последнее слово. И он крикнул: «Люди, когда будете шить одежду, делайте на конце нитки в иголке маленький узелок». Вот это сказал – на века!

И Борис просто начал читать свое стихотворение, напечатанное в коллективном сборнике астраханским поэтом Борисом Шаховским.

Нам двадцать лет, наш век – двадцатый.
У нас особые черты.
Мы, мирных подвигов солдаты,
Идем на штурм любых твердынь.
Усталость – юности не пара.
Труда и разума сыны,
Мы строим первые кварталы
Коммунистической страны...

Конечно, это стихотворение – «паровоз». И куда же он вывезет этот воз? – мелькнуло в сознании Бориса, пока раздавались жидкие аплодисменты.

Он еще представить не мог, что потом за эти стихи, напечатанные как песня с нотами в журнале «Комсомольская жизнь», первый секретарь ЦК ВЛКСМ будет ругать на Пленуме комсомола его, автора, и главного редактора этого журнала, за пример мещанства и бесвкусицы.

А тогда Борис, загоревшись от стыда, решил прочитать свои недавние стихи, которые и про жизнь этих людей Алтая:

Я юность начал на Востоке.
Я строил жизнь на целине.
С тех пор любые новостройки
Напоминают юность мне.

Алтай нежданно первым снегом
Засыпал заживо цветы,
И ветер оборвал с разбега
Мои зеленые листья.

Зрители оживленно зааплодировали. Борис поклонился и ушел со сцены, увидев улыбки на лицах первого ряда. Он впервые почувствовал значимость творчества, испытал чувство хозяина окружающей жизни.

Глава 18

Пока еще в голову Бориса не пришла мысль – что в Рубцовске он может быть только «первым парнем на деревне».

Но слава умеет искушать. Подборку его стихов решил опубликовать альманах «Алтай». Просили представить ноты его песни, которую собирались опубликовать на обложке этого альманаха. И ждали его фото. Борис долго смотрел в небольшое зеркало, которое стояло на столе рядом с фото в деревянной рамке, на котором были сфотографированы Кира с матерью, обе очень красивые. Борис прикидывал, в каком виде пойдет в фотоателье, чтобы достойно предстать в литературном альманахе Алтайского края. И его осенило отрезать свой большой кок стилизшей шевелюры, который крутящейся щеткой прижал ему надолго к голове старый Исайчик в модной астраханской парикмахерской. Потом Борис подравнял ножницами причесанный вперед куцый чуб, который теперь немного прикрывал горизонталь-

ную морщину на лбу. На нее все время с детства показывала, заставляя распрямлять лоб, любимая учительница, которая всегда сидела на первом ряду в актовом зале школы, когда Борис исполнял со сцены басню Сергея Михалкова или пел песню: «Между небом и землей песня раздаётся»...

Кира, увидев его новую причёску, вернувшись с Танечкой на руках из магазина, отчаянно всплеснула руками:

– Я такого молодого человека не знаю. Вы кто? Как сюда попали?

– «Я – эмигрант из лазурной страны», – сказал сияющий Борис строчку из нового своего стихотворения.

Жена, уложив сонную дочку в кровать, отняла у него ножницы, усадила на стул, накрыла его плечи вафельным полотенцем и немного подправила испорченную причёску Бориса, «спасла человека».

Директор нового гормолкомбината Масякина даже сразу не узнала Бориса.

– Зайдите позже, – буркнула она, мельком взглянув на посетителя.

Потом узнала и удивилась новой причёске. Но ей пришлось удивиться еще больше, когда она прочитала протянутое ей приглашение «поэта Бориса Карина на совещание молодых писателей Алтайского края в город Барнаул» на три дня.

– Вы что, молодой писатель? – пожалала она язвительно плечами. – Не читала... А кто работать в компрессорной за вас будет целых три дня?

– Сталина Ивановна, инженер Евгений Богов согласился поработать за меня три вечерние смены, – взмолился Борис. – А командировку и проезд мне оплатят, в приглашении написано.

На совещании Бориса встретили приветливо. Главный редактор альманаха лично беседовал с ним в своем кабинете. Нашел быстро музыканта, познакомил с Борисом, и тот взялся записать ноты песни, которую сочинил Борис. Так и было написано на обложке альманаха «Алтай»: «Встречайте меня, сосны», слова и музыка Бориса Карина. А Карин проучился в музыкальной школе по классу баяна всего два года, поэтому был благодарен помощи музыканта.

Пригласили Бориса среди немногих молодых участников совещания выступить по телевидению Барнаула.

Понравилось редактору его стихотворение:

Приходят реки,
Чтобы стать морями.
Приходят горы,
Чтобы стать песками.
Приходят годы,
Чтобы стать веками.
Приходит все...
И мы приходим с вами.

Борис запомнил на всю жизнь, что главным редактором краевого телевидения был Немирович-Данченко. Уже тогда он догадался, почему сюда попал потомок такой известной миру фамилии. Репрессирован.

А на совещании молодых писателей вдруг кто-то с места сказал: – Пусть Карин споет эту песню.

Борис растерялся, ведь ни на одном инструменте он играть не умел. Но добрый человек помог, вышел с гитарой перед собранием к Борису, уловил быстро мелодию, и они запели песню. А весь актовый зал воодушевленно подпевал припев:

Встречайте меня, сосны!
Тайга, назначай свиданье!
Сегодня в Сибирь я сослан
По собственному желанью.

Как жалко было Борису, что жена не могла поехать с ним в Барнаул. Кто останется с Танечкой? Ведь Кира тоже любила и умела выступать, мечтала стать артисткой. И разделила бы с Борисом его успех.

«Браво!» – кричал зал.

Глава 19

Поздние муки совести напомнили Борису, что, попросив Женю Богова отработать за него три смены, Борис не подумал, каково остаться без помощника на эти дни Кире с грудным ребенком. Опять ему надо уехать, как для телеочерка. Теперь потому, что оценили его стихи. А Кира все заботы взвалила на себя. Она гладила ему чистую рубашку, собирая в Барнаул, а слезы

снова невольно капали из глаз под утюг. На семью он – ноль внимания. А ребенка нянчить – не пустяк. Обида копилась вместе с дикой усталостью. Были бы деньги, она, ни слова не говоря, за эти три дня отсутствия дома Бориса собралась бы и уехала с ребенком к маме в Астрахань. Мать против ее бегства, но, когда прижмет к сердцу теплую родную внучку, сразу растает.

А в Барнауле, после совещания Борис с Швабриным, которого тоже пригласили на совещание, как давнишнего литератора, пошли в ресторан. Поднимая тосты, поздравили всех присутствующих за столом, переписали адреса и телефоны, разговорились о любимых поэтах. Старший наставник группы барнаульцев Владимир Смирнов напомнил, что кроме нынешнего Евтушенко есть и поэты-классики, например, Тютчев:

– «Чуть чего – мы за Тютчева!» – сказал он литературный каламбур.

Все рассмеялись, раскричались под хмельком, расхвастались. А потом Борис увидел, как Швабрин с кем-то из молодых поэтов подрался, выпучив глаза и расставив длинные свои грабли. И это не в первый раз. Борис плюнул на все эти литературные свары, и ушел один на вокзал, чтобы успеть на вечерний пригородный поезд до Рубцовска.

Несмотря на хмель, под мерный стук колес пригородного поезда, совесть все же точила Бориса. Конечно, не любил он драться, да и не умел. А вступись за Швабрина – получил бы по морде, и приехал бы с синяком домой, в лучшем случае, а мог и в милицию пьяный загреметь. Швабрин сильный, и не дурак, сам разберется. Он не раз заступался за Бориса, а не наоборот. Все-таки Швабрин позавидовал успеху Бориса на совещании. А зависть – сильный враг для дружеских уз. И дальнейшее общение друзей подтвердило, что между ними пробежала черная кошка. Швабрин в шутку, но упрекнул Карина, что тот бросил его одного на поле боя.

Глава 20

В следующий раз, Борис после ужина, растянувшись на кровати, по просьбе Киры сочинял устный рассказ о том, как он приехал после совещания молодых писателей домой, нарисовав картину для немого кино.

Тускнеют от заходящего солнца окна крупнопанельных домов рабочего микрорайона. Люди возвращаются с работы. В подъезды своих домов спешат женщины с переполненными продуктами авоськами. Из детского сада мамы и папы выводят своих малышей, которые, соскучившись за день, льнут к родителям.

Из дверей детского сада быстро выходит кудрявый парень. Все с детьми, а он – один. Поравнявшись с одной из мам, он раскланивается и по-доброму улыбается ее маленькой дочке. Та смущенно тычется в подол матери.

Парень спешит к девятиэтажному дому напротив детского сада. Одна рука у парня в кармане плаща, такое впечатление, что он ею придерживает живот. Лицо его чем-то озадачено, скулы выступают, курносый нос заострился, глаза смотрят с каким-то печальным тихим укором. Вдруг он морщится и падает прямо у подъезда. Под ногой оказалась раздавленная арбузная корка. Парень быстро вскакивает – и из-под плаща у него падает на асфальт грелка. Он быстро ее хватает, сует, озираясь, под плащ и торопливо скрывается в подъезде. Женщина, с которой он только что поздоровался, укоризненно качает ему вслед головой. Заглянув ей в лицо, девочка подражает матери – и тоже с серьезным выражением лица качает головой.

Еще несколько ступенек – и парень забирается на последний этаж. Дышит тяжело – а такой молодой.

Несколько раз нажимает на кнопку звонка. Ждет. Звонит еще – трогает свободной рукой (другая рука держит грелку под плащом) головки гвоздей аккуратно обшитой дерматином двери, цепляется пальцем за привернутый в середине двери на уровне пояса крючок. Заглядывает в глазок, вмонтированный в двери. Ждет. Но никто не открывает дверь.

Парень хмурится – и на его лбу выступают крупные морщины. Наконец, он достает из кармана свой ключ и открывает дверь. Войдя в комнату, парень сердито хлопает за собой дверь так, что на его рукав падает с потолка кусочек штукатурки. Он стряхивает мел на коврик у двери и, не раздеваясь, идет сразу на кухню. Потом спохватывается, что на чистом линолеуме пола остаются следы от грязных ботинок, пятится к входной двери,

снимает ботинки, и, в одних носках с дырами на пятках, спешит на кухню.

С полки самодельной кухонной колонки он берет трехлитровую стеклянную банку, ставит на стол. Затем достает из-под плаща грелку, отворачивает резиновую пробку и выливает из грелки молоко в банку. Оно жирное, пенится. Парень пробует его прямо из банки. Зажмуривается от удовольствия. Вкусное.

Тыльной стороной ладони парень вытирает губы. Ставит банку с молоком на стол, и начинает выгружать карманы. Из плаща достает несколько стаканчиков мороженого и ставит их на стол. Из боковых карманов пиджака вынимает несколько яиц. Из кармана брюк вытаскивает и разворачивает сыр, из другого кармана – изюм. Раз – и весь рассыпал на пол. Присел на корточки, подобрал каждую изюминку, как голубь сизокрылый.

После этого парень возвращается в переднюю комнату – коридор, снимает плащ. И только собрался вешать его... застывает – вешалка пустая. Что такое? Недоуменно пожав плечами, вешает плащ на крючок.

Входит рядом в ванную комнату – совмещенный санузел. Открывает кран – нет воды, открывает другой кран – тоже нет, наковырял из него пальцем две капли воды. Открывает крышку бочка унитаза – там есть вода. Что поделаешь? Черпает из бочка одной рукой воду, в другой – держит мыло. Моет руки над унитазом. Фу, как набрызгал – намочил носки. Снимает с крючка полотенце и выходит, вытирая руки, в прихожую.

Руки ощупывают металлические крючки на пустой вешалке, под крючками обои испачканы от одежды больше, чем на всей стене. На вешалке одиноко висит только один его плащ.

С полотенцем в руках парень открывает дверь, входит в комнату... и останавливается, как вкопанный. Бросается в глаза пустая детская кровать, без матраца, только прикрыта газетой сетка кровати. Парень выпускает из рук полотенце, не замечая этого, наступает на него, бросается к шкафу, распаковывает его дверцы – внутри пусто. Теперь парень осматривает всю комнату. У письменного стола нет стула, круглый стол – без скатерти. Из продавленного, без покрывала, дивана торчат гвозди. На обоях вырисовывается чистый не выцветший прямоугольник снятого коврика. Рядом – гитара. Комната выглядит такой неуютной. Он бросает взгляд на видную из открытой двери пустую вешалку

с плащом на крючке, недалеко от двери голую детскую кровать, рядом – распахнутый пустой гардероб, ни чем не прикрытый диван, и ряд гвоздей от коврика, и это фото на голой стене. На нем – он с девушкой в свадебном наряде, прижались друг к другу щеками, оба худые, глаза горят. Оторвав взгляд от фотографии, парень медленно, с понурым видом, подходит к пустому трюмо и пишет на пыльной поверхности зеркала крупными буквами: «УШЛА!».

Парень сел на диван, закрыл лицо руками, как-то сторбился. Потом сильно потер лицо ладонями, вскочил, ссутулившись, походил по комнате. Остановился около валявшегося на полу длинного полотенца, схватил его и расстелил посередине комнаты. По одну сторону от полотенца оказались детская кровать и шкаф, по другую – диван и письменный стол. Парень стал переносить трюмо в сторону детской кровати, а к дивану потащил полку с книгами, гитару...

С гитарой в руках он задумался. Сел на полотенце посередине комнаты – на «нейтральной полосе», и смотрел по сторонам. Взъерошенный, с мокрым от слез лицом, он смотрел на две кучи баррикад, где на одной стороне лежали кастрюли, таз, грелка, веник, «лентяйка» с половой тряпкой, кухонный столик, мясорубка... А на другой была кровать-раскладушка, старая пишущая машинка, спиннинг, коврик со значками, эмалированная миска, кружка, ложка, вилка и нож...

Наконец, тяжело дыша, он расстегнул мокрую рубашку, подошел к балконной двери, распахнул ее – и замер...

На солнечном балконе, на перилах и на веревке, были разложены детский матрас и тюфяк, коврик, одеяла, пальто, костюмы, подушки, стул... Для просушки.

Глава 21

В своих вечерних рассказах Кире молодой писатель поведал также о воспоминаниях Жени Богова.

РАЗБИТАЯ ГИТАРА

За столом сидела подвыпившая компания ребят и девочек. В середине стола стояла елка, украшенная несколькими игруш-

ками. Вокруг нее – тарелки с закусками и начатые бутылки с водкой и спиртом.

Покачиваясь, Женька Богов подошел к висящей на стене гитаре, потянулся за ней, но его качнуло, он зацепился за струну и порвал ее. Не обращая внимания на это, он играл около стола на гитаре, но никто не реагировал. Один приятель, с набитым ртом, игриво щекотал толстой девушке второй подбородок. У другого гостя, с выдвинутым, как у лошади подбородком, когда он ел, сильно шевелились большие уши. Третий наливал себе под столом в стакан водку и прятал бутылку между ног. А девушка Женьки Богова, хозяйка квартиры, чернявая, в цветастой кофте, подмигивая, шептала симпатичному соседу что-то на ухо так близко, как будто целовала его. Тогда Женька, видимо разозлившись, ухватился за гриф, замахнулся и стал бить гитару о спинку металлической кровати, с остервенением. Рядом с книжной этажеркой полетела на пол круглая кукла «Ванька-встанька», какой-то чертеж, свернутый трубочкой. Сразу все заметили, уставились на пьяного инженера. Борис продолжал улыбаться, стараясь свести выходку Женьки на шутку:

– Концерт окончен, до новых встреч, дорогие товарищи, – и встал из-за стола, направляясь к выходу. За ним потянулись и другие гости, каждый шутя в меру своих способностей.

А гитара треснула, и две половинки повисли на струнах в руках поникшего на стуле Женьки Богова.

И вот Борис понял, что такой молчаливый человек мог от отчаяния совершить тот невероятный поступок, о чем рассказывал раньше.

Евгений Богов после института работал по распределению из рыбвтуза инженером-холодильщиком далеко на Севере, чуть ли не на берегу Ледовитого океана, в одном рабочем поселке, где в единственном месте добывали редкую рыбу с красивым названием – ряпушка или что-то в этом роде. Там ее, как нередко и в других краях, неправильно называли сельдью. Вообще-то ряпушка сибирская обитает в бассейне Ледовитого океана, от Белого моря до Аляски. Сибирская ряпушка достигала свыше 40 сантиметров в длину, имела более 500 грамм веса.

Из-за дефицита и деликатного вкуса в России ряпушка практически была истреблена браконьерами. А здесь, в поселке, ры-

баки ловили эту ряпушку неводами различной конструкции во время ее хода на нерест. Как известно, ряпушка нерестится все лето до ледостава, и часто нерест заканчивается подо льдом. Небольшой завод со старым оборудованием, образца 1905 года, с клиноремной передачей, принимал от рыбаков и обрабатывал улов вплоть до прихода траулера с Большой земли за ценной продукцией один раз в год, который быстро уходил, чтобы успеть вернуться на Большую землю до конца навигации.

И никакой другой связи с цивилизацией в поселке не было, хоть волком вой на луну. В основном пили привезенный теплоходом спирт. Но больше всего молодого инженера выводило из себя то, что такая ценная и редкая рыба, выловленная рыбаками, наполовину выбрасывалась и закапывалась в ямы на берегу океана, потому что завод не справлялся с уловом. Берег был усыпан этими кротовыми норами. Молодой специалист должен был обеспечивать заморозку заводской продукции. Он переживал, что половина сырья в холодильники физически не могла поместиться. Он написал об этом письмо в Министерство рыбной промышленности, просил увеличить площадь холодильных камер за счет строительства нового холодильного склада, послал свои чертежи и расчеты. Но теплоход не привез ему никакого ответа из центра. Другого судна оставалось ждать еще один год.

И Евгений Богов утепился в купленную у местных рыбаков меховую кухлянку, захватил верхнюю глухую меховую одежду типа сокуя, напялил меховые сапоги – унты, закинул на плечи рюкзак, набитый продуктами и спиртом, встал на лыжи, и, никому не доложив, ушел из поселка. Куда? Домой. Хотя бы сначала – до первого ненецкого поселка. Этот поступок можно расценивать как попытка суицида. Конечно, парень на другой-третий день выбился из сил в безлюдной тайге, упал в снег, потеряв сознание... Но Бог спас Богова. Его учуяли собаки проезжающей мимо собачьей упряжки, и ненцы в юрте всю ночь его по-своему реанимировали.

Передавая от чума к чуму, парня отправили на Большую землю. Так он попал на Алтай. Здесь выправили ему документы, дали работу и квартиру. И Женька притих. Работал добросовестно, читал английские книжки со словарем, играл на гитаре. Правда, молодой руководитель все больше молчал. Часто пил. Не мог сдружиться с рабочими, потому что с этим молчуном –

не украсть, не разговориться. Вроде, приятный на вид парень, но чужой. Лишь все девчата на заводе – влюблены. На одной из самых тихих он даже собирался пожениться, но все откладывал, откладывал...

Рассказывая Кире такие сюжеты немного кино, Борис еще не знал, что позже закончит сценарный факультет Всероссийского института кинематографии (ВГИКа).

Глава 22

Позже, когда Борис работал в подвальной московской конторе в отделе техпомощи, один из его коллег, с патологией – сердце у него не в левой, а в правой стороне, – открыл Борису тайну его существования, его судьбы. В беседе о начальстве, он сказал:

– Ты, Борис, – конфликтный. – И продолжал дальше говорить о других.

Но Борис запомнил эту фразу, потому что понял свое предыдущее бытие.

Уже на первой своей работе, в Рубцовске, он ругался с руководством, казалось из благих побуждений.

Так, ему пришла в голову здравая мысль из прежних институтских учебников о том, что рабочим положено получать на вредном производстве молоко за вредность. Ведь холодильник работал в условиях, когда аммиак или фреон из холодильной системы постоянно загрязняли компрессорный цех. Никакие сальники и прокладки на сто процентов от этого не спасали. Молодой инженер поделился с машинистами своим предложением, и они его поддержали. Он составил грамотное предложение в администрацию завода и профком, с просьбой выдавать за вредность компрессорщикам бесплатно по литру молока в смену.

Директор Масякина, прочитав записку Карина, расхохоталась:

– Что, они мало молока воруют с завода?

– А теперь не будут, – распаялся Борис.

– Иди, работай! – отмахнулась Масячка.

– Я буду жаловаться в Росмолоко, – не унимался Борис. – Вы зажимаете нашу инициативу. Прошлый раз разорвали мое ходатайство и отказались повысить разряд опытному слесарю – не известно, по какой причине...

– Известно! – взревела Масякина. – Еще раз уйдет на неделю в запой – вообще выгоню.

Последние слова Борис уже слышал, выскочив из кабинета директора в коридор.

А через пару дней правдолюбец-ветеран отвел Бориса из компрессорной покурить и прямо ему сказал:

– Ты что, парень бузишь? Директор в ярости чуть слесаря не уволила.

– Я защищал рабочий класс, – опешил от опасной вести инженер. – Вы же согласились было получать молоко за вредность...

– Кончай нам головы морочить! – прикурил компрессорщик от сигареты Бориса. – Ты – залетный, а нам здесь жить.

И Борис пожалел, что согласился с Женей Боговым поменяться производствами, став инженером новостроящегося гормолзавода. Если на старом заводе директор Петров был малограмотным, но спокойным Пер-Пером, то на новом заводе грамотная чересчур директор Масякина его растерзает. К ней в кабинет входить, как в клетку с тигрицей.

Глава 23

Получив гонорар за следующий телеочерк – теперь о передовиках производства на заводе «Алтайсельмаш», – Борис решил устроить небольшой банкет Севрюкову. С Киной они накрыли в квартире стол, купили две бутылки спирта, соленую рыбу на рынке, помидоры, огурцы и соленый арбуз. Борис очень удивился, увидев первый раз на рынке соленый арбуз. В Астрахани, фактически арбузной столице, за 25 лет он ни разу не встречал соленого арбуза. Правда, вспомнил, что отец при единственной встрече с сыном заставил его, мальчишку, в Быковых Хуторах на Дону есть недозрелый розовый арбуз, посыпав немного солью. Но это кушанье, считал Борис, от жадности отца. А Сергей Иванович – тоже бывший астраханец. Купленным соленым арбузом решили его удивить. Севрюков, и вправду, удивился, поставив на стол свои две бутылки водки.

Пир получился горой. Борис признался, что о разрыве Севрюкова с женой в Астрахани он узнал от матери, которая работает с его бывшей женой в одной школе. Севрюков расхохотался.

ся, узнав о таком совпадении. Вот действительно, Земля – круглая.

– Значит, было на небесах задумано, что мы должны с тобой встретиться в Рубцовске, – философствовал главреж. – Все заранее определено, а мы говорим – совпадение, совпадение...

Борис рассказал о том, что получил нагоняй за то, что слесарю не повысили разряд по рекомендации квалификационной комиссии. А у него трое детей-погодков, да жена с тещей на шее.

– Не солнышко, весь мир не обогреешь, – успокоил его сильно захмелевший Севрюков, закусывая творогом водку. – А хорошо свежий творог оттягивает. Что-то ты ни разу не принес на телестудию творожку или маслица со своего завода за удачные командировки.

– Творог мы на базаре купили, – быстро вмешалась в разговор Кира. – Он боится брать «шабашку» с завода, могут поймать и посадить в тюрьму, говорит.

Борис, побагровев, смолчал. Открыл вторую бутылку спирта, разлил, и поднял тост за Севрюкова:

– За кормильца нашего, – поддержала Кира.

– А что, водка кончилась? – мельком спросил Севрюков.

– А что?.. – отозвался Борис. – А ты знаешь, Сергей Иванович, что Алтайсельмаш начал выпускать продукцию в голой степи под открытым небом?

– Нет, не знаю. А что же ты в очерке не написал?

– Секретные данные. Из Харькова в войну все станки увезли, сбросили в Алтайской степи. И стали срочно заливать фундаменты, ставить на них станки и делать «с колес» снаряды. А одновременно возводили цеха над ними. Сталин перед войной был в Рубцовске, вот и вспомнил, куда можно эвакуировать заводы. Так Рубцовск исторически сложился и получил развитие во время Великой Отечественной войны на базе предприятий, эвакуированных из европейской части России. «Алтайсельмаш» родился в годы войны на базе эвакуированного Одесского завода сельскохозяйственного машиностроения, а Харьковский тракторный завод дал начало Алтайскому тракторному заводу. Он тоже начал выпускать танки под открытым небом в 1942 году. И за успешное выполнение заданий семилетнего плана был награжден орденом Ленина. А мне не посоветовали об этом писать.

– Следующий раз пойдешь со своими поэтами Шабриным и Шлепенчуком на Алтайский тракторный. Почитаете свои лучшие стихи рабочим в обеденный перерыв, а во вступительном своем слове скажешь об этой родословной заводов. Телекамеру мы обеспечим и с руководством договоримся.

– Спасибо, Сергей Иванович, – пожал ему руку Борис. – Лишь бы рабочие захотели нас слушать. Ведь на АТЗ работает слесарем-сборщиком Виктор Шлепенчук.

– Ты зажги людей! – стал собираться домой, слегка покачиваясь, гость. – Спасибо за угощение.

На прощание, обнялись, и Севрюков ушел. Но что-то у него, судя по задумчивости, осталось недосказанным.

– Видимо, он не поверил, что я не ворую, – предположил Борис. – А ты знаешь, Кирёнок, что все холодильники кончают тюрьмой? Об этом мне наш правдолюбец-ветеран сказал в компрессорной...

Провести встречу с поэтами на заводе помог старший мастер АТЗ Александр Золотавин, он сам поэт.

Встреча состоялась в обеденный перерыв. Рабочие не хотели отрываться от домино, стучали костями: «Рыба!». Поэтов было трое. Кто-то из рабочих сказал: «Буржуи пришли». Бориса это задело. Он зарабатывал чистыми 70 рублей, а рабочие «Сельмаша» – 370 рублей. И что, он буржуй? И, посмотрев на играющих в домино рабочих за грязными столами, Борис думал: «Что я могу им прочесть из моих стихов, чтобы они не морщились от пренебрежения?» Посмотрел на своих спутников – этим двоим было уже все равно, они не в первый раз здесь выступали. А Борису было стыдно и жутко тоскливо. «Для чего, для кого я пишу?» – спрашивал себя потерянно Борис. Конечно, после выступления, ему похлопали. А потом, поди, послали вдогонку какую-нибудь сальную шутку. Может быть, два-три человека и послушали стихи местных поэтов, как всегда невнятные и по мысли, и по хрипу старого микрофона. Но они их не восприняли, и не получили удовольствия. Саша вяло пошутил: «Им надо было что-нибудь сплясать», и хлопнул ладонью по каблуку сапога. Швабрин промолчал. А Борис подумал: «Может быть, им нужны стихи, берущие за душу, за диристрые, решающие их проблемы?». Но выступление поэтов

засняли телевизионщики и сказали, что получилось все нормально.

Когда выступление поэтов на «Сельмаше» было показано по телевизору, Севрюков ничего о качестве не сказал. А прощаясь, спросил один на один Бориса:

– А куда делась вторая бутылка водки на твоём банкете?

– Я спрятал ее в шкаф, – багровея от стыда, признался Борис. – Думал, что нам хватит пить, чтобы не поссориться.

– И про творог – враньё, – распроцался холодно Севрюков.

Больше Борис телеочерки не писал. Только по субботам в компании поэтов изредка читал свои новые стихи по телевизору.

«Наверное, не надо было говорить Севрюкову, что знаю о его скандальном разрыве с бывшей астраханской женой», – сожалел про себя Борис. И, конечно, было стыдно ему за спрятанную дефицитную водку. Проклятая нищета!..

Глава 24

Он поделился с матерью своим «водочным преступлением». Конечно получил «тактичный» треп от матери.

Семью Бориса разъединяли, как всех, наверное, молодоженов, а не сближали трудности притирания друг к другу. Разные взгляды на жизнь, неопытность обоих, привыкших жить за мамочкой, нужда из-за того, что Кира пока не работала по беременности, а Борис, молодой специалист, получал гроши. Наконец, трудности с новорожденной дочкой, суровость климата и людей в Рубцовске, окруженном колючей проволокой мест заключения в степях Алтая. Кира иногда плакала, не признаваясь мужу в отчаянном желании сбежать из этого края. Наверное, она завела дружбу с соседями по дому, которым могла рассказать о женских тайнах. Но Борис не знал ее подруг, и не догадывался, как это эгоистично. Зато потом внимание этих подруг помогло Кире узнать о подробности жизни Бориса. А пока Кира мечтала вернуться к маме. Но как вернуться? Ведь молодой специалист, по закону, должен был отработать три года на предоставленном ему предприятии. Этот закон не выходил из памяти.

Борис не знал, что Вера Васильевна говорила его матери: «Как вернутся – так в пять минут разойдутся». Мать Бориса, Алина Алексеевна не поверила этому предсказанию, и прислала денег ребятам, приехать отдохнуть на Волге во время отпуска Бориса. И они всей семьей, втроем, поехали на поезде в Астрахань.

Знал ли Борис, что везет домой приговор своему семейному счастью? Нет, не знал, и даже не подозревал. Знала только Кира. Она видела, что хиреет грудной ребенок от недостатка молока у матери. Надо не только себя, но и дочь спасти от этой картофельной голодухи. Она проклинала себя, что сорвалась с родных мест на Алтай. На собственной шкуре поняла, в каких тяжелых условиях живут там люди. Она и сама похудела, одна кожа и кости. Да и муж, потолстевший вначале работы, через год похудел и почернел. Его хотели призвать в армию, но по состоянию здоровья оставили рядовым необученным.

А у Киры сбежать нашелся серьезный повод. У матери стали подозревать раковую опухоль в груди. Это письмо заплаканная жена показала Борису, и стала его умолять, отвезти в отпуск ее с Танечкой в Астрахань, чтобы ей быть ближе к больной матери.

Борис попросил отпуск на работе. Он решил ехать через Москву, чтобы похлопотать в Министерстве пищевой промышленности об отзыве его с Алтая по состоянию здоровья родителей.

И вот на Запад мчался поезд с Востока. Борис в тамбуре курил и смотрел в окно, как вьюга гналась за ним. От его сибирского восторга остался в горле только горький дым. Первый тайм Борис не выиграл. Казак лихой бежит домой...

Танечка очень тревожно переносила путешествие в поезде, часто плакала, и Борис ее укачивал и не выпускал из рук, пока она не успокоится.

Оставив Киру с дочкой в Комнате матери и ребенка на московском вокзале, Борис пошел в Министерство. Падал под ноги и таял мокрый снег. Погода промозглая. А люди толкались, на вопросы Бориса, как пройти, не отвечали. Это – не Астрахань.

К заместителю министра Борис не попал, его направили только к ведущему специалисту главка. Раньше его мать Алина Алексеевна ездила в Москву хлопотать, чтобы больную сестру Надю, молодого врача, отпустили домой в Астрахань из Магадана раньше трехлетнего срока. Но здесь больная теща. Мать тоже не инвалид.

– Вот вы внештатный корреспондент газеты, пишете стихи, а говорите неграмотно – «маленько болеет», – ехидно улыбнулась Бориса молодая чиновница министерства.

– Поймите, у нас не только у тещи признали рак груди, и за ней нужен уход. И моя мать-учительница одна живет с полиартритом ног, еле ходит, – пытался объяснить свою просьбу Борис, – у меня и жена падает в обморок на улице, грудной ребенок болеет, теряет вес...

– У вас, Борис Константинович получается невероятный перебор болячек, – недоверчиво улыбнулась ведущий специалист, поправив пышную прическу легким движением руки. – Если это не хитрость, надо было запастись заверенными печатями справками из медицинских учреждений.

– Меня самого по состоянию здоровья освободили от службы в армии, – выложил Борис последний аргумент. – Могу военный билет показать.

– Не надо. Работать-то вам можно? – Она встала, давая понять, что разговор окончен. – Извините, придется вам вернуться в Рубцовск. Закон нарушать нельзя. Вы еще молодой, стыдно хныкать и вилить. Нам всем со страной надо осваивать целину Алтая. До свидания.

И Борис ушел из министерства несолоно хлебавши. Он шел заснеженной Москвой, вместе с нескончаемой толпой чужих людей. И зло топтал ногами нежный, плачущий от боли снег.

Глава 25

Поезд приближался к Астрахани. Кира немного повеселела. Конечно, встреча с мамочкой после разлуки – всегда праздник. А Борис смотрел, как кружатся хороводами березы за окнами поезда, все желтые. С потерянными листьями – потерянными надеждами. А в голове Бориса вертелось начинающееся стихотворение: «И ветер оборвал с разбега мои зеленые листы...».

Мать на вокзале не узнала Бориса. Обняла крепко и шептала: «Худущий, черный!..» Наверное, вспомнила, какой такой же черной «брошенкой» приехала домой к матери от мужа из хутора Зимняцкого, где Борис родился.

Потихоньку спросила она по дороге Киру:

– Что он такой черный?..

– Он больной. Туберкулез, – ответила Кира, тихонько за спиной идущего впереди Бориса, прижав Танечку, укутанную в теплое одеяло.

Борис услышал шепот, но не разобрал, о чем они говорили. Только несколько лет спустя мать ему призналась, какой приговор вынесла тогда на вокзале сыну его жена Кира.

А тогда, поняв, что на Алтае больной Борис замерзал в своем астраханском драповом пальто, срочно решила купить ему теплое зимнее пальто. Залезла в ломбард и в долги, но денег набрала. Целый день с утра они ходили с ним по скудным астраханским универсамам, но ничего подходящего не нашли. А мать боялась потерять деньги и оставить Бориса без пальто. Поэтому согласились купить совершенно немужского – палевого цвета пальто. Зато очень теплое, и с большим воротником из искусственного меха, подкрашенного в коричневый цвет волка. Борис чувствовал себя в этом пальто, как пугало. Но смолчал. Потому что в нем было тепло.

Пришли домой, на Красноярскую улицу, вошли во двор. А вслед за ними с улицы вбежала Кира, в теплом пальто с песцовым воротником. Это пальто Борис ей купил перед отъездом с Алтая.

Кира ревела навзрыд. Она толкнула Бориса, воздев к небу кулаки:

– У моей мамы рак! Она умирает в больнице. А они пальто пошли покупать. Вам-то что! Только о себе думаете. Приспичило покупать это дурацкое пальто!.. Как не стыдно?

Она бегала около порога по двору и кричала. Мать Бориса была огорошена, механически хватала Киру за пальто и просила:

– Тише!.. Тише!..

А Борис вспомнил, как ему было стыдно от школьников его шестого класса, когда на торжественной линейке ему классный руководитель вручала теплое ватное пальто в подарок. Стыдно потому, что Борис понимал: это подачка бедной матери-одиночке от школы.

– За хорошую учебу! – сказала учительница, и школьники, улыбаясь, зааплодировали.

И мать Киру Борису было очень жалко. Неужели умрет?!

Глава 26

Отпуск у Бориса закончился.

Борис пришел в рыбный институт к проректору Артемьеву. В кабинет к нему его пропустили быстро. Рассказал о своей работе на Алтае. А потом попросил вернуть Киру на факультет промысловства.

– Борис, я помогу ее восстановить на второй курс, – сказал Артем Захарович. – Но учиться она не будет. Тем более у вас грудной ребенок.

– Будет, – упорствовал Борис, сам понимая, что Артемьев прав. – Она больше не поедет со мной на Алтай. И даже будет продолжать заниматься в студенческом драмкружке. Ведь у нас две хорошие бабки в помощь – моя и ее мать. Операцию сделали. Опухоль не злокачественная.

– Что, грудь отрезали? – участливо спросил Артем Захарович.

– Да, – кивнул Борис.

Сказал, а сам переживал, возвращаясь домой, что мать Киры все же боится, что у нее рак. Но многие живут и без одной груди долго. Вон амазонки-то вообще сами отрезали себе одну грудь, чтобы не мешала стрелять из лука, и были сильными и здоровыми всадницами, грозой любых варваров.

С Танечкой в основном сидела мать Бориса. Качала родную внучку по ночам. Но Кира ворчала, ссорилась по пустякам. Он понимал, что жена переживала за свою маму, за то, что Борис ничего не может сделать, чтобы не возвращаться на Алтай, за то, что никто его на работу не берет – не имеет права по закону о молодых специалистах.

А когда Веру Васильевну выписали из больницы, Кира вообще сбежала к ней домой, вместе с Танечкой. Не раз Борис пытался вернуть Киру. Каялся про себя, что увез ее из Рубцовска. Там жене некуда было бы бежать. А вернулась – попробуй ее удержи, настырную такую. Да еще, действительно, ей нужно было помогать матери после операции. Отчим в сиделки не годился, пьяница, да и ребенок своим криком его только раздражал, не выпить, не закурить в доме.

У Бориса кончилось терпенье, да и кончился отпуск. Теперь в Рубцовске от Масякиной будет нагоняй, что приедет на работу

позже положенного срока. Правда, справку о задержке Бориса по состоянию здоровья матери в Астрахани дала участковый врач. Ноги у Алины Алексеевны «болели по страшному», как она стала чаще говорить.

Перед отъездом Борис ночевал с Кирой в ее квартире. Вера Васильевна ругала зятя, что он бросает жену с ребенком. Кира ей вторила. Объяснения Бориса они не хотели понимать. Борис уткнулся в подушку на кровати рядом с Кирой и молчал.

– Сибирь тебя заждалась? – кричала теща, вынося горшок от Танечки в два часа ночи. – Ну, берегись, хлебнешь ты алиментов, это я тебе, как бухгалтер, обещаю.

«Берут на испуг!» – подумал Борис, и заснул.

Глава 27

Борис так и не запомнил, как проскочила в поезде неделя на колесах. Стучала в голове хромота железных колес под ногами, и днем и ночью: тук-тук, тук-тук, тук-тук. А ведь была и пересадка в Урбaxe. Только не было тяжести ящиков с приданным. Чемодан да пара набитых добром сеток. А в сетках – соленая вяленая осетрина, и гостинец, черная икра Швабрину, с которым Борис больше всего и сошелся на Алтае, считая его своим другом. Посылал ему телеграмму из Астрахани. Поезд указал – встречай. Да не встретил. Может, и телеграмма не дошла.

Февраль закрыл Рубцовск метелью. Станция на Вокзальной улице, только в другом ее конце от дома. Пришлось ждать на холодном ветру автобуса. А когда он пришел, Борис еле в него влез. Хорошо сообразил – лезть боком, пробиваясь в толпе чемоданом вперед. А выходить из автобуса было еще сложнее. Осыпанный ругательствами пассажиров, он вылетел, как пробка из автобуса. Поскользнулся на ледяном асфальте на остановке и растянулся со страшной силой – все вещи вылетели из рук и разлетелись на тротуаре. С болью вставая на ноги, Борис сказал вслух: «Здесь матом начнешь писать!» И почему-то запомнил эти свои слова на всю жизнь.

И тогда удивился сказанному. Дотащился, хромя, до своего кирпичного пятиэтажного дома. Поднялся на пятый этаж. Открыл свою квартиру. И сразу бросилась в глаза на голом крашеном полу пустая детская кровать посередине комнаты. Вспом-

нил давнюю фантазию – как будто тогда себе напроорочил. В ней раньше лежала и улыбалась ему Танечка. Протягивала к нему ручки, чтобы он ее скорее взял и прижал к груди. Теперь дочка осталась с матерью в Астрахани... Вздохнул Борис и пошел в ванную. Включил воду умыться, а воды холодной, конечно, опять нет. Не доходит она до пятого этажа. Налил горячей воды в ванную, помыл ее и закрыл слив, чтобы набрать полную ванную горячей воды. Пусть остывает. Хватит на целый день.

Пока мыл полы, думал о том, как жить одному. Надо бы сварить картошки. Пожарить не сможет, потому что нет подсолнечного масла. А сварить – это дело. Переоделся, пошел во двор в стайку, четвертую справа, где хранилась и его картошка. В Астрахани такую сараюху называют амбаром. А здесь на каждую квартиру – своя стайка. Сколько труда они вложили с женой, чтобы запастись картошкой. Три мешка на зиму купили. Масыкина собрала с сотрудников гормолкомбината деньги, нагрузила молочными продуктами грузовую машину и отправилась покупать дешевую картошку на всех желающих работников в знакомый колхоз. А когда привезла в Рубцовск, каждый сам забирал мешки картошки. Борису никто машину не дал, пришлось тащить мешки на себе. Принесли за два раза.

Борис открыл стайку, отвернул от глубокого ящика брезент, набрал в ведро картошки. Холодная – как металл, чуть руки не отморозил. А картошка-то перемерзла! Как камень. Бориса дома не было, и поэтому мешки никто не укутал. А на дворе февраль. Вся картошка пропала, на зиму теперь у Бориса ничего нет. Живи, как хочешь. Борис высыпал картошку из ведра, с тяжелым сердцем закрыл свою стайку и вернулся домой, усталый и злой. Вот она самостоятельная жизнь, бестолковая. Я сам, я сам! А как ему самому жить – не поддохнуть?

Прочитав астраханские письма, которые пролежали в письменном ящике дольше месяца, Борис еще больше расстроился и даже разозлился. Он сел за стол и написал матери резкое письмо.

«Здравствуй, мама!

Да, с тобой поделиться нельзя, а я, дурак, все не верю этому. Подняла такой скандал, что я в ужас пришел от всех тех «тактичных» мер, которые ты предлагаешь. Не, мамуля, не выйдет у тебя номер. Я тебе не разрешу больше вламываться в мою жизнь. Слишком мне это дорого обходится. Развалилась семья –

и опять ты хочешь «тактично» лишить меня любви Танюши. Ты можешь рвать мои письма, можешь на меня обижаться, но я тебе категорически не позволю вмешиваться в мои отношения с моим ребенком, категорически возражаю против твоего приезда в Рубцовск. Мне опять придется бежать от этой твоей ласки, от которой можно задохнуться. Все вопросы с ее образованием, воспитанием, одеванием я решу сам, ничуть не хуже тебя, а намного лучше. Если смогу, я приеду в отпуск в Астрахань. Мне надо здесь обжиться. У тебя есть тоже гнездо, вот и сиди в нем. Я к тебе буду приезжать, на сколько дней смогу. Такого мнения и вся наша родня. Танюше ты сможешь давать все, что хочешь, все равно это выбросят и правильно сделают. Потому что не было еще ничего путного в том, что ты покупала. И шапка, которую ты мне купила – страшная, дорогая, все равно мне жмет, давит голову. А овчинная дубленка – идиотского фасона. Это о тебе. Следующая страница – обо мне.

Я получил на себя такую характеристику от людей, с кем работал, что мне стало просто мерзко с самим собой. Самое главное, что это не первая характеристика. Такого же мнения обо мне и бывшая жена, и некоторые друзья. Я мог с ними ссориться, разрывать отношения, но факт остается фактом. Правильно только одно. Я внешне создаю неплохое впечатление, но когда люди узнают меня поближе, они меняют свое отношение ко мне. Ты всю жизнь «боролась», чтобы вытравить во мне скверные черты характера. Но, во-первых, твоя нервная система, как и всего нашего рода, очень неуравновешенная, и это сказывается на наших характерах очень отрицательно. Во-вторых, и тоже тебя не виню, у тебя много отрицательных черт, которые ты такowymi не считаешь. И они перекочевали в меня. В-третьих, я сам по себе скверный человек, жестокий, завистливый, трусливый, вредный, жадный, мстительный, эгоистичный, скандальный, тщеславный, мнительный, завистливый, подозрительный, себялюбивый, заносчивый, ревнивый, невежда, ябеда, инфантильный плебей. Во мне не развиты мужские качества, нет половой культуры, очень ограниченные возможности и очень большие запросы. Немного излечил меня от неврастении гипнолизер. Но остатки этого уже закреплены характером. Я не берусь и не имею права говорить о твоих отрицательных чертах характера, но о своих чертах я большей частью наслышан от друзей и вра-

гов, родственников и коллег, соучеников и сокурсников. Особенно сейчас, люди моего возраста говорят обо мне со знанием опыта, авторитетно, потому что, как и я, начинают разбираться в людях.

Вот так-то, дорогая мама. Этот список неполный. Есть у меня и положительные качества. Только из-за них не все еще отвернулись от меня. Но в коллективе, в любом, через два года меня уже узнают во всей моей «прелести», и я становлюсь предметом обсуждения как неприятная личность. Я подозреваю, что и твой «ярлык» в школе вызван не только местью директрисы школы. Эта месть была поводом. А главное – мы сами со своими «прелестями», что мы из себя представляем на самом деле.

Это не значит, что, раз такой плохой, то уже и жить нельзя. Подобных людей много. Свое мы с тобой доживем. Но нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Надо сказать, я не знаю, какая по характеру Кира (так как еще не разбираюсь в людях), но она гораздо лучше нас с тобой. Она сделает Танюшу лучше нас. Но если ты вмешешься, то я останусь без последнего светлого пятна в моей жизни – удовлетворения своей любовью к дочери. Мне не будут давать Танюшу, это жалко. Да, откровенно говоря, Танечку бы нам давали, если бы мы захотели брать (хотя бы по суду), а ты бы не была таким «бронетранспортером», который вламывается в чужую душу и вершит там по своему разумению и желанию, не считаясь с другими, с их чувствами, их достоинствами и недостатками, не думая о будущем, о том, что разбить просто, но потом не склеишь. Было бы очень хорошо, что бы ты это письмо читала почаще, особенно в порыве такой скандальной страсти, в которой я тебе это письмо отсылаю. Извини, я не смог молчать. Борис».

Слава Богу, что Борис это письмо не послал матери.

Глава 28

Мать дала в дорогу Борису два килограмма черной икры. На подарки. Ее можно было достать в Астрахани по 3 рубля за килограмм. При зарплате 37 рублей это для матери были большие расходы. Сложив часть икры в баночку от хрена, Борис пошел домой к Швабрину. На Вокзальной улице был сильный ветер, снег поднимало вверх от его порывов с земли, как летом

пыль, и бросало в лицо. Автобус ждать – замерзнешь, поэтому Борис шел пешком. В квартире долго не открывали. Наконец, Юрий распахнул дверь и ойкнул:

– Мы думали, что ты уже не вернешься, больше месяца прошло, – пожал он руку Борису, как постороннему. Это задело Бориса. Он предвкушал прием родной. «Даже не обнял, как прежде», – подумал он. Но чаем его все же угостила Юркина жена Нина. Все такая же мягкая и приветливая, как прежде. Ей и вручил Борис астраханский подарок – баночку черной, паюсной, икры. Как они оба были рады!

– Спасибо, старик! – смахнул чуб со лба Швабрин. – Знаешь, как тебя отблагодарим? – шагал он по комнате, высоко поднимая, по обычаю свои длинные ноги, как жерди. – Пойдешь с нами в тюрьму.

– Что? – вскочил с табурета ошарашенный Борис.

– Не пугай! – засмеялась Нина и хлестнула Юрку по голой шее.

– Читать стихи зекам, – улыбался Швабрин, довольный своей шуткой. – Я попрошу, чтобы тебя включили в нашу группу четвертым. Согласен?

Конечно, Борис согласился. Хотя и знал он, что кругом за городом лагеря огорожены колючей проволокой, но зеков не видел.

И вот они приехали на «газике» в лагерь заключенных – бывших больших начальников и работников местных и партийных органов, приговоренных на полный срок – 25 лет. Начальник тюрьмы в своем кабинете поблагодарил руководителя литобъединения «Старт» и редактора газеты «Коммунистический призыв», за то, что согласились устроить поэтический вечер в их «коллективе». Сказав «коллектив», он многозначительно кашлянул и подморгал гостям. Попросил поэтов – каждого прочитать только по одному стихотворению, чтобы не затягивать концерт, потому что еще будет музыкальная часть артистов из клуба Алтайского тракторного завода, АТЗ. И проводил гостей в Красный уголок тюрьмы. Там, на скамейках уже сидели зеки. Борис боялся на них смотреть, когда проходил мимо, как на раздавленных машиной людей. Знал, что сидели – кто за убийства, кто за крупные кражи имущества. «Они все – смертники, хоть смертную казнь отменили, – рассказал в машине по пути один из солдат охраны. – У кого срок заканчивается – мы раздразним,

он кидается на проволочное ограждение, и его застрелят за попытку к бегству, да еще премию дадут за хорошую службу...

При тусклом свете и спертом воздухе в Красном уголке все представлялось Борису смутно, как в тумане.

Борис от волнения даже не слышал, как выступал Швабрин и другие поэты, только твердил про себя свое стихотворение, чтобы не забыть. Как назло, забыл взять его из дома. Наступила его очередь выступать, последним. Борис поднялся на низенькую сцену, глянул на сплошные ватники, сидящие тесно на лавках и поздоровался: «Здравствуйте!..» А как дальше обращаться к зекам, не решил. И сразу стал читать стихотворение:

ТАЙГА РАССТУПАЕТСЯ

Играет кровь и дух возносится,
Когда ты крепкою рукой,
В поту от ног до переносицы,
Сосну корчуешь за сосной.

Пусть губы сохлые, шершавые
Горят от жажды и мошки, –
Глаза, веселые и шальные
Огни таежные зажгли.

Ты в пору неумной юности
Схватился с вековой тайгой.
Тебе хватило сил и мудрости,
Чтоб выиграть неравный бой.

Тайга угрюмо улыбается,
С утра умытая росой.
И с неохотой расступается
Перед мальчишками с пилой.

На землю топкую, липучую
Покорно падает сосна.
Не быть тебе, тайга, дремучею –
Ты людям свет нести должна!

Зеки захлопали. Еще бы – это стихотворение считалось лучшим, и было опубликовано в краевой газете «Молодежь Алтая».

«Слава богу, не забыл», – перекрестился про себя Борис и затопился выйти за друзьями из Красного уголка. А аплодисменты еще продолжались.

Борис не знал, что в это же время какой-то искусствовед Василенко в тундре писал другие стихи:

РВЫ В АБЕЗИ*

Я погибал.
Я сознавал это.
Сколько еще могу продержаться?
Нас каждый день выводили в тундру,
несколько сот человек.
Двигались, подгоняемые конвоем.
Несли лопаты, кирки, носилки.
Тундра встречала болотистой, ржавой травой.
Было лето, но в ямах желтел снег.
Хрипло вскрикивали птицы,
вырывались из-под ног,
кружились и возвращались назад.
Облака сопровождали нас, вглядывались в лица.
Мы шли, разбрызгивая ледяную воду,
в молчании, друг за другом,
наверное, птицам сверху виделись змеевидные колонны?
Но птицы не рассказывали об этом!
Они не пугались, они привыкли к таким зрелищам!
Мы должны были рыть огромные рвы.
Несколько сот человек!
Рвы змеились по тундре.
С каждым днем они углублялись.
Ноги леденели в воде,
хотя нам выдали резиновые сапоги, правда, не всем!
У меня их, как и у многих, не было.
А тяжелые башмаки быстро напитывались водой.
Автоматчики, стоявшие над рвами,
следили за нами.
Я едва держался.

* Абезьский лагерь – подразделение в системе исправительно-трудовых учреждений, действовавшее в посёлке Абезь.

В глазах мелькали тени,
казалось – я слепну.
Вот-вот упаду,
Но поднимут и заставят рыть, рыть!
Рвы росли, были уже выше нашего роста.
Зачем мы их рыли?
Для кого?
Неужели для нас?..

Дальше читать невозможно... Но Борис не знал еще об этом.

Самое интересное, что даже здесь, на выступлении перед заключенными, Борис не испытывал животного страха матери, которая была «дочерью врага народа». Он не знал участи своего деда Белова Алексея Тимофеевича, приговоренного к расстрелу, а потом после помилования отправленного на 10 лет отбывать тюремный срок по 58-й статье на Колыме, в городе Ола. Мать все сделала, чтобы он ничего об этом не знал. Всё скрывала и страна, от которой Борис с детства пел на школьной сцене:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Глава 29

Борис угостил икрой и Женьку Богова. У него намечалась свадьба. Так что икра была очень хорошим дополнением на свадебный стол, когда даже хлеб – гороховый. Женька все же решил жениться на той девушке, у которой жил, уступив квартиру Борису. «Неужели теперь он захочет вернуть свою квартиру? – думал Борис. – И куда же я отсюда денусь?» А сам слушал рассказ Женьки о событиях на заводе.

А в Рубцовске разразился страшный скандал, с криками, взрывом, милицией, судами. Приняли и запустили компрессорную установку. И раздался взрыв. Бригада строителей, конечно, схалтурила – не зря Борис ловил их на фальшивых заглушках. Аммиак выбросило от взрыва компрессора из си-

стемы. Хорошо, хоть люди уцелели, только двое машинистов наглотались газа и обожгли мошонки. Бригадир строителей до сих пор в СИЗО, наверное, срок схлопочет за халатность. Бестолковые, все смотрят на инженера, а он сам не поймет, что творится. В компрессорах – полно щебенки. Рассол смешался с аммиаком. Вонь страшная. В носу горит. Респираторы надели, душно. А яйца жжет концентрированный аммиак. Женьке велели проверить всю разводку трубопроводов. Он залез под потолок, а там черт ногу сломит. Идет горячая линия, вдруг соединяется с холодной трубой. Идет труба рассола, вдруг соединяется с аммиачной трубой. Кто ставил между этими линиями соединительные вентили? Или пьяный, или полный дурак. Неужели вредительство?

– А тебя нет, чтобы проверить перед сдачей систему, – медленно говорил Женька, потягивая пиво и закусывая сушеной воблой, которую привез Борис. – И тебя поливали матом за то, что стройку бросил и сбежал. Всыпят тебе, конечно, по первое число за месячный прогул. И справка твоя от врача не поможет.

У Бориса побежали мурашки по телу. Но он молча запивал жигулевским пивом подступающий к горлу страх. Женька, как обычно, долго молчал, пока бутылку пива не допил. Потом губы протер ладонью и наклонился к Борису.

– У меня в первый же год работы была подобная авария на прежнем заводе, – сказал он тихо. – Долго меня допрашивал следователь. Что, да как, да почему? А в результате... предложил сотрудничать с милицией.

– Как это? – встрепенулся Борис.

– «Будешь, – говорит, – иногда нам рассказывать о новостях на нашем заводе». Я стал мяться, мол, неконтактный. Не привык сам болтать, и со мной не делятся.

– «А ты слушай», уперся он, – совсем понизил голос Женька. – «Вот таким и можно доверять. А это твое дело я закрою». И закрыл.

– А мне вообще нельзя доверять, – затрепыхался пойманный Борис. – Я разговариваю во сне.

И рассказал:

– Помню в пионерлагере мой кореш рассказывал: «Я проснулся, слышу, Борис что-то говорит ночью. «Ты что мешаешь

спать?» – спрашиваю, а он отвечает: «Полный кукан сазанчиков поймал». И захрапел».

«Да ничего я не говорил, врешь ты!» – оправдывался я утром под смех ребят в палатке».

– Забыли разговор! – поставил недопитую бутылку на стол Женька, взял баночку с икрой, и ушел.

«Как вовремя я вспомнил свой недостаток!» – подумал Борис, закрывая за ним квартиру на ключ.

И все же Борис тогда не осознал, что это не пересказ Женьки Богова, а попытка вербовки его, Бориса, в сексоты, секретные сотрудники органов внутренних дел...

А через день Борис увидел на доске «Информации» завода листок с приказом Директора о строгом выговоре инженеру-механику Карину Борису Константиновичу за долгосрочный прогул после очередного отпуска, за недоделки в монтаже холодильной системы трубопроводов и за убытки материальных ценностей, нанесенные из-за выброса аммиака при взрыве компрессора на новом гормолзаводе.

– За это судить вас надо, дураков, – буркнул за спиной Бориса директор старого гормолзавода Петров, – а не выговор выносить.

Борис вздрогнул и обернулся к нему. Но рядом с директором оказался компрессорщик-ветеран. Он дружески улыбнулся Борису и сказал директору:

– Молодого специалиста первые три года не привлекают к материальной ответственности по нашему законодательству. – Он положил руку на плечо Борису и пошел с ним в компрессорный цех, успокаивая на ходу: – Бывают большие потери. А с такими – жить можно. Не сокрушайся.

Глава 30

Целый месяц, как проклятый, Борис с механиком и Женькой Боговым искали все недоделки строительной бригады, следили за их исправлениями. А за ними, кажется, присматривал и следователь, часто навещая бригаду и задавая чуть ли ни одни и те же вопросы о причинах вредительства монтажников. Какие они вредители, просто халтурщики, скорее деньги сорвать и кое-как сделать? Или вообще не сделать. Например, перед опрессовкой

нужно было сделать продувку всей системы. А они ее не сделали, вот поэтому и полно мусора и известки в картере компрессора.

Но о продувке Борис решил следователю не говорить. Сами разберутся.

Домой Борис приходил усталый, но сытый. Потому что каждый раз к ним в компрессорную навевались кто-нибудь из рабочих мясокомбината. Уж колбаски всегда принесут, чтобы взамен получить молочных продуктов.

Так что Борису оставалось вечером только пожарить картошки на постном масле, да купить бутылку спирта, выпить рюмочку с устатку.

Стихи не писались. С ребятами из литобъединения Борис пока не встречался. Только узнал от жены Шлепенчука, главного технолога молзавода, что Швабрин все-таки развелся с женой. Нашел какую-то поэтессу, а жене оставил маленького сына и квартиру.

– Все вы поэты одинаковые – ищите муз на стороне, – нехорошо глянула на Бориса Людмила. – Деньги-то дочке посылаешь?

– Посылаю, если это можно назвать деньгами, – вяло кивнул Борис.

– А чем докажешь? – сразу улыбнулась Людмила.

– Кому? – встревожился Борис. – Жена Кира знает.

– Ты оставляй почтовые квитанции – могут пригодиться, – заторопилась Людмила к фрезеру для изготовления мороженого. – Девчата, вы следить будете? Уже мороженое через край фрезера повалило.

Девчата прибежали исправлять. А Борис задумался над последней фразой Людмилы Шлепенчук...

Что она имела в виду?

Оказалось, через неделю, что она имела в виду поступившее в дирекцию завода из Астрахани решение районного суда о взыскании с Карина Бориса Константиновича алиментов в сумме одной четверти его оклада на содержание его ребенка Мариной Татьяны Борисовны, в возрасте двух лет, проживающей с матерью Киной Николаевной Мариной, подавшей в суд исковое заявление на ее бывшего мужа....

«Как бывшего мужа? – горел пламенем Борис. – Мы не развелись. И Танечке я посылаю деньги регулярно. Может, в этом месяце еще не успел послать, купил сапоги с аванса, но с зарпла-

ты пошло. «А чем докажешь?» – вспомнился вопрос Людмилы. Неслучайно она встретила меня в цехе мороженого, они виделись редко – в месяц раз или два. Без меня меня женили, точнее – без меня меня развели», – размышлял Борис, возвращаясь домой.

Пришел и напился, выпил полстакана неразведенного спирта. И хоть бы что. «Здесь матом начнешь писать стихи», – вспомнил он свои слова, упав на снежный наст у автобуса. И заснул на кровати в одежде.

Глава 31

В Рубцовске улица Вокзальная, на которой жил Борис, впадала в центральную площадь. Там был фонтан, правда, Борис не помнил, когда этот фонтан работал. Как в Астрахани народ гулял по улице Советской, с километр длиной, так и рубцовчане гуляли по вечерам по этой площади вокруг фонтана, как ослы в шорах, чтобы не сбиваться с пути. Немного оттаяв после всех тревог, которые свалились на Бориса, он однажды вечером пошел прогуляться к этому фонтану. Пошел, может быть, потому, что наступила весна, запахло зеленью раскрывшихся почек на кустах и деревьях.

– Ка-рин! – услышал он знакомый голос за спиной. И мир расцвел. Потому что он увидел Нину, бывшую жену Швабрина. Хоть один добрый человек окликнул.

Они встретились. Обнялись. И встретились-то почти у дома. Борис пригласил Нину в гости. И она с радостью согласилась. Разговор сразу не клеился. Пока Борис жарил картошку с кусочками колбасы, ставил на стол водку с рюмками и тарелками, рассказал Нине, что жена подала на алименты, видно, нашла другого.

И Нина вдруг заплакала. Стала рассказывать, что Юра давно нашел другую, стал иногда ночевать у нее, а недавно съехал совсем, к любовнице. А ведь жили вместе пять лет, сколько лет их дочке Анечке.

Оба вспомнили, как однажды Борис пришел к Швабрину, а его не было дома. Был на выступлении поэтов на субботней телепередаче. Даже видели его выступление на экране телевизора. Пили с Ниной чай, ждали его, но он так и не пришел допоздна.

Загулял. Нина всплакнула, а Борис пошел домой, к своей Кире и дочке Танечке.

– А где сейчас дочка? – спросил Борис.

– У бабушки, – ответила Нина. – Она на пенсии, поэтому в детсад ребенка не отдаем. После работы я Анечку забираю домой.

Расстались дружески.

– Заходи в гости, – пригласила Нина и ушла. Такая мягка, теплая.

«Дурак, такую ласковую бабу бросил», – подумал Борис.

Борис тогда еще не знал, что Нина плакала не потому, что развелась, а потому что очень хотела сейчас Бориса.

И Борис как-то раз зашел после работы в гости к Нине. Ее дочка Анечка спала. Борис посмотрел на нее за ширмой в маленькой кроватке, и вспомнил свою Танечку. Вдохнул глубоко. Но приглашение сесть за стол принял. Говорили шепотом. Борис принес бутерброды с творогом, захватил с завода, как будто домашние в обед не съел. Нина поставила на стол бутылку водки. Налила тарелку щей. Глаза ее светились радостью ожидания.

И он остался на ночь. И Нина расцвела в его объятьях.

Утром проснулся от крика птиц, влетавшего в открытую форточку.

Легко и тихо ушел на работу. И словно плыл по рассветному Рубцовску, как «Облако в штанах» Маяковского.

А потом сочинил и свои стихи об этом.

* * *

Далекие очи
Минувших ночей,
Укрыться нет мочи
От ваших лучей.

Никак не забуду
Я этой весны.
Слетают оттуда
Ко мне мои сны.

Там смуглым сияньем
Светилась луна
И вешним желаньем
Цвела тишина.

Там в облаке мятных
И теплых волос
От чувств необъятных
Дыханье зашлось.

Там ветки качали
За окнами ночь
И птицы кричали
С утра во всю мочь.

Последнее четверостишие навеяли Борису стихи Артюра Рембо в его переводе «Комедия в трех поцелуях»:

Она была почти совсем раздета.
И старые деревья, с хитрым взглядом,
Склонялись к окнам с самого рассвета,
Шептались где-то рядом, где-то рядом...

Глава 32

В субботу продолжались выступления рубцовских поэтов. Опять пригласили на телестудию и Бориса. Он сидели за трехгранным столиком рядом с Швабриным.

– С дочкой встречаешься, – не выдержал Борис, наклонившись к Юрке.

– Сейчас в микрофон всему Рубцовску расскажу об этом, – усмехнулся он, тронув микрофон перед собой, зная, что пока репетиция – микрофон выключен.

– В детский сад ходит пока без простуд, – таким образом, признался Борис, что встречается с его бывшей женой Ниной.

– Знаю, – прервал признания Швабрин, резко повернувшись к нему. – А ты про свою-то дочку не забыл?

– Мы не разошлись, – зашептал Борис, наклонившись к Швабрину, чтобы Шлепенчук, рядом не слышал, и отвел его от стола в глубь телестудии. – Я не оформлял развод. Я же вернулся дорабатывать трехгодичный срок на гормолзаводе. Попытался остаться

с семьей в Астрахани, но против закона не погрешь. Кира не захотела со мной возвращаться в Рубцовск.

– Все равно виноват, – осуждающе сказал Юрка, явно имея в виду больше встречи Бориса с его бывшей женой.

– В чем же я виноват? – злился Борис.

– Почему она подала в суд на алименты?

– Я посылал для своей девочки деньги.

– Только ли это ребенку нужно? Ей нужен отец. Вот моя хоть видится по воскресениям со мной.

Борис не знал об этом, хотя с Ниной они встречались по воскресениям. Он не спрашивал у Нины, где ребенок.

– Я пытался в письмах помириться с Кирой? Попытался. Но она решила сама отвечать за судьбу своей Танечки, совсем сбросив меня со счетов.

– Сам виноват, – опять отмахнулся от Бориса Швабрин и сел к столу. И этим скорее попрекал себя, чем Бориса.

Начиналась репетиция перед прямым эфиром. Распределили очередность четырех поэтов, показали ведущей Светлане, какие стихи каждый будет читать.

А Борис, механически участвуя в репетиции, продолжал доказывать про себя Шабрину, что он неправ.

«Но я остался отцом своей Тани, – думал он. – Плохим, заплутавшимся, отвергнутым, но не забывающим ее отцом. Расти, моя девочка, набирайся ума и доброты, мы еще встретимся с тобой. Я тоже решил встретиться со своим отцом, напишу ему письмо на Дон. Чтобы не говорила мать о нём, но напишу. Только не надо никого обвинять».

– А сейчас свои новые стихи прочитает вам, дорогие зрители, инженер-механик Борис Карин, – сказала торжественно Светлана.

И Борис очнулся:

– Однажды от Астраханского обкома комсомола я ездил с молодежной делегацией в Чехословакию. Много было интересно. Поразило меня и огромное кладбище на Ольшанке погибших в годы Второй мировой войны русских солдат. И почти на всех памятных плитах одинаковая надпись «Неизвестный». Дата гибели некоторых – позже окончания войны 9 мая. Я прочту стихотворение, которое так и называется «На Ольшанке», – сказал, глядя в глаза подразумеваемых телезрителей Борис, и прочитал стихи:

Почернел от печали гранит,
Замер траурным строем.
Под цветами здесь армия спит
Безымянных героев.

Мама, мама, ты строй наш почти,
Самый смирный и тесный,
Эту надпись мою ты прочти:
«Рядовой неизвестный»...

Я не думал в бою, извини,
Как меня опознают.
Лишь две чешки – от русской родни! –
Нам цветы поливают.

После него выступал журналист Геннадий Комраков.

Когда закончили все выступать, он подошел к Борису и крепко пожал ему руку за стихотворение «На Ольшанке». И с тех пор проявлял к нему особое внимание. Борису, конечно, было приятно. Потом он узнал, что Комраков был корреспондентом газеты «Известия» по Алтайскому краю.

Но Борис еще не знал, что на Ольшанке, на этом огромном поле в безымянных могилах похоронены и воины и офицеры армии Власова, попавшие в котел и воевавшие в большинстве своем вместе с фашистами против России.

И органы безопасности не могли этого не знать. Досье, наверное, копилось на молодого начинающего поэта.

Глава 33

Однажды до рассвета Борис пешком возвращался домой от Нины по темным улицам Рубцовска, его внезапно остановила группа ребят, человек пять.

– Куда спешишь, парень? – сказал из темноты густой голос.

Лица не было видно, но шкурой Борис чувствовал, что его окружили.

– Домой, – ответил он приглушенно.

– Оружие есть? – спросил другой и мгновенно стал бесцеремонно ощупывать пустые карманы брюк Бориса. – Сухой.

– Что вам надо? – я здесь живу недалеко, – средфил Борис, отстраняя руки того, кто его ощупывал.

– У нас рейд по общежитиям, – мягче сообщил первый голос. – Полмешка ножей и пистолетов собрали, – и тряхнул перед Борисом мешок. Послышался шум и лязг железа.

– Что так поздно бродишь по ночам? – подал голос третий парень.

– Я здесь недалеко работаю инженером, – нашелся Борис. – Сегодня ночная смена.

– Знаешь про вас анекдот? – засмеялся третий парень. – Жулики напали на мужика ночью, и требуют: «Снимай пальто!». А он взмолился: «Отпустите. Я же не смогу другое купить». А они: «А кем работаешь?» Он отвечает: «Я инженер. Вся зарплата – сто рублей». Жулик рассмеялся: «Инженер? Мишка, дай ему сто рублей, пусть проваливает».

Но Борису было не до смеха. Его всего трясло.

– Свободен, – сказал первый, и ребята пошли дальше.

А Борис бежал во всю мочь. Спина горела, сегодня Нина даже исцарапала ногтями его спину, так он ее разгорячил. «За все надо платить!» – твердила ему совесть.

А любил ли он Нину, – не известно. Киру точно любил.

Около дома Борис перешел на шаг. Задохнулся от бега. В темноте около своей лестницы открыл последний письменный ящик, вытащил письмо, наверное, от матери и вошел в квартиру на пятом этаже. Включил свет и присел за стол прочитать письмо. Как всегда сначала посмотрел на Киру, на ее фото в рамочке на столе. Она спокойно прижалась головой к матери и молчала.

В письме было вложение. Мать сообщала о своих переживаниях за него и внучку, за здоровье Бориса, за своих давних подружек, которые стали ей как родные. И сообщала, что из Сыктывкара Валя, с которой он отдыхал в поездке по Чехословакии, прислала перевод письма венгерки Ирен. Когда-то мама боялась, что Борис женится на Ирен и уедет от нее в Венгрию. Ведь Ирен приезжала в Астрахань к матери Бориса, когда он был в отъезде в санатории, но мать не призналась сыну. А сейчас Ирен писала Борису.

«Мой милый Борис!

Давно тебе не писала. Прости мне мое долгое молчание. Большое спасибо за подробное письмо и фотографию. Ты на ней очень хорошо получился. Ты такой же симпатичный и молодой,

как тогда, когда мы познакомились. Помнишь тот день? Как быстро идет время. Прошло пять лет. Я очень хочу вновь повидать тебя. Не смог бы ты приехать к нам? Пожалуйста, напиши, когда ты хотел бы приехать в Будапешт. Я очень тебя приглашаю. Мой муж в апреле следующего года поедет в Москву, более точной даты я еще не знаю. С 1 августа я снова на работе. Дочка ходит в детский сад. Мы рано встаем, и уже без четверти семь едем в метро. Очень жаль, что твое письмо будет идти очень долго и неизвестно, когда ты приедешь в Будапешт, и тогда мы сможем увидеться, и хорошо бы я была еще в отпуске. Дочка еще такая маленькая, что я не могу путешествовать. А ты уже можешь приехать. Ты всё верен прежней жене, или хочешь еще раз жениться? Ты часто видишься с ребенком? Встречаешься ли ты со своей женой? (Если я не ошибаюсь, твою жену звали Кирой). Пожалуйста, напиши мне о себе. Я рада, что ты добился больших успехов в литературе. Доволен ли ты? Ты говоришь по-немецки? Ты не сердись, что пишу тебе по-немецки. Я должна учиться и ты должен учиться, тогда мы сможем писать только по-венгерски или по-немецки. Кончаю свое письмо и передаю сердечные приветы твоей семье. Жду от тебя письма. Целую, Твоя Ирен».

«Так мало еще прожил, а уже столько много упущено», – вздохнул Борис. Разделся и лег спать. Через два часа будильник разбудит его на работу.

Глава 34

На молочном заводе Борису Константиновичу было одиноко. Потому что он так и не таскал с завода «шабашку», как другие, кроме «домашних» бутербродов. И потому, что его не жаловала директор Масыкина, видимо, за то, что парень «гнул правду-матку» на производственных планерках. И в отместку постоянно придиралась, что он никак не наладит нужный температурный режим в камерах, хотя для этого многие импортные компрессоры он заменил на отечественные машины московского завода «Компрессор». Машинисты компрессорной знали, что Борис не пьющий, поэтому на свои вечеринки его не приглашали. Не сдавались только девчата. Симпатичный парень, а гуляет один. Они не знали, что Борис привык свои любовные

дела сохранять в тайне. В Астрахани – с Люськой, в Рубцовске – с Ниной.

– Что-то вы, Борис Константинович, женский пол не уважаете, – решила пошутить молодая машинистка, сверля его масляными глазками. – А наши девушки вас очень даже уважают, как «святые святуют».

Эта шутка «Святые святуют» Бориса сразу отпугнула от машинистки.

– Я не люблю срывать цветы, – сказал он. – Мне жалко смотреть, как они вянут.

Борису казалось, что он ответил поэтическим слогом. А сам, после Нины, зашел на завод в ночную смену, проверить, как здесь по ночам «цветы цветут».

Почему-то свет в компрессорной не горел. Борис включил рубильник – и поразился. Вся ночная смена дружно спала на топчанах.

– Подъем! – заорал инженер.

Мужики вскочили. Быстро стали включать компрессоры.

– Так вот почему утром в холодильных камерах тепло! – кричал Борис.

Все разбежались по углам и виновато молчали.

И холодильник заработал.

Теперь Борис Константинович стал иногда устраивать регулярные ночные проверки компрессорного цеха, так сказать, совмещать приятное с полезным. Но руководству решил об этом не докладывать.

Стал инженер выходить в ночную смену, а рабочим спать хочется. Как его уговорить?

Вот и пришла та коротконогая машинистка к Карину ночью в кабинет. Он пытался напечатать свое стихотворение на машинке, но при ней быстро вытащил листок из каретки и положил на стол текстом вниз, продолжая дорабатывать в уме неудачную строфу: «Маленькие ласточки – маленькие планеры...».

А чернявая девушка все что-то говорила, сидела близко-близко, пока не занялся рассвет. И вдруг разрыдалась, ударив по столу кулаком: «Дура-жисть!». И стала жаловаться на свою детдомовскую судьбу.

А Борис про себя твердил: «Держись!»

Глава 35

Вдруг на новом молочном заводе разразилась драма: директор Масыкина была арестована. Ночная смена ушла домой без «шабашки». Милиция строго проверяла каждого на проходной.

Молзавод гудел от слухов. Оказалось, «долгострой» имел криминальную причину. Пока строили новый молочный завод, Масыкина на государственные деньги построила три индивидуальных дома, руками тех же строителей, и сумела продать за бешеные деньги. А выручающий Бориса механик «выручал», в другом смысле, и Масыкину, покрывая ее приписки в нарядах и договорах на строительство. Помимо этого тоннами пропадала молочная продукция с завода. Директору грозила статья 158 ч. 4 Уголовного кодекса за хищение в особо крупных размерах – это четырнадцать лет тюрьмы.

Говорили, что Масыкина перед арестом стучала ладонью по столу руководителя Рубцовска и грозила: «Если меня посадят, я вас всех посажу. Я кормила бесплатным хлебом всех городских голов эти семь лет строительства завода».

И вскоре выяснилось – Масыкина перепугала высшее начальство. Только механика посадили за халатность и некомпетентность, и то на год. А Масыкина выжила. По результатам внеочередной аттестации комиссия рекомендовала руководству Молзавода понизить Масыкину, не имеющую высшего образования, в должности. И она стала инженером по технике безопасности.

Об этом Борис сочинил подпольные стихи:

И каждый выкормленный рот
Другой дал делу оборот.
Не оставляет нас в борьбе
Порок: «Ты мне – а я тебе».

Убрав когти, бывшая начальница, часто стала обращаться к инженеру Карину по сложным делам новой работы, и, всегда, начиная с улыбки, говорила: «Я как с другом, хочу с вами посоветоваться, Борис Константинович...».

И однажды Борису Константиновичу, действительно, пришлось ей «посоветовать».

В молочном цехе убило электрика током. Он стоял на шаткой скамейке и выворачивал лампочку на потолке. Лампочка не просто погасла, а взорвалась. Парень покачнулся на скамейке и, чтобы не упасть, непроизвольно схватился за оголенный провод. Его прошило током. И крепко зажатый пальцами провод выдрался на метр из шурфа на потолке. А парень упал на оборудование цеха и ударился головой о цементный фундамент под смесительным баком. Борис услышал шум из соседнего цеха, прибежал, кинулся делать искусственное дыхание и, дышал ему в еще теплый рот. Но электрик уже стал синеть. Из разбитого черепа шла кровь.

– Вызвать «скорую»! – крикнул Борис галдящим вокруг рабочим в белых халатах.

– Уже вызвали, едет! – ответила спокойно главный технолог Шлепенчук.

От страха и отчаяния Борис не мог опомниться. Что делать? Надо вызвать родных. Пошел к начальству за машиной. А когда вошел в приемную старого директора – даже вздрогнул от мышиной возни испуганной Масыкиной и Петрова. Они валили вину на самого электрика. До него долетали лишь приглушенные отрывки пугливых фраз:

– Он пьяный, факт...

– Нет наряда, сам полез!..

– Не было стремянки...

– Как составить акт, Борис Константинович? – спросила Масыкина.

– Машину дайте съездить за матерью!

– Нет машины, – буркнул директор Петров. – Они все возят молочную продукцию.

– А легковушка директора поехала за резиновыми перчатками, – выпалила Масыкина.

Карин взревел:

– Технику безопасности нарушили?.. Пошлите молоковоз к нему домой! Не то я всех вас по-са-жу!» – и, сильно хлопнув за собой дверь, вышел в коридор.

Петров быстро схватил телефонную трубку, позвонил в диспетчерскую и послал молоковоз за матерью электрика.

– Этот сдержит слово, – услышал Борис за собой голос Масыкиной.

Глава 36

«Распоряжение начальника Алтайского краевого управления «Росмолоко» И. Орешко директору Рубцовского гормолкомбината тов. Петрову П.П., копия директору Барнаульского ГМК Войцеховичу Б.И.

Управление разрешает инженеру-холодильщику Карину Б.К. произвести обмен занимаемой им квартиры в г. Рубцовске на квартиру в г. Барнауле».

Только эту «филькину грамоту» удалось получить Борису из рук руководства при его переводе в столицу Алтайского края. В Рубцовске от него избавились таким повышением по службе?

– Пока поживешь в гостинице, мы будем платить, а через пару месяцев сдаем новый дом, и тебе дадим квартиру, если не удастся до этого обменять рубцовскую квартиру на столичную, – сказал при первой встрече новый директор.

Отказаться Борис не мог, но в обещания не верил.

По крайней мере, он не знал еще, что у него нет никаких документов и на квартиру в Рубцовске, так как она была служебная квартира комбината.

Только теперь он собрался отправить из Рубцовска оставленные Киной вещи в пассажирско-товарном составе поезда. Женя Богов, спасибо, помог найти контейнер. Туда сложили и кровать Танечки, и все, что Кира привезла с собой из Астрахани или приобрела себе, вплоть до метелки, которая никак не хотела уместиться в забитый до отказа контейнер.

– Да брось ты ее, – швырнул метелку Женька.

Но Борис отправил и ее.

Собрав в новый чемоданчик тетрадку переписанных заново своих стихов, документы и сменку белья на первый случай, получив деньги под расчет в бухгалтерии, и сложив все документы, Борис сел на поезд в Барнаул, махнув рукой Богову из окна вагона на прощание.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, открыл почитать у окна новую книжку замечательных стихов древнего восточного поэта Рудаки.

Какие мудрые стихи:

Ты хочешь сделать этот мир спокойным,
А мир желает лишь круговращенья.
Не злись: ведь мир твоей не внемлет злости.
Не плачь: к слезам он полон отвращенья.
Рыдай, пока не грянет суд вселенский,
Ко прошлому не будет возвращенья.
Не мучайся по поводу любому –
Ты худшие узнаешь злостью.

Поезд остановился на небольшой станции. Напротив окна Борис увидел вожденное слово «ТУАЛЕТ», и выскочил на минутку по нужде.

Вернулся быстро, но поезд ушел, с его сумкой, тетрадкой стихов, паспортом и деньгами. Борис проклинал все на свете, чуть не плача. А в голове звучали слова Рудаки:

Не мучайся по поводу любому –
Ты худшие узнаешь злостью.

Кинулся в милицию. Сообщили на следующие станции об оставленном в поезде чемоданчике. Но чемоданчик исчез. Милиционер утешал беспечного поэта: «Не горюй! Стихи новые напишешь, если талант. А документы подбрасывают на главпочтамт «до востребования».

Так все и случилось. Деньги в кошельке на первые дни были в кармане.

Теперь на новом месте Борис работал старшим инженером. Вроде справлялся. Как-то поутру Карин степенно шагал по «холодильнику». А в корпусе, который был составлен из маленьких клетушек, таких, что в них мало чего помещалось, по предложению Бориса, ломали внутренние стены.

Строитель-амбал сказал напарнику с усмешкой тихо, но так, чтобы слышал инженер:

– Один дурак здесь всё стены возводил, а другой... умник всё разгородил.

Мукой оказалось жить долго Борису в гостинице. Каждый день почти – новый постоялец. С вином, с откровенными рассказами, анекдотами, пьяным храпом по ночам.

В гостиницах – народ веселый. Каждый – выпить не дурак. Карин быстро устал от таких ежедневных встреч, да и спиться можно с «кратковременными» друзьями.

...В общем, уют – дорожный. Пришел через месяц с работы, а вещей в номере нет. Куда девались? Пошел к администратору, а он отвечает:

– Вас выписали. Больше месяца в номере жить не положено по закону. Платить надо заранее за два-три дня. В виде исключения, поместим вас в другой номер, а по закону надо переходить, в вашем случае, каждый раз в другую гостиницу.

Такого удобства Борис не ожидал. Да и платить так дорого за него новая бухгалтерия не хотела, предлагала снять комнату в частном секторе. Только от этих претензий отбилась, стараясь не быть «конфликтным», Бориса огорошил председатель месткома, которому он решил пожаловаться:

– Ишь какой быстрый! Вынь ему квартиру да положь! Люди ждут по десять лет. А ты и год еще не работаешь...

Откликнулись друзья-поэты, которые когда-то подпевали ему, и свели с редакцией газеты «Молодежь Алтай». Старались помочь по мере сил. Обращались в горсовет...

Но местный «классик» пристыдил Бориса Карина: «У многих нет еще жилья...»

Эпилог

Он вернулся с Алтая поэтом, по крайней мере, выбрав окончательно этот путь. Не потому, что стал лучше писать, просто стихи стали профессией, вторым дыханием, и он решил посвятить всего себя поэзии. В маленьком районном городе, расположенном в Алтайской степи, его стихи признали и редакционные работники, и читатели. Он печатался в городской газете каждую субботу, выступал на радио и по телевидению. Его узнавали на улице. С ребятами из литобъединения он читал свои стихи в школах, в драматическом театре, в горком комсомола. Альманах «Алтай» выпустил подборку его стихов и песню «Встречайте меня, сосны» с его музыкой и словами. И это была последняя на Алтае его публикация. Он понял, до чего бездарны были его стихи. А хороших еще не умел написать.

Ему казалось, что другие авторы из литературного объединения «Старт» – выступали ярче. Может быть, по тому, что они были местными, алтайскими, а он – приезжий. Они набычились, когда вместе праздновали в ресторане коллективную подборку, что он еще начинающий автор, а прославился песней на обложке «Алтая». Единственное было утешение – ему понравилось его фото с прической – правильно он обрезал пышный стилижий чуб. Хоть на человека похож.

Он тосковал по дочке. «Вот об этом пиши, – сказал ему местный поэт, – о своей семейной трагедии. Попробуй возвыситься над ней, чтобы стихи тронули и других, чтобы твое горе воспринимал каждый, как свое» (Позже в Интернете он нашел «былинку» пожилого человека с той же бедой, о которой он написал. И тот автор привел полностью его стихотворение об отнятой у отца дочери. Даже озаглавил «былинку» строкой из этого стихотворения). Но сейчас он еще не мог писать об этом, увлекшись восточными поэтами-мудрецами. Он ходил по январскому городу в шапке с опущенными ушами (что не могут русские люди придумать слово, чтобы называть по-своему эти клапаны или уши?), в полушубке из овчины и в кирзовых сапогах... Так он привык ходить на Алтае. Но в южном городе это выглядело странно.

Люська первой узнала, что он вернулся, раньше, чем жена, с которой он медлил разводиться, надеясь еще на примирение. Ему и самому почему-то хотелось увидеть Люську. Разбирало любопытство, забыла она свою любовь или нет. Всю зиму она не решалась показаться ему на глаза, хотя он чувствовал, что его «живая тень» где-то поблизости. Он побывал в доме у своей жены. Малышка дочь стеснялась чужого дядю, выскочив из комнаты на кухню, где отец сидел с тещей. Ему казалось, что в этот миг он сидел на электрическом стуле, так все горело и билось во всем теле. Было сказано несколько общих слов. Жена демонстративно ушла в соседнюю комнату, дав понять, что примирение не состоялось. Теща разговаривала с внучкой Танечкой, но все ее слова предназначались отцу, и смысл их был укоризненный. Он шел, твердо зная, что из семьи ничего не получится. Разве он мог предполагать тогда, что всю жизнь будет об этом сожалеть? И не потому, что ему потом было хуже. Просто со временем он нашел выход, но поздно – у него была уже новая семья.

После этого рокового свидания с женой его потянуло к кому-нибудь. Но ему только казалось, что все равно, к кому. Он слишком разборчив и недоверчив, чтобы быстро сближаться с девушкой. И он сам нашел Люську.

В институте, который он окончил, шел вечер поэзии. Парни пришли на этот вечер со своими стихами. Это он и его друг Маев. Вечер был с платным буфетом. Они сидели за столиком, пили вино, читали французские стихи и чувствовали себя на десять голов выше присутствующих, которые читали свои самодельные стихи и модных тогда поэтов, типа Евтушенко. Захмелев, он вызвался прочитать, как и другие выступающие, свои стихи, вернее свои переводы с чешского языка. Из скромности, он, конечно, умолчал, чьи это переводы. Он читал, в зале было шумно, никого его чтение не трогало. Он сел, нервный и разобитый. Маев подтрунивал над ним: «Бисер метал свиньям?» Господи, какие гордые?! Как индюки. Вдруг он получил переданную на его стол записку на салфеточной бумаге: «Чьи переводы вы читали, свои?» Это была Люська. Он старался ее не замечать. Но сейчас понял, что только и думал, как заговорить с ней. Начались танцы. Он пригласил ее. Она стала стройнее, мягче, женственной. Несколько слов разбудили прежние отношения.

Борис ликовал, получив, наконец, письмо из Венгрии от Ирен. Она писала:

«Дорогой Борис!

Спасибо за твое письмо. Поздравляю тебя с достигнутыми успехами в области литературы. С радостью читала, что ты получил паспорт. Теперь я отвечаю по-русски, молодая коллега моя переводит мне письмо. С ее помощью я понимаю твои письма. Строчки твои, которые относятся к Вале, мы не поняли, – читал он и был расстроен, что Ирен забыла молодую учительницу немецкого языка Валу, которая была с ним в одной группе от России в международном студенческом лагере в Словакии. – К сожалению, я знаю меньше по-русски, чем ты по-венгерски. Прошу тебя написать, когда ты приедешь. Мы хотели бы встретиться тебя на вокзале или аэропорте. Коллега моя поможет тебе немножко познакомиться с Будапештом. В прошлом году она сдала экзамены по проводу туристов (на гида). Наверное, она рассказывает много интересного о нашем городе. Отвечай быстро. С любовью ждем тебя, Ирен».

Прочитав письмо, Борис почувствовал такую тоску по Ирен, которую, наверное, единственную, полюбил. И больше такого не будет. И не было. И быть не могло. А как жаль!

Тогда он еще не знал, что во время перестройки попросит ее помочь уехать к ней в Венгрию. И даже приедет оттуда ее муж, человек, ставший очень известным в своей стране, как в нашей стране, например, Чубайс. И скажет, что может ему помочь. И с тоской Борис откажется, потому что в это время его мама лежала в больнице с переломом шейки бедра, и он еле-еле спас ее от преждевременной смерти.

Сейчас он работал инженером в Гидрорыбпроекте. И все было хорошо. Но, когда решили его наградить званием «Ударник коммунистического труда», Люська пришла в институт и рассказала, что Карин из себя представляет. Вместо награждения бюро комсомола института рассмотрело на расширенном заседании его персональное дело.

Кто был на этом заседании? Секретарь партийной организации института Зубков, по его инициативе началось разбирательство, потому что Люся пришла жаловаться именно к нему – и парень, как говорили в институте, «попал ему на зуб». От группы народного контроля был Сева Решетов – бывший его сокурсник. Из членов бюро ВЛКСМ, помимо самого героя, были Сергей Мельников, Лада Мордвинова, Аля Пугачева. В повестке дня один вопрос: «Персональное дело Бориса Карина».

Первое слово дали, конечно, Людмиле Васиной. Она просила принять меры к Борису, который «неверно с ней поступил». Она рассказал об их близких отношениях в течение пяти лет. Получалось, что в этот срок входили и его женитьба, и развод с Кирой, и работа на Алтае. Правда сама созналась, что после аборта ее чувства к Борису охладели, и встречи с ним прекратились. Но после того, как он развелся с женой, встречи снова возобновились.

Новый год она встречала с Борисом в компании с его друзьями. В результате чего забеременела, но он отказывается нести ответственность за это. Она просила общественность института повлиять на Карина с тем, чтобы он на ней женился, и чтобы будущий ребенок носил имя отца, то есть его фамилию.

Потом дали слово Борису. Его всего трясло. Спасало только то, что он решил стоять на своем на смерть. Тогда все были за-

пуганы этой «общественностью», бюро комсомола, партбюро, отделом кадров – все определяли поведение человека, даже в интимных делах. Лицо Бориса горело, от стыда и злости одновременно. Почему он не хотел жениться на Люсе? Ведь человек его любил. И по-своему, был в чем-то прав. И также зависела его судьба от «общественности». Только надеялись все на властную силу, а Борис насиле ненавидел.

– Да, я знаком с Васиной пять лет, – пришлось ему признать. – Я имел намерение на ней жениться. Но через год нашего знакомства она заявила мне, что познакомилась с другим парнем, и ничего общего у нее со мной не будет.

И это тоже было правдой, которую Люся не могла бы отрицать.

– После чего я женился на другой девушке. Но семья не сложилась, и в конце прошлого года я был вынужден оформить развод с ней, – сказал он третью правду, хотя она его не обеляла, а скорее наоборот вызывала осуждение.

Теперь предстояло сказать о том, о чем не хотелось даже думать. Но грех всегда наказуем, хотя Борис не хотел сдаваться. И начал искать оправдания своему решению.

– После измены Васина старалась перевстретить меня на улице, каялась, что не любила, а увлеклась другим, уверяла, что продолжает меня любить, просила вступить со мной в брак, – объяснял он собравшимся, большая часть которых относилась к нему по-дружески. – Каждый раз я старался убедить Васину, что между нами все кончено, я не хочу ее обнадеживать и никогда на ней не женюсь. Она может найти другого парня и выйти за него замуж. На это Васина отвечала, что ей достаточно того, что она иногда видит меня. Я нужен ей как мужчина, и большего она от меня не требует.

Он сделал передых и потом пошел в атаку.

– Что касается встречи Нового года, то я справлял его не в компании с Васиной. Хотя она стремилась праздновать Новый год со мной и даже дала игрушки для украшений елки. Но я не захотел брать ее в компанию своих близких друзей! – И теряя самообладание от своей лжи, добавил: – Я возмущен сегодняшним поступком Людмилы Васиной.

Дальше он воспринимал только важные для него фразы обсуждающих его персональное дело.

Васина:

– Все, что сказал Карин, до случая с Новым годом, – правда. А Новый год я встречала с ним у Саши Маева. И в эту ночь я забеременела.

Зубков:

– Но суть ни сколько в том, где и с кем вы встречали Новый год, а столько в том, обещал ли Карин жениться на вас, так?

Васина:

– Нет, он мне ничего не обещал.

Зубков:

– Тогда выходит, вы знали, на что идете. Здесь должна подсказывать девичья гордость. Что же вы хотите от Карина?

Васина:

– Я беременна от него, и пусть он за это ответит. Я хочу, чтобы он зарегистрировал со мной брак, дал имя своему ребенку. Мы оба должны нести ответственность за случившееся.

Последнее ее предложение нанесло сокрушительный удар по репутации Бориса, которого Зубков пытался хоть как-то спасти.

И тогда разъяренный бык ринулся в бой.

– Это просто шантаж, – сказал он тихо. – И уже не первый случай. Перед моей женитьбой Васина обратилась в комитет комсомола и в профком рыбвтуза, где я тогда учился, с заявлением, что у нее от меня ребенок двух лет. Из-за этого отменили комсомольскую свадьбу, которую собирались устроить мне и моей будущей жене, тоже студентке нашего института. Но на этом Васина не остановилась. Такое же заявление она сделала, придя домой к моей девушке перед нашей свадьбой. И это стало одной из причин наших семейных разладов. На самом деле ребенка у Васиной от меня не было, и все было шантажом с ее стороны.

Мельников даже подпрыгнул:

– Правду говорит Карин?

Васина:

– Да. Я тогда шантажировала Бориса. Я была уверена, что у него жизнь с той женщиной все равно не сложится. Но сейчас я, правда, жду ребенка. От Карина. У меня есть справка о беременности. А делать аборт я не могу по состоянию здоровья.

Мельников:

– А справка дана на прерывание беременности? Какой же врач мог взять на себя ответственность дать вам справку на аборт, если ваше состояние здоровья не позволяет этого делать?

Оказалось, что Люся везде балансирует на полуправде. И поэтому ее заявление уязвимо. Даже моя недоброжелательница Пугачева от возмущения вскочила с места и закричала:

– Никто не даст! Вас должны были обследовать, прежде чем дать такую справку.

Васина:

– Ну, значит, я подвожу людей. Врач Васина дала мне такую справку, не обследовав меня. Но если бы здоровье позволяло, я все равно не стала бы делать аборт.

Решетов:

– Тогда для чего брать справку на аборт, если его вам делать нельзя, тем более не хотите его делать?

Васина:

– Чтобы убедить Бориса, что я беременна.

Мордвинова:

– Этим же не убедишь, что к беременности причастен именно Карин. Вот вы чем можете доказать, что виноват в этом именно Борис?

Васина:

– Он сам все знает.

Но Борис, оказывается, не все знал. А после этого разбирательства он еще стал сомневаться в своей виновности. После Нового года прошло несколько месяцев... Мысли мои остановил Зубков:

– Но Карин отказывается. Говорит, что вы его шантажируете, как уже было однажды. И вы это сами подтвердили. Все ваше письмо тоже не за вас. Со справкой вы пытаетесь нас запутать. Создается впечатление, Людмила Алексеевна, что вы все подстроили нарочно. Видимо позором хотели запугать Бориса Константиновича? Почему мы должны верить вам, а не ему? Тем более вы сами признаетесь, что никаких обещаний, заверений он вам не давал.

Васина:

– Но я на самом деле беременна. И он тоже виноват.

Мельников:

– О какой вине может идти речь, тем более о наказании, если вы не представили ни одного доказательства вины Кари-

на. И потом, вы вполне взрослый человек, который знает, на что идет. Сами подтверждаете, что все у вас с Кариным было по обоюдному согласию, он вам не обещал жениться на вас, и вы даже этого, в конце концов, не требовали. Значит, во всем виноваты вы сами.

Кроме того, надо проверить подлинность справки и ваше утверждение, что на Новый год вы были в компании с Кариным. Пусть члены бюро Полумордвинова и Пугачева проверят это, и тогда мы продолжим наше заседание.

Люся была довольна. У Бориса и у Люси был день, чтобы собраться с силами и с мыслями, принять какие-то меры для своей победы.

На следующий день бюро ВЛКСМ продолжило заседание по персональному делу Бориса Карина. Помимо вчерашних участников на заседании присутствовали товарищ обсуждаемого Александр Маев и сотрудницы Людмила по библиотеке Потапова и Смирнова.

Первой выступала Мордвинова. Она сообщила, что в женской консультации Ленинского района подтвердили подлинность справки о направлении на аборт с беременностью в пять-шесть недель Людмилы Васиной, за подписью врача, однофамилицы Васиной. Но врача Васину увидеть не удалось – она отсутствовала, и поговорить с ней не пришлось. Кроме справки Людмила показала рекомендательное письмо, за подписью той же Васиной. В нем говорилось, чтобы врач абортного отделения сделала аборт Людмиле Васиной примерно 19 февраля, чтобы уже 20 февраля она вышла на работу.

Мордвинова рассказала также, что беседовала с товарищем Бориса Карина – Александром Маевым. Он утверждает, что Карин встречал Новый год вместе с ним, его женой и с четвертым человеком, имя которого Маев назвать отказался. А Васиной на встрече Нового года с ними не было.

У Бориса опять начался нервный озноб. А Людмила не выдержала и крикнула:

– Это – наглая ложь!

Пугачева:

– Расскажите, как вы встречали Новый год.

Васина:

– Пусть сначала расскажут Карин и Маев.

Маев:

– Описывать, какое мы пили вино и каким пирогом закусывали, я не буду, равно, как и не буду вообще вдаваться в подробности этого празднования, потому что считаю это совсем несущественным. Основное в том, что Васиной в нашей новогодней компании не было. Считаю, что подробности встречи Нового года не должны никого здесь интересовать. Тем более что в этих мелочах нет ничего существенного.

Зубков:

– Иногда мелочи тоже имеют очень существенное значение.

Маев:

– Мне известно, что Васина раньше шантажировала Карина. Известно, что Карин никогда ничего ей не обещал. Считаю, что бюро ВЛКСМ должно именно с этой точки зрения рассматривать взаимоотношения Карина и Васиной, а не «копаться в грязном белье».

Пантелеева:

– Васина много рассказывала о Карине, и было видно, что она к нему больше, чем не равнодушна. И мне кажется, вина Карина в том, что он непринципиально ставил вопрос о прекращении встреч с Васиной.

– Как можно поступать принципиальнее? – не выдержал Борис. – Я говорил с ней по-хорошему. Требовал, даже пытался оттолкнуть ее от себя грубостью. (Вот с этой правдой он поплыл. Это ему никто не простит.) Но она продолжала преследовать меня по пятам на протяжении четырех лет, с очень короткими перерывами. Всегда чем-то напоминала о себе. Старалась пере-встретить, стояла под окнами. Даже запиралась в уборную у нас во дворе.

Потапова:

– На вечере поэзии в рыбвтузе я видела, как Карин первый пригласил Васину на танец. Из чего понятно, что он, видимо, пользовался ее любовью.

Карин:

– Два месяца Васина не преследовала меня. Но я не мог поверить, что, наконец-то, она оставила меня в покое. И подошел убедиться в этом.

Потапова:

– Сейчас вы чувствуете, что допустили ошибку, напомнив о себе?

– Может быть, я допустил ошибку, – нерешительно сказал Борис. – Но опять же, я ни в коей мере не подавал повода думать, что у нас может быть что-то общее.

Потапова:

– Да, я считаю, что вы допустили серьезную ошибку. Тем более знали, что Васина вас любит.

– А я никогда не был уверен в том, что Васина меня любит, потому не считаю себя виноватым, – так Борис решил отрубить эту опасную для себя версию. – А как бы вы поступили на месте Васиной при таком отношении любимого человека в данном случае?

Потапова:

– Если бы все произошло по обоюдному согласию и не давалось бы никаких обещаний, я бы сделала аборт и не стала бы сра-миться. И если все было действительно так, то я встаю на вашу сторону.

– Вчера Васина подтвердила, – сказал Борис, – что никаких обещаний я ей не давал. И убеждал ее, что никакой женитьбы у нас с ней не будет, и никакой семьи не получится. Она это и вам подтвердит.

Васина:

– Я не говорила, что он мне ничего не обещал. Он добивался встреч со мной.

Пугачева:

– Почему же ты отказываешься от своих слов? Вчера мы все слышали: ты подтвердила выступление Карина, и сказал сама, что он не обещал тебе жениться и вообще ничего не обещал.

Мельников:

– Вчера на вопрос секретаря парторганизации вы ясно сказа-ли, что Карин не обещал жениться на вас. Почему же вы сей час отказываетесь от того, что при всех говорили вчера?

Васина:

– Конечно, вчера вы меня приперли, как говорится, к стенке. Сразу стали недоброжелательно ко мне относиться, даже осме-яли.

Мордвинова:

–Никто вас не осмеивал, не говорите неправду.

Решетов:

– Мы выясняли суть вопроса, и никто вас не вынуждал говорить неправду.

Мельников:

– Вы вчера не один раз повторяли, что обещаний со стороны Карина вам не давалось. И никто от вас не требовал признаваться в этом. И никто вас не осмеивал и не оскорблял. Я могу повторить, что сказал вчера, что женщина должна по-умному подходить к вопросу равноправия между женщиной и мужчиной. И если вам ничего не обещали, чего же вы тогда требуете?

Васина:

– Но я беременна от Карина. Хотя я уверена, что о семье с Каринным не может быть речи, он должен зарегистрировать брак. А там пусть разводится. И аборт я делать не буду. Вот на ваших глазах рву эту справку на аборт. Если вы сейчас мне не верите, родится ребенок, и я докажу, кто его отец.

Мельников:

– Тогда или раньше, это ваше дело. Но сейчас мы не можем вам верить на слово. Как мы можем вам верить, если вы не только шантажировали его раньше, но и сейчас у вас нет никаких доказательств, что ваше теперешнее заявление не шантаж. Поэтому я предлагаю прекратить это дело.

Так совещание постановило: «Карин не обещал Васинной жениться на ней, их встречи проходили по обоюдному согласию, что подтвердили обе стороны; Васина не представила никаких доказательств, что она беременна именно от Карина; персональное дело комсомольца Бориса Карина прекратить.

Так у Бориса не осталось ни семьи, ни любви. Ветровей!

Через много лет Борис задумался, почему он так отбивался от Люси? Отбивался от судьбы? Ведь эта женщина любила его. Как никто позже. Или предрешенная с рождения судьба отбивалась отчего-то чужого? Об этом он задумался, гуляя в городском парке «Аркадия». Греческое слово «Аркадия» означает – счастливая страна. И Борис написал стихотворение

В ПАРКЕ «АРКАДИЯ»

Что здесь носит меня,
по озябшему желтому парку?
Что ищу я, с потеряннм видом,
в пролетах аллеи?
Может, эту скамью,
на которой я с юною Паркой
Целовался ночами,
смирив в груди суховей?

Колесо обозренья –
восторг вознесенья и транса?
Или эти качели,
какими свой мир раскачал?
Танцплощадку, где ждал в одиночестве
дамского танца?
А быть может,
касаясь надежды на чутких плечах?

Этот парк опустел –
и ограду снесли, и ворота.
Штурмом брали мы их,
если ветер в карманах гулял.
Деревянный театр был воздушный,
с резной позолотой.
Он мне сызмальства пел.
А теперь здесь бетон и металл.

На столпах тополей
пламя осени листья корежит.
Режет ветер глаза.
Карусель облаков – надо мной.
Ворон каркнул в лицо.
Так – что даже мурашки по коже.
Что я здесь потерял?
Парк «Аркадия» – край молодой!

ПАРНИК

Фантастическая повесть

Люди молятся Ему – вызывают Его и подают Ему сигналы жестами руки – обозначающими крест. Люди троеперстием или двуперстием тычут в лоб (бог, интеллект), в низ живота (плоть, детородный орган), в правое плечо (дух, легкие) и в левое плечо (душа, сердце). И тогда люди не брошены Им.

Это – обращение к Богу.

Пионервожатому – дети обещали, поднимая вертикальную ладонь ко лбу: «Всегда готов!» И шли в тимуровцы или волонтеры.

Коминтерну – люди клялись, выбрасывая кулак к небу: «Рот-фронт!». И шли строить новую жизнь.

Гитлера – люди славили, выбрасывая ладонь к небу: «Хайль!» И шли убивать покоренный мир.

Кто-то тебя ведет. Всегда. Ты знаешь, молишься и подаешь Ему знаки своими жестами.

Все это – разговор жестами с высшей силой.

Парник на даче Ивана Алексеевича кто-то ночью навещал. И помял метровые плети огуречной ботвы. Возмущенный хозяин хотел эти плети вырвать и выбросить. Но Романов резко вскрикнул: «Не трогайте!» – И бросился поправлять стебли. Перебирая помятые листья, он обнаружил один росток-выродок. «Не его ли они искали?» – подумал Романов, но промолчал.

– Не огурцы, а наказание! – взмахнув мохнатыми бровями, хмыкнул Иван Алексеевич, подпирая длинным брусом просевший стеклянный потолок своего старого дачного парника. И что-то разговорился: – И кому нужны такие огурцы? Какие-то скукоженные, кривые, косые. Да, и роса уже выпала – огурцов больше не будет.

Иван Алексеевич с болезнью дочери превратился прямо в какого-то робота хозяев. Они через него передавали информацию больной Юле. Он летит на самолете в командировку, и как автомат, передает информацию, начиная словами: «Она говорит...». Возвращается обратно – передает полученную информацию, начиная со слов «Они говорят...». Но ничего другого не помнит.

Его жена и дочь Юля уже беспокоятся и спрашивают: «Куда ты пропал? Где был?». А он пожимает плечами, будто бы у соседа был. На вопрос отвечает вопросом: «А зачем?» Но не слушает ответа, ему не нужно.

У него остались только редкие изречения, которые он повторяет, как автомат:

– Я обязательно должен круг налетать, чтобы не потерять квалификацию. Утром позавтракать, вечером – пообедать. Здоровье нужно богатырское. Это система. Экипаж – двенадцать человек, и лететь двенадцать часов. И никому никакого дела...

Романов знал, что это означает. Высокий сокол был летчиком министра. Когда готовый к вылету их персональный самолет на космодроме взорвался, и все двенадцать человек экипажа взлетели в небо, как апостолы, Иван Алексеевич был в отпуске.

Иван Алексеевич, перебирая пожелтевшие листья густой ботвы, вдруг ухватился за спрятанный в ботве огромный коричневый огурец и хотел его оторвать от ботвы.

– Не надо! – опять вскрикнул Стас, вцепившись в руку тестя.

– А зачем? – отдернул сжатую руку Иван Алексеевич.

Потом, пригнувшись, толкнул стеклянную дверку и вышел из парника к дому, в глубоких красных резиновых калошах, надетых на босу ногу.

Стас выскочил за ним, побежал по узкой садовой дорожке, хлопнул проволочной калиткой и поспешил по дачной улице нервным шагом.

Вдруг кто-то бросился к нему под ноги. Стас вздрогнул. Подросток-котенок, цвета печной золы, стал играть его мельтешащими ногами, хватая за штанины выцветших джинсов.

– Ах ты, игрун, – наклонился к нему Стас с улыбкой и стал щекотать котенка за ухом и под мордой. – Нравится тебе, нравится. – Он знал, что это лучшее удовольствие для кошек. А про себя подумал: «Не хозяин со мной играет? Они не трогают, пока не скажешь. Потому что их информация – волновая (не на уровне мысленных волн). Поэтому и молитву нужно произносить не про себя, а вслух, хоть и шепотом».

Хищник закусил легонько пальцы Стаса и засучил ножками, катаясь на спине по подорожнику. Взгляд Стаса встретился с осмысленным кошачьим взглядом – и улыбка быстро высохла на его лице.

«Что такое? – подумал он. – Кто со мной играет. Не Они ли?»

Стас оглянулся. По грунтовой дороге катили два пацана на велосипедах. Проехали молча мимо. Котенок куда-то исчез так же незаметно, как и появился. Наверное, гудящих колес испугался.

Стас забыл, куда бежал, и повернул домой. Около калитки услышал, как один пацан кричал отставшему другу:

– Кошка...

– Да нет, котенок, – ответил другой велосипедист.

Стас прошел через захлавленную дачным урожаем веранду в дом, глянул мельком в дверь правой комнаты, где лежала жена. Она заснула. И поднялся по темной скрипучей лестнице на второй этаж. Закрыл за собой на шпингалет дверь чердачной комнаты и плюхнулся в раздумье на протертый стул.

«Почему он кричал: «Кошка?»» – стоял в голове несуразный вопрос.

Потолок второго этажа их дома был низкий и покатый. Глянув на него, Стас подскочил на стуле от неожиданного шума. Это

на крышу налетела стая дроздов и с грохотом и скрежетом скатилась на шифер веранды. Потом с не меньшим гвалтом и шумом полетела с крыши, мелькнув в затюленном окне второго этажа, и уселась на отяжелевшие ветви растопыренных за лето яблонь. Рядом росла высокая ирга, но дрозды всю иргу сожрали еще в начале лета. Бандиты. Это про них: «Шапки прочь! В лесу поют дрозды...»?

«Что они, кошку потеряли, что ли?» – подумал Стас.

Стас спустился к столу. Жена проснулась и накрыла стол скатертью, когда-то розовой, дорогой. Для уюта на даче. Рядом со столом стояла трехъярусная антенна. И Стас все время чувствовал, что она к нему как будто подключена. Вот и сейчас, чуть он сел за стол, она щелкнула, и изображение на телеэкране сбилось. Пришлось подправлять экран, чуть сдвинув антенну от стола.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

В одной командировке в Чехию его будущая жена Юля неожиданно разговорилась с прилетевшим в Прагу на три дня, тоже в командировку, коллегой, которого она давно любила. Любовь так и не реанимировалась. Но коллега открыл ей тайну разумной жизни на Земле.

Этого броского сотрудника Института Вселенной Юля со своей подругой Наташей раньше называли между собой Страшилой. Кунашев – высокий, подтянутый, красивый, в очках с тонкой металлической оправой, лет пятидесяти. Должность – раньше работал в научном отделе, когда Юля с ним ездила в командировку. А потом он стал начальником иностранного отдела. Связи с правительством, поездки за границу...

Он всегда врывался в любое общество бурей и завораживал, затмевал всех только уж одним своим присутствием. Борис Кунашев смотрел на мир улыбочиво, как здоровенный ребенок. Солидность ему придавали только очки в лучистой металлической оправе. А может, это он сам светился. Правда, у него был один важный недостаток, о котором Юля узнала при более тесном знакомстве со Страшилой. Он не слышал на одно ухо, но не признавался. И это делало его поведение иногда странным. Он склонялся близко к собеседнику здоровым ухом, но мог не ответить, когда к нему обращались с вопросом с оглохшей стороны. Мог переспросить то, о чем уже говорили. А сваливал все это на свою задумчивость. Ему верили, или прощали, считая, что это – заскоки блаженного гения. Юля ловила малейший повод пройтись рядом с Борисом Кунашевым по коридору института, или после работы – до метро. И всегда он старался быть справа от нее. А ей было неудобно держаться около него с этой стороны, потому что она носила в этой руке сумку и привычки не меняла. Как-то раз Юля решила настоять на своем и перешла к его правому плечу, заметив с хитрой улыбкой:

– Вы же не военный, вам честь отдавать не нужно?

Борис смутился и неожиданно стал объяснять Юле свою странность. Мать у него работала врачом в военные годы. Оставляла его, годовалого, одного дома, на полу, в переверну-

том табурете. Мокрый, сидел он весь день и постоянно поэтому простывал. И у него выболела правая барабанная перепонка. А теперь, в случае простуды, его мучают отиты. И он боится, что оглохнет совсем.

Борис, чувствуя расположение к себе Юлии, оказывал ей иногда знаки внимания. Доставал ей абонементы на старые фильмы в «Иллюзион», приглашал в театр, когда жена была в санатории в отпуске. Даже иногда бывал у нее в гостях – на своей машине подвозил одинокой женщине то торшер, то галошницу, но долго не задерживался. Он любил жену, и не хотел ставить ее и себя в затруднительное положение. Когда Юля узнала, что Страшила женился, поняла, что он пропал для нее. У него родился сын-карапуз. Однажды Борис похвалился сыном, показав Юле фотографии мальчишки с горшком на голове вместо каски. Но и после его свадьбы она вся воспламенялась при встрече с Борисом. Одно имя «Страшила» приводило ее в трепет. Незаделенная любовь ведь еще сильнее и слаще той, разделенной, тающей впереди разочарование и затухание.

Последнее время в Институте Вселенной Юля работала с Борисом над проектом «Деймос». Проект назывался «Путешествие в прошлое, настоящее и будущее». А когда идея проекта еще вызрела в верхах, Борис рассказывал о ней Юле с научной точки зрения. В тот раз он вызвался довести ее с купленным у подруги по работе пухом в виде диснеевского слоненка. «Все-таки русские герои мультиков лучше зарубежных», – сказал, глядя на слоненка, Борис, – потому что у нас кукла – живой образ с настоящими чувствами». Юля промолчала.

– Специально перечитал «Путешествие Лемюэля Гулливера», – признался Борис, как только машина отъехала от километрового здания института. – Самая гениальная книга на свете, скажу я вам. Написана в 1726 году. Так вот лапутяне не только открыли две маленькие звезды – два спутника Марса – Фобос («страх») и Деймос («ужас»). Джонатан Свифт пишет, что ближайший спутник удален от центра Марса на расстояние в три диаметра планеты, а второй – в пять диаметров.

– «Деймос» проверит, – подхватила разговор Юля. – А что сказал Холл через полтора столетия, когда открыл эти спутники? На каком они расстоянии от Марса?

– Кажется, Свифт только в этом ошибся – «Фобос» и «Деймос» находятся на расстоянии 1,4 и 3,5 диаметра Марса от центра планеты, а их периоды вращения – 7,6 и 30,3 часа. Это – о «прошлом» в проекте.

– А знаешь, наверное, историю из Станислава Лемма в «Звёздных дневниках Ийона Тихого»? – сказала Юля. – В «Путешествии двадцатом», путешественник во времени из XXVII века случайно выбалтывает Джонатану Свифту элементы орбит «Фобоса» и «Деймоса». Именно так, утверждает главный герой, писатель и узнал о существовании этих спутников.

– Это – с точки зрения литературных пророчеств, – кивнул Борис. – Мне кажется, писатели сделали больше научных открытий, чем ученые, – улыбнулся Борис в смотровое зеркало. – У них богатое воображение. Знаете, Юлия, всё же люди поговаривают, что «Деймос» – не творение природы...

– Да! – почему-то обрадовалась Юля. Наверное, в предвкушение тайны.

– Как не все ученые отрицают жизнь на Марсе, – продолжал Борис.

– Я давно хочу у вас спросить, Борис, – вдруг наклонилась Юля близко к его уху. – Почему вы называете меня Юлия, а не просто Юля?

– Так дольше звучит ваше имя, – покраснел Борис, сделав резкий поворот в подворотню Чертановского микрорайона.

Юля примолкла, она перебила его, когда он хотел сказать что-то важное.

И как бы ободряя ее, Борис на мгновение обернулся к ней на заднее сидение и сказал:

– Ничего, в январе будущего года, бог даст, будем смотреть телепередачи с Марса через нашу систему «Деймос».

– По Первой программе? – легко рассмеялась своей шутке Юля.

– И вот как будет комментировать первую марсианскую телепередачу наш вселенский шеф Чингисхан (с некоторым татарским акцентом), – завелся Борис, не давая смолкнуть колокольчику Юлиного смеха: «Человек – гражданин Вселенной – давно стремится понять великое чудо природы, когда из «исходной точки» взрывом выплеснулась лава, разлетевшаяся на планеты, солнца, звезды, галактики...»

– Как из пульверизатора французская туалетная вода «Опиум», – опять перебила «диктора» развеселившаяся Юля.

– А вот и ваш дом, Юлия – притормозил Борис машину, и, как всегда, вышел открыть дверцу «Волги» «прекрасной даме».

Кунашев работал раньше в научном отделе № 1, когда вместе с Юлей, к ее великому счастью, был направлен в командировку в Дашкентский филиал института, на испытательный полигон.

Юля надеялась, что эта трехмесячная командировка изменит ее судьбу. Столько времени с Борисом вместе она еще ни разу не была. Полигон – закрытый город, обнесенный колючим забором, был, конечно, не раем. Особенно для молодой женщины. Быта фактически никакого. Условия военно-полевые. Гостиница на семи ветрах. Без горячей воды и ванны. Туалет в «скворечнике» на дворе. Питание в основном «сухим пайком».

Из Москвы Юля приехала со своими продуктами – колбасой и консервами, к которым дома не притрагивалась. Мужчины еще могут вытерпеть такой сервис, а женщины... Но Юля вытерпела. Даже в катастрофической ситуации.

Однажды они долго ездили с Борисом на газике по делам фирмы по саманному Дашкенту. Тело обливалось потом в душевной машине при палящем зное. Дезодорант не помогал избавиться от неприятного запаха промокшей одежды. Но самое страшное – Юля давно хотела в «скворечник», а до полигона еще оставалось несколько километров. У Юли даже потемнело в глазах от напряжения в паху. И она, несмотря на свою стеснительность и воспитание, сгорая от стыда, попросилась из машины.

– Куда, Юлия, здесь же все открыто? – понял Борис, жалеючи, глядя на ее распаренное лицо. – А за каждым бугорком еще и часовой с автоматом.

Но лучше бы он этого не говорил – так обожгла ее лицо стыдом его забота. Шофер, молча усмехнувшись, только покачал головой. Но у Юли так заломило низ живота, что она взмолилась:

– Остановите!

И газик, взвизгнув, остановился.

Юля вышла из машины. Впереди за бугорком виднелись редкие ветки саксаула. Юля медленно, выдерживая форс, подошла к бугорку. И тут, как из-под земли, выскочил молодой белобрысый солдатик с непомерно большим для него, как показалось Юле, автоматом.

– Стой! – пробасил тщедушный солдат. – Сюда проход закрыт.

Юля вынула из кармана платья «сафари» свой пропуск и, развернув его на вытянутой руке, показала часовому.

– Извините, – сказала она, морщась, – отойдите в сторону и отвернитесь, пожалуйста.

– Чой-то? – смутился часовой, рассматривая пропуск. – У меня здесь пост...

Он не договорил, увидев, как Юля задрала подол, быстро отвернулся и отошел на несколько шагов в сторону.

К машине Юля возвращалась с облегчением. Пусть – все видно. Настоящие мужчины должны были отвернуться. Они и оказались настоящими. Машина помчалась к полигону. Все сделали вид, что ничего не произошло. И позже никто об этом случае даже не заикался.

Глава вторая

Сделанный Юлей прибор должен был испытываться в экстремальных условиях. Все ждали, когда его примет главный конструктор. Юля ни разу не видела этого главного конструктора и не знала его в лицо. В силу важности эксперимента представлять прибор вместе с разработчиком должен был и начальник отдела Кунашев. Наконец, Борис объявил, что главный конструктор сегодня заберет прибор с собой на самолет.

К взлетному полю Юля пришла с Кунашевым. Прибор достался нелегко. От усталости Юля даже не робела. Праздник для нее выглядел буднично. У самолета прямо на траве сидел бритоголовый мужчина с кирпичным от загара лицом и мохнатыми выгоревшими бровями, которые почти сходились над крупным носом. Мужчина был в мятой рубашке, в пузырящихся на коленках китайских брюках и в сандалиях на босу ногу.

«Да здесь носки и то негде постирать, – подумала Юля, вглядываясь в мужчину, который писал что-то в маленьком блокноте авторучкой-паркером. – На брюки денег нет, а на паркер нашел».

Борис Кунашев подошел к нему, учтиво поздоровался, дождался, когда он поднимется с травы и представил Юлю:

– Автор прибора...

– Очень приятно, – пожал бритоголовый Юлину руку. – Слышал-слышал о вашем приборе. Но лучше один раз увидеть. А развернется он там? – показал он глазами на небо.

– Надеюсь, – улыбалась Юля, поняв, что говорит с главным конструктором.

– Надеюсь или уверена?

– Уверена! – дуэтом заверили конструктора Юля и Борис.

– Ну, тогда летим вместе, – показал он широкой ладонью на самолет, пропустив Юлю первой к трапу.

Удачный эксперимент тогда испортил Юле судьбу. Кунашев на полигоне уже не был нужен и уехал в Москву очень быстро. А через несколько месяцев другая женщина вошла в его сердце и в его трехкомнатную квартиру.

Глава третья

Прошло какое-то время, и в Чехии на полигоне Тесла Юля снова попала в компанию со Страшилой. «И сердце сладостно забилось», как поется в одном романсе. Теперь Борис Кунашев был уже выше рангом – начальником иностранного отдела. От него зависели все заграничные поездки сотрудников Института Вселенной.

– А командировочку во Вселенную можете дать по знакомству, Борис Константинович? – встретив его, спросила Юля, улыбаясь ясными глазами.

– Смейтесь, смейтесь, – почему-то стушевался Борис. Может быть, потому, что она впервые назвала его для солидности по имени отчеству. – Возьму вот – и дам...

Самое смешное было в этой шутке то, что Борис предложил Юлю в отряд космонавтов-исследователей. И когда об этом объявило руководство института, Юля долго не могла придти в себя от неожиданности и страха. Только женские болезни и спасли ее от карьеры космонавта-исследователя.

Борис прилетел в Прагу, когда Юля уже была там несколько месяцев в командировке. Он знал, что она, как и многие другие, выезжающие в Чехию по делам совместных разработок с чехами, останавливались в гостинице «Мазанка». Эта крохотная гостиница Академии наук была до того мало известной, что

местные жители не всегда могли показать заплутавшимся русским, где она находится. Кунашеву из Москвы сначала нужно было попасть в пригород Праги – в Пардубице. На аэродроме его встречала машина. Но он упрямился Млада, знакомого по прежним командировкам шофера фирмы Тесла, дать ему возможность погулять по Праге, сделать кое-какие покупки. Для большей убедительности Борис показал Млада, добродушному высокому увальню, с мягким, как у женщины, подбородком, пухлыми губами розочкой, обведенными нездоровой тенью большими карими глазами, список вещей, который написала ему жена.

– Давайте встретимся у «Лабута», у «Лебеда», – сказал Борис, – часов в восемь вечера.

– Декуе, – кивнул Млада, – только там много народу, мы не найдем друг друга. И трудно припарковаться, – ответил Млада. – Лучше универмаг «Котва». Там и товаров больше купите. А «Бели лабут» – это как ваш ГУМ. «Встречаться у фонтана», – рассмеялся чех, и, по привычке, козырнув, хотя давно не носил военную форму, высадил Бориса у ратуши.

Как ни торопился Кунашев, все же решил подождать, когда Староместские куранты начнут бить двенадцать часов, благо, оставалось минут семь. Вот высокая готическая башня ратуши ожила, часы начали бить, и в окошке показались двигающиеся фигурки апостолов. «Интересно, – подумал Борис, – какой месяц соответствует каждому из двенадцати апостолов?». И вдруг ему почудилось, что фигурка Смерти показала на него костлявым пальцем, и в этот миг глаза ее вспыхнули. Может быть, от солнечного блика?

Он не позвонил в гостиницу «Мазанка». Хотел сделать сюрприз Юлии. А при встрече осторожно подвести разговор к тайне, которая не должна умереть вместе с ним. Жене ее объяснить бесполезно, она не поймет, да и не захочет понимать – не готова. Еще дорогим человеком, после жены, была для него Юлия. Она все поймет, она – умница. И не побоится даже пожертвовать собой. Кто-то же должен осознать до конца опасную тайну!.. А его силы уже на исходе, времени осталось мало. Почему он так думает?..

По дороге в гостиницу «Мазанка» Борис понял вдруг, что Юлия должна в это время быть на работе, на объекте. Обыч-

но приезжают с полигона поздно вечером. Но, как говорится: не было счастья, да несчастье помогло. Юлия в этот день, выходя из гостиницы, подвернула ногу, так сильно, что получила легкое растяжение ступни. Ее на день решили оставить в гостинице.

Кто этими случайностями занимается? Рок? Или Они контролируют ситуацию?

Когда Кунашев постучал в дверь и ворвался в номер, словно ветер из родного края, Юлия от неожиданности даже уронила книгу из рук.

– Борис?

– Что у вас? Нога? Растяжение? Пустяки, нужно размять, побольше ходить. Помогите мне сделать покупки, будьте милосердны. Я вам помогал покупать галошницу...

Поток слов летел мимо Юлии, а сердце стучало и искало ответа на один вопрос: «Что с ним?». Бледное его лицо как-то увяло. Очки блестели холодно. Волосы торчали смятым пухом. А такие волосы сразу выдают больного человека. Юлия знала: в такие дни ни один парикмахер не сможет сделать хорошую укладку на голове.

Даже нога перестала болеть. «Для милого дружка – и сережку из ушка...». В ванной комнате она надела черные брюки, белую вязаную кофту с кисточками на плечах, которую галантный гость сразу назвал «белочкой».

Легко прихрамывая, опираясь на его руку, Юлия спустилась с ним благополучно по лестнице к выходу на улицу. Они сели на трамвай и поехали к центру. Кажется, это был тот же самый трамвай, с открытыми окнами и костяными висячими ручками для стоящих пассажиров, в котором Романов недавно запел во все горло «Калинку». С этой «деревенщиной» – Романовым можно сойти с ума...

Да, на этом трамвае Юлия с Романовым возвращалась в гостиницу «Мазанка» после посещения карстовых пещер Мацохи (Мачехи). Они бывали в таких пещерах и на Кавказе. Но здесь потрясло еще то, что некоторые залы пещеры наполнены озерами, вода которых источает голубое свечение. Экскурсанты плыли по такому озеру на лодке. Видимо, и сама обстановка, и воздух, пересыщенный влагой, располагали к ощущению радости, душевного подъема. В общем, Романов запел. Он всю жизнь пел, в основном про себя, считая, что у него тенор. А у него – кенарь.

Юля такие теноры не любила – как будто человек поет не своим голосом. И как-то в шутку сказала Романову, расхвалившемуся, что он выступал на сцене солистом с шести лет и до второго курса института:

– Это не тенор, это болезнь.

Романов обиделся, но, вроде, не понял, на что намекала Юля. Придуряется, считает, что это помогает обходить острые углы.

На лодке, проплывающей по подземному озеру, он, глядя ласково на Юлю, вдруг запел во весь голос: «С той поры, как мы увиделись с тобой, В сердце радость и надежду я ношу...» Акустика там прекрасная – Карузо, да и только. И несколько человек (тоже русские) в лодке подхватили «Милый друг, наконец-то мы вместе. Ты плыви, наша лодка, плыви...». Юля готова была нырнуть с лодки и уплыть подальше от этого «милого друга». Что скажешь – простые нравы. Но не уплыла, а продолжала с улыбкой смотреть на напрягшийся кадык распевшегося кенаря-тенора.

Но арии певца в подземелье Романову было мало. От распивших его чувств он запел и в трамвае. Угораздило же одного чеха, знающего русский, подпеть стоящему рядом Романову: «Калинка, калинка, калинка моя...». И Романов как зазвенит на весь трамвай; «А-а-а-а! Под сосною, под зеленою, спать положите вы меня...» И Юля выскочила, как угорелая, из трамвая на ближайшей остановке. Романов даже не заметил этого. А трамвай побежал дальше, распевая хором: «Красавица, душа девица...».

Но вот Юля предложила Борису сойти у парка Фучика.

Уже вечерело. Большие розовые цветы на деревьях зарделись в закатных лучах солнца. Они шли молча по парку и любовались на изумрудную траву чистых лужаек, словно в ландшафтных парках под Ленинградом. По траве разгуливали утки и селезни, не боясь редких прохожих.

– Нет, я петь не буду, – задумчиво сказала Юля. – Но ты помнишь, конечно, русскую народную песню «Летят утки, летят утки и два гуся...»?

– Ну, помню, – механически произнес Борис.

– Как там точно душа раскрыта: «Ох, глазки смотрят, глазки смотрят, слезы льются!» И эту плачущую девчонку видно, и жалеющую ее мать...

Борис молчал. Утки и селезни не боялись редких прохожих. Юля с Борисом зашли в какой-то уютный уголок, слегка затуманенный закатными красками Ренуара. И когда Борис фотографировал Юлю, ей казалось, что снимок будет таким же туманным, нечетким. Говорили мало, об институтских пустяках. Но Юля невольно ждала чего-то важного и рокового. Так серьезен был взгляд из-под стылых немецких очков Бориса.

Наконец, он заговорил о главном:

– Именно душа им и нужна, чистая, отделенная от грешного тела... Я не знаю, почему рискую сказать именно вам, Юлия. – И у нее сжалось сердце. – Может быть, потому, что лишь только вам, как очень близкому по душевному состоянию человеку, я могу доверить самое сокровенное... и опасное знание.

И Юля испугалась.

– Настоящая наука ведь вся секретна, – вставила Юля, не без умысла, стараясь подбодрить его на риск раскрытия секрета.

– Вот именно, – обрадовался Борис, что она все поймет. – И как-то подобрав окончательно внутреннюю неуверенность, добавил: – Но ведь кто-то должен преодолеть опасность настоящих знаний. Как Оппенгеймер... Помните, Юлия, что он прочитал из Бхагавадгиты: «Если сияние тысячи солнц вспыхнуло бы в небе, это было бы подобно блеску Всемогущего... Я стал Смертью, уничтожителем Миров».

– Помню, – кивнула Юлия.

И вдруг его прорвало. Он говорил четко и ясно, торопясь, как будто боясь, что не успеет ей все сообщить...

Высказавшись, он замолчал, как будто прислушиваясь к ее мыслям. И, не дождавшись ее ответа, продолжал:

– Вы не бойтесь, Они не трогают, пока не делаешь Им вызов.

– Борис Константинович, – резко прервала его Юля. – Я не боюсь. Какой же вызов сделали Им вы?

Кунашев достал темно-красный носовой платок и промокнул выступивший пот на лбу. «Даже дорогой платок выдает высокий ранг этого человека», – подумала Юля. И вдруг эгоистично успокоилась. Он навсегда для нее пропал. Объяснений в любви не будет. А жаль. Очень жаль.

– Только вам я смог доверить открытие, – сказал он, густо покраснев, – потому что писатель... писатель может рассказать её миру, если Вы передадите эту тайну мужу писателю.

К его гипотезе она отнеслась как к очередному «сверхнатурному» бреду, которым буквально заражен воздух в Институте Вселенной. Видимо эти легенды рождаются от избытка секретной информации, концентрирующейся в их ведомстве – о неопознанных летающих объектах, останках глинистоногих пришельцев, оккультных способностях вороватых знахарей, пропажах кораблей в Бермудском треугольнике, неустойчивых галлюцинациях космонавтов... Но как мог заразиться серьезно этой «болезнью Ленча», как ее называют, профессионал экстра-класса? Как мог серьезно поверить в биопарник, о чем мог написать любой фантаст в молодежном журнале? Видимо Страшила просто переутомился. Да, от такой нагрузки, как в институте, действительно, можно свихнуться. Вот почему сваялись его волосы. Он на грани...

– Я написал японское трехстишие, хокку об этом, – сказал Борис. – Хотите, прочту?

– Хочу, – откликнулась Юля, слишком многое вложив в это короткое, как выдох, слово. Но Страшила не заметил этого и прочитал, глядя на заходящее солнце:

Притихли цветы в ожиданье.
Шаги садовника близко.
Осеннего грома раскаты.

– Наши частушки из того же ряда, что и японские миниатюры? – спросила Юля.

– Наверное, – неопределенно пожал плечами Борис. И взяв Юлию за локоть, повернулся к ней разгоряченным лицом. – Не отвлекайтесь. Мы не должны допустить войны. А у них кончилась энергия. Тарелки неслучайно зачастили...

– Смотрите, какая прелесть, – прервала его Юлия, показав на открывшуюся взору картину.

На изумрудной лужайке возвышался широкий буг, под ним на траве сидел парень в желтой майке и красных шортах. А рядом с ним, на пристегнутой к перевернутому велосипеду блестящей толстой цепочке, расхаживал важно совершенно белый персидский кот. Его мордочка, словно вдавленная, как у собаки японского хина, так понравилась Юлии, что она готова была броситься к коту и затискать его в своих объятьях.

– Я всегда хотела завести такого персидского кота, – восторженно глядя на альбиноса, сказала Юлия, и, ласково глянув на Страшилу, добавила: – Особенно в марте.

Борис расстроился из-за того, что Юлия не дослушала его. И раздумал открывать ей тайну до конца. А, может быть, кот был предупреждением ему?

Сделав вид, что закончил свой рассказ, Борис с улыбкой сказал:

– Полцарства – за кота!

Мартовская прогулка по Праге для Юлии и Бориса была последней попыткой providения свести их судьбы вместе. Но хотя тайна о биопарнике была полностью не раскрыта, эта встреча, в наказание, была для обоих роковой.

Глава четвертая

Кунашев уехал в Пардубицы, а Юля вернулась в гостиницу «Мазанка». К своему Романову, который ей уже надоел пуще горькой редьки. Особенно после порыва «взять ее приступом». Юле говорили приезжавшие сотрудники из института:

– За Романова, как за вредность, тебе нужно выдавать молоко.

Но Юле только казалось, что в течение трех месяцев командировки она устала от Стаса Романова. Наоборот, требуя к себе постоянного внимания, он постепенно входил в ее сознание. Не замечая этого, она высмеяла бы любого, кто пытался бы ей это доказать.

Один только отъезд из Чехии вместе с Романовым стоил ей столько крови. От нервного перенапряжения она даже потеряла голос, когда кричала на него.

Худой, белобрысый, остроносый, с вечной ухмылочкой, Романов, среднего роста, в свитере и в холод, и в жару, в стоптанных спортивных тапочках, как всегда невозмутимо выслушивал претензии Юли, которая, уже в дубленке и с вещами, постучалась к нему в номер сообщить, что они опаздывают на поезд. У Романова, конечно, еще ничего не было собрано. А вещей – дай боже: купил неподъемную вязальную машину, набрал полную коробку фужеров чешского стекла. Часть коробок он уже отнес с соседом по номеру на вокзал в камеру хранения. Чтобы их взять из камеры, тоже уйдет какое-то время. Барахольщик!

– Не забудь выбросить тапочки, – сквозь зубы напомнила Юля и заставила себя улыбнуться, – ты обещал. Стыдно от уборщицы, за страну стыдно, не оставляй.

– Это очень хорошие тапочки, кожаные, со шнурками. Сейчас таких не выпускают, – в который раз повторил Романов. – Ты иди в машину, сейчас я соберусь и спущусь. Пять-десять минут.

Юля подхватила две своих сумки и вышла из номера. Надеяться на джентльмена Романова не приходится. Хорошо, что она привыкла брать с собой столько вещей, сколько может сама унести. Единственное что она смогла себе позволить на этот раз, это купить люстру из знаменитого чешского хрустала.

«Тапочки он никогда не выбросит», – подумала она со вздохом, спускаясь по лестнице к машине.

«Татра» сияла черными лакированными крыльями. Не много таких машин в Чехии. Одна из них – у директора фирмы «Тесла». Из уважения к русским специалистам директор дал для них свою машину.

У Юли из головы не шли эти проклятые стоптанные тапочки. Задники сношены, на подошвах протерлись дыры, шнурки в узлах. Три месяца назад, когда увидела эту рвань у Романова, она не выдержала и спросила:

– Сколько им лет?

– Зато очень удобные, – смутился парень и обещал купить новые.

Но купил спортивные тяжелые ботинки и ходил в них всю командировку в жару. И перед отъездом купил новые такие же бахилы. А тапочки обещал выбросить, но не смог решиться. Зачем ей все это вспоминать?

Юля посмотрела на часы. Оказалось, что до отъезда из гостиницы осталось десять минут.

– Что с ним? – спросил Саша Попов, сосед Романова по номеру, шагнув навстречу Юле и взяв у нее тяжелые сумки.

– Я не знаю, что с ним, – пожала плечами Юля, садясь в машину и запахнув разошедшиеся полы дубленки. Опять пополнела – дубленка трещит.

– Ждем десять минут – и уезжаем, – твердо сказал Саша, поставив Юлины сумки в багажник. Опоздает – пусть остается, – улыбнулся ей Саша.

Так нравился Юле этот чернявый подтянутый парень с большими, чуть на выкате умными глазами, с короткой стрижкой густых смоляных волос, с аккуратными усами, над мужественной жесткой верхней губой. Жалко только, что он ростом не вышел и моложе ее. Да еще ладони у него всегда мокрые, хотя, прежде чем протянуть руку для пожатия, всегда ее напряженно вытирает о карман черной замшевой курточки.

Романов появился в их отделе ЭВМ, когда было в институте очередное течение – обучать всех сотрудников работе на электронно-вычислительных машинах. Он быстро подружился с Сашей Поповым. И они с ним дневали и ночевали в отделе, готовя машины к работе. Вместе попали и в командировку в Чехию...

Прошло десять минут – и в дверях появился Романов. В одной руке он держал две больших, набитых до отказа, сумки, а в другой, приподнятой вверх... нес за шнурки коричневые стоптанные ботинки. Демонстративно спокойно он подошел к мусорному баку и на виду у всех торжественно опустил туда бахилы. Чтобы все видели.

«А тапочки так и не выбросил», – подумала, усмехнувшись про себя, Юля, но ничего не сказала. В ней уже начинало все кипеть.

Романов сел рядом на заднее сидение, и «Татра» помчалась к железнодорожному вокзалу. Не дождавшись слов одобрения за торжественный выброс стоптанных ботинок, он достал фотоаппарат и, чуть не задев сердитое лицо Юли своими растопыренными локтями, вертелся по сторонам и фотографировал виды Праги из окон машины. За три месяца не нафотографировался.

Шофер Младек остановил «Татру» около вокзала, помог выгрузить вещи на тротуар и, пожелав русским специалистам счастливого пути, уехал.

В Чехии нет носильщиков. В аэропорту выдавали багажные тележки, а железнодорожным пассажирам и тележек негде взять. И надежды Романова отвезти багаж на тележке за несколько минут до отправления поезда рухнули. Поезд уже стоял, как говорится, «на парах», а Романов с Поповым, оставив Юлю на тротуаре с сумками и коробками, побежали в камеру хранения. Юле, поглядывающей каждую минуту на часы, приходила

Глава пятая

отчаянная мысль – бросить все эти вещи прямо на тротуаре, и бежать на поезд. Не оставаться же из-за этого Романова с билетом и выездной визой на руках в чужой стране. Уедет позже с Сашей Поповым.

В купе они все же успели войти за две минуты до отправления поезда. Распрощавшись с Сашей, Романов невозмутимо глянул на часы и усмехнулся в нос:

– А что мы пива не купили в дорогу? Остались же кроны. Пожалуй, я сбегаю, куплю пива.

Юля хотела его остановить, но от возмущения, у нее вдруг пропал голос. Голова страшно болела. Она лишь махнула рукой, подумав: «К чертовой матери, пусть остается. Я еду – что мне волноваться?»

Поезд уже пошел, когда Романов появился в купе с бутылками пльзенского пива. Он запрыгивал на ходу, чуть ли не в последний вагон. И хоть бы хны.

В Москве на вокзале его встречала жена. Интересная женщина, ладно и со вкусом одетая. Романов их познакомил.

– Аня, – приветливо улыбнулась она, мягко пожав руку Юли. И, не задерживаясь, крепко подхватила мужа под руку и поспешила с ним за носильщиком, погрузившим их вещи на тележку. «Как будто вырвала соблазненного мужа из рук чужой женщины», – подумала Юля. Носильщика она не взяла, потому что ее встречал отец. Для здорового Ивана Алексеевича две Юлины сумки были как пушинки.

– Ну, что ты везешь хорошего? – спросил отец по дороге к своей машине «Москвич».

– Чешскую люстру, – задумчиво ответила Юля. Она все не могла отделаться от мысли, как эта мягкая женщина верховодит Романовым, а она – не смогла? Он и обед готовит, и стирает белье в стиральной машине, и даже сидит на «больничном листе», если заболит дочка, и водит ее в детсад перед работой, хотя на их режимное предприятие нужно приходить минута в минуту. Он и люстру не купил, потому что ему ее мыть придется от пыли. Интересно, кто же у них будет вязать на вязальной машине? А еще интереснее знать, как она его терпит? Может быть, как раз за это – как домработника? Но всё же он – не врожденный подкаблучник, потому что сам делает свою судьбу, и довольно успешно.

Станислав Романов был сыном секретаря исполкома из Грозного. Мать – домохозяйка. Отец старше матери на 25 лет. Отец умер, мать еще жива.

Когда отец женился, у него от первой жены было две дочери, но жена умерла при родах второй дочери. Она родилась горбатой. И с ней сейчас живет мать Романова. Эта горбатая стала врачом (все больные – убогие), невропатологом. Она в 30 лет выходила замуж, чтобы иметь ребенка. Родила девочку – и разошлась.

Когда Станислав окончил школу, отец привез его в Москву, поступать в МИФИ.

В то время в Москве многие жили тесно. Они остановились у дальней родственницы – седьмая вода на киселе – учительницы Ольги Яковлевны, которая жила одна в крохотной комнатке в центре Москвы. Оставив Стаса на попечении учительницы, отец вернулся домой в Грозный.

Квартира досталась Ольге Яковлевне еще в годы войны. Тогда отгородили часть коридора, в котором было окно – и получилась комнатка, словно келья схимника, в большой коммунальной квартире. В этой комнатке – семи квадратных метров – помещался узенький топчан, и в его изголовье – столик. А чтобы сесть за этот стол другому человеку, нужно было приоткрыть дверь в общий длинный коридор. На этой двери, за занавесочкой висел весь гардероб пожилой бывшей учительницы. Более сорока лет жила она в этой тесноте. Стас, ночуя у нее, спал на теплом одеяле на полу, в узеньком проходе между топчаном и стеной. Чтобы встать с топчана, Ольга Яковлевна будила и поднимала Стаса, с превеликим множеством извинений и вздохов. Такой же стесненной была и ее жизнь.

Когда Стас поступил в МИФИ – Московский инженерно-физический институт, он ушел от Ольги Яковлевны в общежитие. Учился на факультете счетных машин – ЭВМ.

Его друг Попов женился на генеральской дочке и обеспечил этим себе безбедное будущее: и квартиру, и загранпоездки, и звездочки на погонах.

У Романова же отец сразу после поступления сына в институт скоропостижно скончался от сердечного приступа.

С удачной женитьбой у Стаса тоже не вытанцовывалось. Правда, в семье друга он познакомился с дочкой генеральского однополчанина – полковника в отставке. Но эта чернявая засидевшаяся девушка мечтала выйти замуж ни много, ни мало за иностранца, чтобы уехать за границу. И дружеские отношения с Романовым старалась не развивать. Собственными силами Романову удалось распределиться после института в Выхинск, в Подмоскowie. Осмотрелся он и понял, что со своей специальностью диссертацию не защитит, да и никто из его потока не сумел стать кандидатом. А в этом городе было очень много умных голов, и каждый кандидат «тянул» по своим способностям на доктора наук. Общебыт тоже требовал нечеловеческих усилий. Коттеджи занимала научная элита. А «ломовым лошадкам» давали на всю жизнь крышу в общежитии. Благо, эта система – не хуже коммуналок: комната – на два человека.

Юля приехала к Стасу однажды в гости – и нос отвернула. Разговорилась с ровесницей в туалете, та и порассказала. Здесь с жильем – глухо. Можно всю жизнь простоять в очереди на квартиру и... не получить.

– А если выйти замуж? – закинула удочку Юля.

– А как выйти? – вздохнула сухопарая, но довольно миленькая девица, поправляя длинные секущиеся волосы перед зеркалом. – Девчонки до тридцати-тридцати пяти лет зреют, никто не берет. Разве приведешь кого в общежитие? Пошла волна рожать детей от чужого дяди. Вон у нас в соседней комнате две сговорились, да и родили. Ну и что? Живут с детьми. Не помыться, ни пеленки посушить. А грудные Санька да Ванька даже и не плачут, будто понимают, что лучшего матери не добьются. И оклады у них стали ниже. На работе «одиночкам» никто навстречу не идет. Ребенок заболел – больничный на лишний день не выпросишь, институтский врач зверем смотрит. Как же, осуждает!

– И семейным жильем не дают, – пошла последним козырем Юля.

– А что семейным? – подкрасила тонкие губы девушка. – Дадут в семейном общежитии, и опять же не квартиру, а комнату.

Вернулась Юля из туалета к Романову, а он уже дымом исходит, на часы поглядывает.

– Что, скоро сосед придет? – догадалась она.

– А откуда ты знаешь? – подошел близко Стас, пытаясь ее обнять.

– В таких условиях – не до вздохов, – отстранила она осторожно его горячие руки и села в кресло. – Ты лучше скажи, как у вас с повышением по службе?

– Я не карьерист, не интересуюсь, – вспыхнул Романов.

– А все-таки? – Юля взяла со стола фужер с притихшим шампанским. – Давай выпьем за твой научный успех.

Выпили. Но Романов остыл, поставил фужер на стол, нарочито смачно откусил яблоко и, разжевывая его с открытым ртом, вдруг пошел в атаку.

– Я – не генеральский сын, и даже не полковничий. Прогресса здесь мне можно ждать хоть до смерти. В Выхинске – закон цепочки: кто умирает, тот освобождает место – и цепочка научных работников сдвигается от крайнего низшего звена до освободившегося места. Кто не выдержит и уйдет, тоже сдвигает звенья цепочки. Но все это для остепененных. Значит, не для меня. Довольна ответом?

Свиданье окончилось скучно...

Но осенью Романов все же получил комнату на одного человека, потому что стал секретарем комсомольской организации института.

В Выхинске в те времена, не смотря на тесные условия с жильем и вакансиями, собрались лучшие люди науки. В политике они понимали немного больше, чем пишут в газетах и показывают по телевидению. Приглашали диссидентов, типа артистки Рамидовой, на элитные вечера. Рассказывали анекдоты о новом штурме Зимнего, где возродилась династия Романовых. Все это не нравилось местному руководству. И оно решило поступить по-тихому, как во времена Екатерины Великой, которая наказала центр бунтовавшего казачества Черкасск тем, что лишила его звания города, и перенесла столицу в Новочеркасск, отчего бывшее гнездо бунтовщиков захирело. А современные правители сделали еще проще. Перенесли Выхинск из столичной, Московской области в провинциальную – Калужскую область. Тем самым лишили вольнодумную научную гвардию московской прописки. Без прописки эти вольтерьянцы не могли теперь работать в Москве. И значит, не могли сеять эту заразу вольнодумства.

Романов, который к династии царей не имел никакого отношения, и даже, наоборот, злился на избранников судьбы с привилегией высокого рождения, решил смотаться из, ставшего заштатным и не престижным, Выхинска.

В это время организовалась в Москве одна солидная фирма. Туда были нужны специалисты романовского профиля. Но, как всегда бывает, новая фирма на первых порах еще не имела ни помещения, ни соответствующего оборудования – только штатное расписание и, конечно, план по готовой продукции. Романова временно приняли на работу в эту фирму, а для постоянной работы он должен был прописаться в Москве или в Московской области. Он надеялся, что уговорит Юлю выйти за него замуж. Но Юля еще больше уперлась. Мало того, что она не была влюблена в Стаса, теперь в их отношения замешался его расчет. Ну, уж нет!

– Кажется, что мне еще нужно? – говорила Юля своей подружке Наташе. – У парня всё на месте. А я засиделась. Он – человек пробивной, всего добивается сам. Помогу ему с пропиской – далеко пойдет. Кстати, он и без моей помощи обошелся. И все же – нет и нет! Я ему отказала наотрез. Ничего не могла с собой поделаться. Может быть, еще потому, что от него провинцией прямо воняет, извините за выражение. Меня коробит его ущербность в суждениях. Ведь у всех людей бывают трудности. Однако он считает, что у него их больше, чем у других. Прямо злостью дышит, что у кого-то привилегия рождения, – стукнула по столу ладонью Юля. Подружка даже вздрогнула и улыбнулась взволнованной Юле. А она продолжала: – Я и ты имеем прописку в Москве, а ему приходится этого добиваться, чтобы преуспеть в работе. Но ведь и тебе, Наташа, и мне нужно пробиваться. Я смотрю на карьеру спокойно. А для него – это дело жизни. Неудовлетворенность у него какая-то нехорошая, неестественная. И у нас бывает неудовлетворенность собой, но чтобы из-за этого ночи не спать? Это уж слишком! Да если бы я его даже любила, и то его расчет встал бы у меня поперёк горла.

Романову в Москве обещали жилплощадь и должность руководителя группы, и он должен был уволиться из Выхинска, и оставить комнату в общежитии. Но всё повисло в воздухе. А Юля после его активных атак осталась неприступной крепо-

стью. Единственно, что она сделала, чтобы снять грех с души, это попыталась помочь Романову подыскать девушку для фиктивного брака. Все это было, конечно, противно и небезопасно. Но она пожалела мятущегося Романова, надежд которого не оправдала, кстати, год назад закрутив ему голову. Юля нашла девочку в соседском дворе, которая согласилась за полторы тысячи рублей расписаться с Романовым и прописать его в своей двухкомнатной квартире, которую занимала с матерью, уже два года разбитой параличом.

А Юля теряла любимого Бориса Кунашева. Сначала она стала подозревать у него признаки шизофрении. Он был уверен, что за ним следят «Хозяева». Видел во сне своего двойника – робота, и подозревал, что этот робот копается в кабинете в его бумагах. Он верил во вселенский проект «Парник», который Юле казался бредовой идеей. У него появились осложнения на работе – их Кунашев тоже считал происками этих Хозяев. Юля чувствовала, что Борис Константинович не придет в себя. Был в Америке, подобрал профессора негра, сделали ему компьютер (томографию) за пять минут, проверили все анализы, спасли.

А вернулся в Москву – «скорая помощь» забрала его в клинику имени Бурденко. Там ему сделали операцию на стволе головного мозга. Потом облучали. Он после облучения плохо себя чувствовал, голову не поворачивал.

Юля навестила Страшилу, когда он был уже без повязки, настоящий страшила. Она обвела взглядом лежащих больных в палате и подумала: «Тело без интеллекта в клинике имени Бурденко – страшное зрелище!».

Борис Константинович немного ожил, даже улыбался Юлии. Рассказывал, что у них чуть не умер дипломат из ФРГ. В клинике Бурденко – лучшие хирурги. Поэтому из четвертого управления сюда привозят больных. Им в Бурденко делают операции, а на другой день забирают в больницу четвертого управления (чтобы не угробить в условиях клиники Бурденко). Дипломат из ФРГ гулял в Измайловском парке, и его по голове ударил какой-то хулиган. Тот потерял сознание, упал. Его отвезли в ближайшую больницу. Врачи испугались трогать дипломата и отправили в Институт травматологии и неотложной помощи имени Н.В. Склифосовского. А туда приехали из посольства,

и настоятельно просили отправить дипломата в клинику Бурденко. Из Бурденко даже звонили в институт Склифосовского, а там не отдадут, говорят: «Мы уже подготовили больного к операции». Но все же отдали. В клинике Бурденко сделали полуживому дипломату томографию головы – оказалось, что операции не требуется.

– А если бы вскрыли голову – мозги вылезли, – громко рассмеялся Страшила, так что Юля даже вздрогнула. – И в лучшем случае, он бы остался идиотом. Мог и умереть от большого внутреннего напряжения. А он пришел в норму и вернулся на службу.

«Неужели Борис не выживет? – думала про себя Юля. – Ландау стал инвалидом-животным. Его тоже хозяйева неба наказали? Вернее, нейтрализовали. Но голова ученого работала – будь здоров! За несколько гениев сразу».

Глава шестая

Но Романов не женился на этой студентке медучилища. Он вообще на какое-то время пропал из поля зрения Юли. Потом выяснилось, что женился за взятку на девушке с ребенком. Она жила в центре Москвы около кинотеатра «Ударник» с матерью, работающей в СЭВе.

Романов рассказал Юле о своих мытарствах, когда явился к ней домой поздравить с ее с круглым юбилеем – тридцатилетием. Рассказывал, чтобы ей было стыдно, – до чего она его довела.

Дом был предназначен на снос. Но сносить его никто не собирался. Романов был вынужден жить с этой чужой ему девушкой в фиктивном браке. В комнатке полуподвальной коммуналки, чтобы закрепиться. Иначе при выселении дома ему не видать своей жилплощади. Мать о фиктивном браке не знала. Романов ей нравился. Часто она советовалась с ним, редактируя технический текст, переведенный с венгерского. Понять некоторые инженерные подробности в подстрочнике ее филологическое образование не позволяло. Спать Романову, естественно, приходилось с женой. И забыв о тайной договоренности, та родила Стасу ребенка. Для Романова это был удар. Ему не хотелось портить свою биографию, так как он рассчитывал вступить в партию и достичь высокого положения. Но жить с фиктивной женой

тоже было выше его сил. И он развелся. Когда дом выселяли, Стас с большими трудностями и взятками выхлопотал комнатку 15 квадратных метров с балконом, в блочном девятиэтажном доме в Беляево. Стас называл себя целинником, так как от колышка осваивал жизнь в этом тогда еще новом районе Москвы.

– Хочешь посмотреть, как я живу? – спросил Романов Юлю, когда они пили кофе из полупрозрачных фарфоровых чашечек, закусывая принесенными им трюфелями.

– Хочу, – неожиданно согласилась Юля.

Она пережила за это время разрыв с болгарским аспирантом. Асен хотел жениться на ней, но родители Юли, выставив ее за дверь, заперлись с ним в другой комнате и уговорили его не жениться, пока не закончит аспирантуру. Асен так и не смог понять, почему родители против замужества своей дочери. А дело объяснялось трагически просто – у Юли нашли опухоль матки, сделали операцию. И хотя подозрение на худший диагноз сняли, тревога осталась. Да и рожать Юле врачи не рекомендовали. Все равно будет выкидыш.

Но когда на горизонте появился Асен, когда она съездила в гости к нему в Болгарию, когда встретила в Болгарском посольстве с друзьями Асена, почувствовала прелесть светской зарубежной жизни, – страхи из-за опухоли отошли куда-то в сторону.

Вечно родители мешали ее замужеству. Мать хочет удержать ее рядом под старость.

Асен с горя напился до чертиков, и его привезли на посольской машине и внесли в дом Юли. Родители всю ночь дежурили по очереди около дверей комнаты, где спал Асен, чтобы не впустить туда Юлю. Лишь утром, сморенные, они задремали. И тогда Юля прошмыгнула к нему в комнату. Асен лежал на кровати мрачный и злой. Юля сунула руку под одеяло. Но вместо желаемого нащупала нож, который он спрятал от нее, когда она вошла. После короткой борьбы Юля унесла нож, пригрозив разбудить родителей, если Асен кинется за ней. В этот же день Асен уехал, так и не признавшись Юле, о чем говорили с ним ее родители. А потом прислал письмо, что женился. И Юля перестала надеяться на свою судьбу.

В холостой квартире Стаса на восьмом этаже было чисто и уютно. Большая мягкая тахта занимала половину комнаты.

Рядом с ней стоял письменный стол с придвинутым единственным стулом. У двери – двухстворчатый шкаф, на котором – проигрыватель и две колонки по сторонам. На паркетном полу – коврик. Над кроватью – портрет Юли в рамке. Этот портрет и тронул ее сердце.

Бывшая жена жила в том же доме, в двухкомнатной квартир. И Юлю это смущало. Поэтому она решила пригласить Романова к себе. К тому времени Иван Алексеевич помог ей купить кооперативную однокомнатную квартиру в Чертаново, в доме, где жили сотрудники Института Вселенной. Через некоторое время Юля помогла Стасу устроиться в этот престижный институт. Правда, у нее осталось ощущение, что Романов опять ухаживал за ней из расчета, чтобы попасть на работу именно в этот институт.

Так Романов стал работать в отделе Электронно-вычислительных машин с Сашей Поповым. Сначала поехал в командировку в Германию. Рассказывая об этой командировке Юле, старался похвалиться своими достижениями, мол, напрасно пренебрегает таким перспективным человеком. Но ощущение того, что Романов видит выгоду в их близких отношениях у Юли не проходило.

И когда он вновь посватался, она ему отказала. И не жалела даже тогда, когда он, по разведанным Наташи, купил двухкомнатную кооперативную квартиру, дачный участок на берегу Оки, где организовала кооператив элита Института Вселенной. Только удивилась, как прохиндей Романов мог прописать в Москву маму, которая имеет в Рубцовске свой дом и там живет?

И Романов опять женился.

– «Опять вдвоем, но не со мною...», – пошутила она в разговоре с Наташей.

Чтобы не встречать Романова в институте, Юля даже перестала ходить в столовую. Разве только видела его издалека на общеинститутских собраниях. Так бы все и кончилось, если бы ни совместная командировка в Чехию. Только в этой трехмесячной командировке Романов больше сошелся с Сашей Поповым. Но вдруг перед отъездом он предложил Саше:

– Давай скажем, что мы думаем друг о друге.

– Как это? Зачем? – опешил Саша.

– Трудно посмотреть на себя со стороны, – стал объяснять Стас. – Тут чехи меня как-то засняли на видео. Смотрю на себя по телевизору – и не узнаю. Во-первых, оказывается, я похож на своего старого друга по Рубцовску Сашу Маева. О чем раньше даже не подозревал. А во-вторых, ехидный смех, как будто это не я смеюсь. Да и двигаюсь на экране как-то принужденно, словно меня кто-то ведет против моей воли. Хочу одно – а делаю другое.

– Значит, ты тоже чувствуешь, что тебя кто-то ведет? – подержал разговор Попов.

– Знаешь, Саш, иногда мне кажется, что мой собеседник вдруг в разговоре как бы переключается на другую волну и говорит мне те слова, которыми отвечает на мой тайный вопрос, направляя на путь истинный. Я понимаю, что эти его слова не относятся к содержанию беседы. И как будто собеседник в этот миг – ретранслятор чужого текста.

– Ну, ты скажешь! – повернулся к Стасу взволнованный Саша, подпрыгивая на пружинной софе, на которой он до этого лежал с книгой. – Как-то мы студентами ездили в Дмитрово убирать колхозную картошку, – вспомнил молодость Попов. – А там я разговорился с одним парнем из журнала «Вокруг света». Так этот заместитель главного редактора журнала мне рассказал о том, что нам будто бы могут внушать на расстоянии, как себя вести, люди со специальной аппаратурой. И ты даже не будешь подозревать, что кто-то тебя ведет, как кукловод.

– Об этом я читал, кажется в «Литературной газете», – отмахнулся Романов – Я сейчас о другом. Я говорю об алгоритме, который вложен в каждого из нас. Конечно, идет корректировка, но главное направление жизни остается. И мы называем это – судьбой. И говорим: «Чему бывать, того не миновать».

– Я как-то отдыхал в санатории в Трускавце, почки ремонтировал, – прервал его Саша. – И вырезал из газеты заметку о Джине. Так мой сосед по номеру, видимо, чокнутый на этих тайнах человеческой психики, стал мне подбрасывать разные подобные сведения.

– Например? – машинально спросил Романов, недовольный тем, что Саша ушел от предложения дать оценку поведения друг другу.

– Ну, спрашивает меня: «Почему отмечают девять дней и сорок дней покойника?»

– Ну, это с детства известно: сколько душа остается около тела, и сколько проходит чистилище перед грехами своей земной жизни.

– А «чокнутый» мне говорит: «Но один профессор ответил по-другому: через девять дней светящееся над головой умершего облачко отлетает в небо – это мозг человека погибает: а через сорок дней труп полностью разлагается».

– Это газ образуется при разложении человека, – уточнил Стас, – и фосфоресцирует, особенно в грозовую погоду.

– Душа отлетает, – вдруг заупряился Саша. – Наш интеллект. «Кто снимет урожай с печальной нивы?» Слышал такие стихи?

– Нет, – стал раздеваться Стас, развязывая шнурки старых тапочек. – Ладно, пора спать. У вас разговоры были какие-то не реальные.

– Не о бабах? – засмеялся Саша. – Я всех дам в Трускавце подразделил на две категории: «желудочно-кишечные» и «желчно-каменные».

– Фу, – поморщился Стас.

– Вот именно. А мой сосед Миша считал, что я испортил пуговку, раз ни одну женщину не уважил.

– А он?

– Он уважил одну. Она ему все время рассказывала, как в шею ей втыкали по восемь шприцов... Любовь та еще. Потом приехала его жена. А он перед ее приездом успел рассказать мне анекдот на эту тему. Мужчины, мол, делятся на три категории: львов – которые привозят своих любовниц; волков – которые бегают за местными любовницами; и ишаков – которые приезжают на отдых со своими женами. Так Миша у меня на глазах превратился из волка в ишака.

– А ты к какой категории себя причисляешь? – спросил, укладываясь спать, Романов.

– Джентльменов.

– Поэтому и не решился сказать, что ты обо мне думаешь? – отвернулся к стене Романов.

– А как мы потом будем с тобой работать в одном отделе? – ответил Попов, и выключил свет в номере. – Спокойной ночи. –

Но, поворочавшись с боку на бок, выбирая удобную позицию для больной почки, все же не сдержался, чтобы в темноте не досказать о «чокнутом»: – А потом этот Миша как-то припоздал во время явиться в бювет, где мы пили воду «Нафтусю» и, увидев нас, оживленно доложил: «Сейчас по телевиденью рассказали, что при сторании в крематории череп человека светится двадцать минут».

– Неужели это фосфор! – отозвался почти заснувший Романов. – А чьи стихи ты начал читать?

– Мои, – ответил Саша и затих.

Разговор с Поповым настроил Романова на волну, что его кто-то ведет по жизни. Он понимал, конечно, что если бы не думал об этом, то не обращал бы внимания на странные совпадения в его жизни. Ведь человек встречается с тысячами возможных комбинаций, большинство из них не остается зафиксированными в нашем сознании. Но зато редкие совпадения запоминаются на всю жизнь. Исходя из теории больших чисел, эти совпадения вполне оправданы. Но как не удивляться такому совпадению, например, что номер машины Ивана Алексеевича – отца Юли совпал с последними цифрами номера телефона Стаса. А номер телефона Юли первыми четырьмя цифрами совпал с номером телефона работы его первой жены Ани? Все равно эти совпадения кажутся невероятными и таящими какую-то мистику...

Глава седьмая

Командировка в Чехию не прошла даром для Романова. Он тоже до того привык к Юле, что домашняя жизнь его пошла прахом. Не из семейной привязанности Романов готовил обед и сидел с ребенком на «больничном», а из-за разлада с женой, которая изменяла ему, кричала на него по телефону, видимо, из квартиры любовника. Жена считала, что он имел расчет, связывая с ней свою судьбу. Такой же расчет, как и с первой женой, которой платил алименты за ребенка. Романов разговаривал во сне – и жена нередко слушала его ночные признания. А он не помнил, что говорил во сне. Однажды, неожиданно проснувшись ночью, Стас обнаружил, что жена, наклонившись лицом над ним, задает ему вопросы, а он невольно что-то ей ответил. Смысл ответа вместе

с дремотой ускользнул, но сердце жалось от страха, что он мог ей сболтнуть. Стас сделал вид, что продолжает спать. А жена несколько раз тихим спокойным голосом спросила:

– И что ты будешь теперь делать? Что будешь делать?

Романов развернулся на кровати и стал мерно посапывать. Та замолчала, пока он не заснул. Теперь Романов точно знал, что находится, как под гипнозом, под колпаком у жены. И старался больше времени проводить на работе, ссылаясь на срочные задания. Пусть за ребенком она сама ходит в детский сад.

Зато Романов зачастил к Юле, которая работала с некоторых пор в другом крыле их огромной фирмы. Юля не отталкивала его. Раздражение, копившееся в командировке в Чехии, прошло. Выйти замуж она не надеялась, хотя ухажеры время от времени появлялись на горизонте. Но каждый ей говорил, что она никогда не выйдет замуж, потому что слишком разборчива. Приезжал даже из Болгарии в командировку Асен. Сообщил, что у него родился ребенок. Юля была удивлена, не поверила, что жена довольна им, как женщиной.

– Все нормально, – кивнул обиженно Асен.

Он не хотел упрекать женщину, которую любил, в том, что она не сумела его так возбуждать, как его жена. Не хотел вспоминать, как она посмеивалась над его слабостью. И уехал разочарованный.

А Романов опять пошел на приступ Юли. Но у нее не было никаких эмоций, и не только к нему. Нельзя сказать, что она фригидная. Недаром считается: если женщина занимается наукой – ищи заболевание половых органов. Четыре раза она могла выйти замуж, и не прогадала бы. Но слишком долго выбирала, считала она, не подозревая того, что дело в ее болезни. А время ушло.

Если бы кто внимательнее мог проанализировать хотя бы внешний вид своей невесты до женитьбы, он много мог бы предугадать. У Юли втянулся сосок в одной груди – и она любила прижиматься именно этой грудью. Юля любила стоять, чуть сдвинув бедра влево и расставив ноги. Это выглядело кокетливо, но имело какую-то серьезную причину. Юля говорила, что пьет димедрол, чтобы побороть бессонницу, которая ее иногда мучает. Романов считал эти ее внешние особенности пустяками. О, если бы он был врачом. Тогда, в командировке в Чехии, у нее было несколько приступов головной боли. И когда уезжали

домой, она от нервного напряжения почувствовала страшную головную боль, даже потеряла голос, упрекнув в этом Романова. А упрекнуть нужно было природу Юли.

Однажды Романов все же остался у нее на ночь. В чертановской квартире была всего одна комната. Стас достал с антресолей кровать-раскладушку, постелил приготовленные Юлей постельные принадлежности. Все было стерильно чистым и красивым – комплект индийского постельного белья. Когда улеглись и выключили свет, он попросился к ней на разложенный диван. Обещал развестись с женой. По сути, они с ней уже несколько лет были в разводе. Юля позвала его. От нахлынувшего тепла он оплошал. Она рассмеялась – первый блин комом. И пришлось вернуться на раскладушку. Встречи повторились. Он приходил вечером к ней после работы. Приносил вино или пиво. Она жарила антрекоты или цыплят-табака. Ужинали на кухне за столом, накрытым скатертью. Она объяснила, что культура жизни в том, чтобы обеденный стол был покрыт скатертью. Она садилась так, чтобы свет от приспущенной с потолка люстры не падал ей в лицо. И Романов понимал: приходится затенять следы не первой молодости.

Жена дала развод Романову в суде со слезой:

– Романовы не стеснялись жен бросать, – громко съязвила она по окончанию бракоразводной процедуры.

Сложнее было по ночам. Получалось все плохо, было неудобно, стыдно, казалось, что ему что-то мешает. Пробовал менять позы, злился. Она подтрунивала над его беспомощностью. Давала ему смотреть глянцевою порнографию, «Плейбой»...

Намучившись, Романов встретился со старой знакомой, бывшей сокурсницей, когда-то попросившей сделать ей ребенка, без дальнейших обязательств.

– Никаких претензий к тебе не будет, – уверяла она Романова.

– Что я, племенной бык, что ли? – сгрубил Романов и прекратил с ней всякие отношения.

И вот сейчас он сам навязался к ней в гости. Однокурсница Тамара была в хорошей форме, Стас – тоже. Хотя меры предосторожности он постарался принять, помня ее идею-фикс.

Когда в очередной раз Юля упрекнула Романова в слабости, он не выдержал и признался, что у него все «О'кей!» – он проверил.

– У врача? – вспыхнула Юля.

– У врачихи, – пошутил Стас, и лицо его загорелось, хорошо хоть в темноте не видно.

Утром, осторожно встав со скрипучей раскладушки, Романов прошел по белоснежному волокнистому шерстяному ковру к серебристому мягкому креслу, где лежали его вещи. Оделся, собрал свой бритвенный прибор, достал из шкафа-стенки орехового дерева свои рубашки, брюки, тренировочный костюм, все сложил в сумку и поставил ее в прихожей на коврик. Юля проснулась, когда он умывался в ванной.

– Ты что, собрался меня бросить? – спросила она, накинув на шелковую ночную рубашку длинный трикотажный белый халат. – Думаешь, не вижу, что все свои вещи в сумку сложил?

Стас молчал.

За завтраком она ему выговаривала, даже слезу пустила:

– Ну, почему ты сдался? Почему не послушал внутреннего голоса?

– Не получается у меня с тобой самого главного, – пытался объяснить свой порыв к бегству Романов.

– Разве это самое главное? – обняла его за плечи Юля.

И он остался. И заставил ее подать заявление в ЗАГС. Заставил потому, что она, как всегда, стала тянуть резину, колебаться. Больше всего смущало Романова то, что Юля не говорила о заявлении в ЗАГС отцу с матерью. Значит, она может за положенный месяц до регистрации все поломать. А ему уже сорок пять лет, да и ей уже сорок – последняя попытка.

Вспоминая предсвадебную пору, Романов пришел к выводу, что всё и вся были против его брака с Юлей. Надо так случиться, что эпидемия гриппа свалила сначала ее родителей, потом двух свидетелей, так что Стасу пришлось искать других друзей. Мать Романова приехала от своей горбатой дочери из Рубцовска с распухшими ногами – именно сейчас ее больные ноги отказывались ходить. Потом Романов никак не мог найти в магазинах приличный костюм. Наконец, принес его на квартиру к Юле.

– Что с твоими руками? – удивилась Юля, когда Стас вошел в чертановскую квартиру.

– «Вихри враждебные веют над нами...», – пропел он, показывая заклеенные бактерицидным пластырем пальцы на руках. –

Начал мерить костюм, оправдывался он, – смотрю, а из пальцев кровь идет – где-то порезал.

– Где же ты мог порезать? – недоумевала Юля, поцеловав его руку.

– Не знаю, – успокоился Романов, этот поцелуй его растрогал. – Повернулся закрыть занавеску в примерочной кабине, смотрю – и вторая рука в крови, тоже палец порезан. В занавеске была иголка вставлена. Так что костюм этот мне достался кровью.

Об этом событии, намного позже, Станислав Романов написал непонятное стихотворение:

ВИХРИ СВЕТА

Я к цели сделал шаг, но вихри света
Взвилась смести
Заблудшего с пути.
В мечтах коснулся я венца завета –
И пальцы рук
В крови увидел вдруг.

И ты мне не давалась, как заклетье.
Игра теней –
Страсть догоравших дней.
И к небесам глаза не мог поднять я –
Наделал бед
Грех безрассудных лет.

А вихри света нам послали кары.
Мы пред венцом
Осунулись лицом.
Я сброшен был с вершины из-за свары.
И твой недуг
В тебе взорвался вдруг.

Бог мне судья. Но ты в чем виновата?
Дала мне бой
Слабеющей рукой?
Умчался вихрь... Разбит венец заката.
Вновь пальцы рук
В крови... Замкнулся круг.

С этого стихотворения Юля узнала, что Романов давно пишет стихи.

Финский костюм сидел на Стасе очень ладно. «Темно-синий цвет ему идет. Не такой уж он и плебей», – подумала Юля и сказала:

– Пойдем сегодня к моим. Ты ничего не бойся. Держи себя свободно. И знай, что бы кто ни говорил, ты у меня самый умный, самый красивый, самый самый...

Но труднее в этом было убедить Юле себя. И совсем противоположного мнения была о нем ее мать – бывшая княгиня Баронцкая, так называли в доме за глаза Полину Яновну. Будущая теща, сморщив важное конопатое лицо и зажмурив медовые глазки, терпела изо всех сил, чтобы не сказать: «Не по Сеньке шапка!»

Запасный свидетель, приятель Стаса, его друг по институту, квадратный Прапорщик, с масляными глазками и деланной улыбкой, фотографировал молодых, поднявших хрустальные фужеры с шампанским. Иван Алексеевич кидал в огромный рот маленькие бутербродики с красной икрой. Полина Яновна его ущипнула под столом. В разгаре была антиалкогольная компания в стране. Поэтому бракосочетание сначала «спрыснули» шампанским, а потом поехали скреплять подписями в ЗАГС. «Плохая примета», – екнуло сердце Романова. Цветы быстро завяли. Свидетели чихали по очереди и вместе от мистического гриппа.

Глава восьмая

Но самое неожиданное наступило на следующий день. На фотографиях профессионального фотокора Прапорщикова Юля получилась в негативе, тогда как все гости – в позитиве. На свадьбе, перенесенной на следующий день, отозвав в сторону напыщенного нарядного Романова, друг сообщил ему эту новость по секрету, советуя закрыть банкет и свадьбу отменить. Но как это можно? Кабинет в ресторане «Прага», который снял Романов для свадебного торжества на десять персон, был уже заперт и опечатан загсовой печатью. Гости возжеленно ожидали жареного. Полковник в отставке облегченно вздохнул, сбыв с рук засидевшуюся в невестах дочку. И с ухмылочкой потягивал коньяк, чокаясь с добившимся свадьбы зятем.

Юля тихо напомнила озадаченному негативом Стасу, чтобы он не проговорился о своей третьей женьтибе:

– Мать узнает – убьет.

Но всего в жизни не предусмотреть. За столом вспомнили, что молодых познакомил физтех.

– Дочь пошла по стопам отца, – вставила слово мать Романова, забыв о предупреждении Стаса, и осеклась, услышав наступившую тишину за столом.

– Его дочка? – насторожилась Полина Яновна.

– Не его, конечно, – зарделась от смущения свекровь Надежда Алексеевна, – вино в голову ударило. – Она умоляюще посмотрела на сына.

– Для мамули весь мир – родня, – поднял рюмку Романов. – Давайте выпьем за все позитивное.

– Что-то мудрено, – сказала княгиня, но рюмочку выпила, хоть здоровье не позволяло.

– Я работаю в техникуме, опять постаралась войти в разговор Надежда Алексеевна. – Ребята спрашивают: вы смотрели передачу «Взгляд»? Там показывали женщину, которая, как рентген, просматривает людей насквозь. Вроде, она работала крановщицей на башенном кране. Ее ударило током, притянуло. А я физик, знаю, какая это страшная сила. Еле ее отодрали от корпуса кабины. Она вся почернела. Долго не могла придти в себя, болела, лечилась. И что вы думаете? Однажды вот так стоит на трамвайной остановке, нечаянно повернулась – и видит женщину, как на рентгеновском снимке. Думала, показалось. А это свойство стало ее преследовать. Она изучает теперь медицину и ставит диагноз.

– А как же она видит цвет? – спросила Полина Яновна. – Рентген ведь не дает цветного изображения.

– И я, было, не поверила, – сказала, повернувшись к сыну, Надежда Алексеевна. – И сын не поверил. А эту женщину показывали во «Взгляде» еще раз, утром на другой день. И я сама видела, у диктора она нашла опущение почек. Призналась, что после сеансов диагностики ее мучают головные боли.

– Я помню эту передачу, – вставила Юля. – Эта женщина еще сказала: «Вы ели что-то красное». Якобы она увидела в желудке красное. Ведущая призналась, что ела клюквенный кисель.

– А ты – апельсин, – сказал, улыбаясь Романов. – Только вижу я это на уголках твоих губ.

– Мог бы и промолчать, – смутилась Юля, промокая губы салфеткой.

Стас смотрел на жену в зеркале напротив стола. Оно было до того чистое и ясное, что явно выдавало порок на ее лице – левый глаз приспущен.

«Да у всех есть асимметрия», – вспомнил он. Но все же спросил ее на ушко:

– Что у тебя с глазом? – И кивнул на зеркало.

– Такую уж кривую выбрал, – шепнула ему она даже с каким-то вызовом. И это больно кольнуло в сердце Стаса. Невольно он повернулся и встретился долгим взглядом с масляными серыми глазами Прапорщикова, сидящего на другом конце свадебного стола. «Чертовщина какая-то, почему она получилась негативной?» – Подумал он. – И матери надо было вспомнить ходячий рентген». Поди, этот мастер что-то подстроил, профессиональный фокус-покус.

А через несколько дней медового месяца Романову на работу позвонила Тамара. О том, что он развелся, она знала, а что женился, узнать не успела.

– Ты куда пропал? – спросила она сладким голосом.

– Да закрутился, – Романов даже взмок от неожиданности.

– Я уж думала, что мы продолжим роман, Романов, – повела она разведку боем и засмеялась.

– Между прочим, я на работе, – стал нервничать Стас.

– А я, между прочим, решаю вопрос, – голос у Тамары посу- ровел, – оставить мне ребенка или нет.

– Ну и что? – вздрогнул Романов. Он же все сделал осторожно.

– Твоего ребенка-то.

– Тебе семнадцать лет, что ли?

– Мама не советует оставлять, а на работе отговаривают делать аборт.

– Ищи других претендентов, – покраснев от нервного напряжения, положил трубку Романов. И оглянувшись, наткнувшись взглядом на оттопыренное ухо Попова.

Телефон зазвонил опять. «Сказать ей или не сказать о ребенке?» – решал загнанный в угол Стас.

– Да, – поднял он трубку.

– Это Романов? – спросила Тамара.

– Да.

– Отвечать отказываешься?

– Да.

– У меня, может, больше не быть такой возможности, – заплакала Тамара.

– Я женился. Месяц назад, – выпалил Романов.

– Тебе жениться-развестись – раз плюнуть.

– При чем тут я?

– Сейчас по генам можно доказать отцовство.

– Сколько же тебе придется собирать отцов?

– А я с тебя начну. Хам. – И в трубке послышались гудки отбоя.

Романов опять осторожно положил трубку на телефонный аппарат и вышел из комнаты. «Это я должен был получиться в негативе, а не Юля», – подумал он, стрельнув сигарету у сотрудника в туалете. А ведь давно бросил курить.

Больше всего он боялся, что Тамара узнает телефон Юли и позвонит ей. Но удар был нанесен с другого конца. Одна из сотрудниц института, которую давно выпихивали на пенсию, вдруг сообщила Романову, что отказывается давать ему рекомендацию в члены партии. Когда он вступал в кандидаты в члены партии, она сама любезно вызвалась дать ему рекомендацию. Была в командировке в Рубцовске, где когда-то служил геройски погибший на войне ее брат. Предложила захватить для матери Стаса небольшую посылочку. Надежда Алексеевна встретила ее в Рубцовске порогами. И сотрудница была очень довольна теплым приемом. Чуть ли ни целовалась с Романовым при встрече в институте. Эта сотрудница много лет работала в комсомольских органах. Когда-то была красивой. И до пенсионного возраста сохранила привлекательную внешность. Правда Стасу не нравилась ее неестественная улыбка, комсомольская доброжелательность. И вот теперь она отказалась давать рекомендацию Романову в члены партии. Почему?

– Я плохо тебя еще знаю, – уклончиво сказала она растерявшемуся Стасу. – А ты третий раз женился...

Просить рекомендацию у другого члена партии было теперь неудобно. Да и кто даст при таком раскладе? А вдруг написала

на работу жалобу на него Тамара? Всё рушилось. Приняв в кандидаты в члены партии, Романова сделали исполняющим обязанности руководителя сектора. Теперь этой должности Романову не видать, как своих ушей.

Узнав о ЧП, Юля занервничала. Карьера Романова ее очень даже интересовала. Только начальником он мог бы приобрести машину. Да и жить она привыкла на широкую ногу. Она уговорила Романова попросить рекомендацию в партию у Саши Попова. Порывалась даже сама с ним поговорить. Но Попов не был членом партии.

А события покатались под гору. И по совету жены Романов написал письмо в Комитет партийного контроля. Но задумался.

– Им на них жаловаться бесполезно, – сказал он, прочитав Юле это письмо.

– Ты не представляешь, в какое г... ты попал, – злилась Юля, – и как это отразится на всей твоей дальнейшей жизни. Поэтому эту попытку отмыться ты должен использовать.

Романов пытался посоветоваться с Поповым.

А Попов все продолжал подкидывать Романову информации о пришельцах.

«Почему только «Homo sapiens» – человек разумный считается высшим созданием на земле? – задавал он риторический вопрос. – Вот передавали по телеку, что нашли альтернативную ветвь человечества в Алтайских горах. В Денисовской пещере с огромным гротом вдруг недавно найдена крошечная кость – фаланга мизинца юного существа женского пола. Эта находка плюс еще два зуба, убедительное свидетельство существования на Земле – денисовского вида людей. – А если и мы – не конечное достижение земной цивилизации? А может, на земле есть и высшие существа (даже пришельцы с других планет), для которых мы – такие же букашки, как для человека муравьи?».

И Юля к этому мнению сама пришла. А она могла бы спорить и с хозяевами неба.

Романов вспомнил и рассказал Юле свой удивительный сон. Однажды ему снился голос, который сообщил, что через пять миллиардов и восемьсот миллионов лет Земля из состояния «Изумруд» переходит в состояние «Колумбит», и в это время человечество отбрасывается в своем развитии на пять миллиардов восемьсот миллионов лет. Он тогда ночью встал и записал это

сообщение, потом зарифмовал в своем стихотворении, чтобы не забыть. Выходит, он узнал одну из подробностей великой идеи, о которой Юля не знала? Или знала?

Запомнив, что Романов, какой-никакой, писатель, Юля после работы и ужина стала проводить с мужем «разъяснительную» работу для создания провокационного рассказа.

– В книге Ницше «По ту сторону добра и зла» говорится: «Нечто может быть истинным, хотя бы оно было в высшей степени вредным и опасным: быть может, даже одно из основных свойств существования заключается в том, что полное его познание влечет за собою гибель...»

– Как наш Парник? – вставил Романов.

Юля продолжала читать, не отрываясь на реплику Стаса,

– «...так что сила ума измеряется, пожалуй, тем количеством «истины», какое он может еще вынести, говоря точнее, тем – насколько истина должна быть для него разжижена, облегчена покровом, подслащена, притуплена, искажена».

– Ну и что? – спросил Стас.

– Настоящая наука, – Юля отодвинула книгу Ницше, – вся запрещена, потому что вредна для слабого сознания обывателя и опасна.

У Циолковского за каждой строкой – бездна обаяния оптимиста.

– А причем размышления Циолковского? – буркнул Стас.

– Притом, что он в своих трудах размышлял и о переселении людей на другие планеты, – терпеливо возразила Юля. – А может, Парник в этом уже участвовал?

После таких разговоров с женой Романов пытался вспомнить всё, что каким-то образом выдавало присутствие Хозяев Парника на Земле, их влияние на жизнь людей.

Вот, скажем, одно время была в моде версия о параллельных мирах. Его умный друг по институту верил в то, что одновременно существует не один мир, который мы воспринимаем, а несколько миров. Они в разных измерениях. А мы знаем только три измерения...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Страшно видеть эту огромную книгу смерти, где вся мертвая старина вытягивается перед нами бесконечной панихидой... И в этих немых названиях скрываются, может быть, тайны, затерянные навек, высокие мысли, прекрасные дела, твердые чувства, и много счастья, и много горя, и много надежд, и много обманов, целые важные события, быть может, целая исчезнувшая летопись, целый мир, почивший навсегда».

Из книги «Тарантас» В. Сологуба.

Глава девятая

Он собрал общие сведения об этой проблеме. Даже был на Зигелевских чтениях вместе с одним автором статьи, наблюдавшим НЛО.

В старой газете «Красная Звезда» за 1 мая 1989 года он прочитал обширный материал «Инопланетянина зовут Йозеф, или НЛО»: «необъявленная война». Автор этой статьи полковник М. Ребров, редактор отдела науки, техники и космонавтики. Конечно, псевдоним.

Инопланетянина звали Йозеф. Высокое человекообразное, бородатое существо говорило на чистом оксфордском диалекте. При нем – маленькие существа ростом с пятилетнего ребенка.

Одни – ростом 1,2 м в серебристых комбинезонах, другие – чуть меньше 1,1 м, так же в серебристом одеянии. Вооружены лучистыми устройствами. Были и великаны под три метра... Можно воочию увидеть инопланетян. Правда, в замороженном состоянии. Это американская военная база Райт Паттерсон. Там хранятся более 30 пилотов НЛО.

Только за период с 1966 по 1968 год в штатах Огайо, Индиана и Кентукки авиабазы Холломан (штат Нью-Мексико) НЛО был диаметром 22 и высотой 4 метра,... посадка произошла со скоростью 90 миль в час...

«Голова и торс непропорциональны, – записывал в дневник Романов. – Глаза широко посажены и слегка зауженные, глазные

яблоки большие и запавшие. Вместо носа небольшая выпуклость с одним или двумя отверстиями, вместо рта небольшое отверстие, видимо, не служит для голосовой связи или приема пищи. О зубах информации нет. Вместо ушей небольшие углубления. Волос на голове или нет, или есть небольшой пушок. Данных о мозге нет. Руки длинные и тонкие, в опущенном состоянии достигают колен. На руках по четыре пальца, между которыми кожистая перепонка. Половые органы отсутствуют. Кровь есть, но это не кровь в привычном смысле этого слова. Кожа серая... Шея тонкая, часто не видна из-за одеяния. Вес тела около 18 кг... Их тела были относительно плоскими, без выдающейся грудной клетки и вытянутые».

«Сведения все неожиданней!» – удивлялся Романов, читая выборочно эту статью.

Зачем пожаловали? Точной информации нет. Возможно для установления деловых контактов, либо создания совместных предприятий... Или простое любопытство... Не будем сбрасывать со счетов и вероятность попытки захвата нашей планеты... «НЛО: необъявленная война»... Североамериканская система ПВО NORAD, оснащенная инфракрасными спутниковыми системами слежения и имеющая глобальную сеть РЛС, регистрирует ежедневно(!) от 5 до 900 НЛО... угроза из космоса возрастает?.. Профессор Герман Оберт – ратует за принятие «Космического закона» и называется отцом аэронавтики и ракетостроения... Но, по праву, «отцом» считается калужанин Константин Эдуардович Циолковский... публикации о «Черном бароне» над Парижем», «Петрозаводском чуде», «Летающих тарелках» над Джакартой», «Луне, появившейся на рассвете», «Бермудском треугольнике». Что-то вроде светящегося сплющенного воздушного шара появилось в небе Португалии (г. Оporto). Блюдец остановилось на довольно большой высоте, а затем с невероятной быстротой полетело на Север... Военно-воздушные силы США намерены серьезно заняться изучением «летающих тарелок», число которых превысило 10.477. Секретная акция, получившая обозначение «Голубая книга», должна дать ответ на многие вопросы принципиального характера. «Нью-Йорк тайм»... был проведен тщательный анализ наиболее интересных 550 свидетельств очевидцев НЛО. В 225 случаях они оказались самолетами или искусственными спутниками Земли. 211 раз за «та-

релки» принимались осколки космических тел, 30 наблюдений связаны с грозвыми и иными атмосферными явлениями. 84 наблюдения не объяснены из-за недостаточной и неопределенной информации, но восемь из них отвергнуты сразу.

Романов считал, что нелепо отвергать наличие разумных существ и цивилизаций на других планетах в условиях бесконечной Вселенной. К тому же степень их развития может быть намного выше нашей, и они давно совершают полеты в космосе. Немало данных говорит о том, что в прошлом и на нашей планете могла быть высокоразвитая цивилизация. Откуда приходят в голову гениям все выдающиеся открытия науки и техники, как не из генной памяти этой цивилизации? Довольно большое число сподвижников в этой области бродит по свету, собирая материалы о нашем прошлом. Совершенно своеобразны «сооружения» в пустыне Наска в Перу, как космические аэродромы, возможно, внеземных летающих аппаратов. Есть предположение, что в районе Бермудского треугольника пришельцы из космоса могли установить на дне океана какой-нибудь мощный энергетический источник (подобный лазеру) или сигнальную аппаратуру для ориентации при поисках Земли в космосе. Это и приводит к гибели самолетов и судов. Косвенным доказательством тому служил в 1977–1978 годах советско-американский океанический полигон «Полимоде», на котором проводились океанические исследования, он располагался чуть южнее Бермудских островов.

Глава десятая

Видимо не случайно судьба заставила Романова вернуться к Юле Стручковой, отвергнувшей его искренние чувства.

Не случайно из Фрунзе, где он работал на филиале фирмы Института Вселенной, Романова отправили в командировку на фирму Тесла в Чехию, крепить электронное содружество. Полигон – закрытый город с проходной через ворота. Вся территория обнесена забором. Однокурсник Саша Попов, который работал здесь, тепло встретил Романова. Он рассказал, что однажды полдня просидел под этим забором – были неправильно оформлены документы.

Автобус от станции привез Романова к полигону. Он, конечно, знал, что на полигон впускают по пропускам. За каждым деревом стоит КГБ и проверяет документы.

Романов подошел к самолету. Увидел – сидит на траве женщина, на босу ногу босоножки (носки негде постирать). В блокнот что-то пишет. В брюках, рубашка мятая нараспашку. К его радости, это была Юля. Они от радости встречи обнялись, как родные. Их посадили в самолет – полетели. Летели двенадцать часов. Такой быт, такие нагрузки. А тут еще бывшая любовь.

Разговорились.

– Вообще быт здесь хреновый, – рассказывала Юля, – не поешь, не поспишь. Ты делаешь прибор. Он должен выдерживать приемные условия. Сдашь его на полигон с этими условиями – прешь его в поле, на какую-то вышину, по колено в грязи. Приезжаешь со своей колбасой. Правда, на этих полигонах можно в книжных магазинчиках ценную книжку купить. Приезжаешь на два-три месяца, гостиница на семи ветрах.

Юля работала теперь над проектом «Фобос» или «Путешествие в прошлое, настоящее и будущее».

Романов знал, что с Марсом – одни сложности.

Первый космический разведчик в сторону Марса отправили еще в 1962 году, затем к красной планете ушли шесть автоматических станций, побывали американские «Маринеры» и «Викинги». Но траектория движения марсианских лун вызывала недоумение ученых. Высказывалось предположение, довольно аргументированная гипотеза, что и Фобос – не творение природы, а искусственное создание. Но кем создан? Позже исследования показали, что оба спутника «Деймос» и «Фобос» – бесформенные глыбы, исчерчены множеством борозд, принадлежащие к типу астероидов, и являются первичными объектами Солнечной системы. Юля сказала, что аппарат «Фобос» оснащен электронным «мозгом», способным решать задачи высокого интеллектуального уровня, блоками анализа и обработки собираемой этим аппаратом информации.

– Если считать, что рождение Вселенной произошло 10–15 миллиардов лет назад, – продолжала рассказывать Юля, – у человечества осталось всего 30–70 миллионов лет на изучение Фобоса. По истечении этого времени он упадет на поверхность Марса.

– Так правдивый был мой давний сон об Изумруде и Колумбите, – спросил Романов.

– Ошибся в три раза, – подмигнула Юля. – Или уже три раза человечество отбрасывалось в своем развитии и снова возрождалось. Есть гипотеза, что Земля образовалась сразу со всеми имеющимися на ней растениями и животным миром, в том числе и с человеком.

– Это в Библии сказано: Бог создал Землю и все на ней за шесть дней (и сказал, что это – хорошо). А на седьмой день отдыхал.

«И моя любовь возрождается, как птица Феникс, – подумал Романов. – Еще с института».

– А ты слышал, – вдруг спросила Юля, – в NASA 2 июня планируют начать первые летные испытания «летающей тарелки», построенной по технологии Low Density Supersonic Decelerator?

– Да ты что! – выпучил глаза Романов. – Это американцы планируют запустить в следующем веке.

– А сейчас какой год? – испугалась Юля.

– Миллениум... Использовать тарелку планируют для доставки грузов с орбиты Марса на его поверхность, для первых колонистов, в 2025 году. Тебе приснилось, – улыбнулся подозрительно Романов.

«Что это с Юлей?» – подумал он.

Романов на три года старше Юли. Сначала он работал в Обнинске. Получил распределение и Саша Попов, друг Романова. А Попов работал на Соколе. В армии не служил, по болезни. Защитился, потому что работа была диссертательна. А на электронно-счетных машинах никто не защитился, в том числе и Романов.

Романов как-то на праздник ночевал у мамы. Явился – не запыхался. У нее встретился с Юлей. Юля была свободна. И опять стал свататься. Встретились – и разошлись по сторонам, не поженились.

А Попов женился, у них с однокурсницей родился ребенок. Через Романова Юля познакомилась и с Поповым. И еще у них был друг Сергей – уехал в США. Они часто его вспоминали, талантливый парень.

Романов часто встречался с Поповым в Доме литератора, знакомил его с некоторыми писателями. Но о том, что он пишет

секретный рассказ, никогда не заикался. Закрывал свои черновики на столе, когда Попов приходил к нему в гости. Все же заподозрил, что Попов проглядывал его записки, но не подавал вида. Почему он так решил? Потому что Саша стал рассказывать сам, и видимо, подбил свою жену, сообщать Романову то, что может пригодиться ему для рассказа. Что именно?

– Слушай, ты, наверное, знаешь толком, что такое – душа? – вдруг решил спросить его Стас.

И Попов даже расцвел, как будто только и ждал такого вопроса.

– Я много читал об этом, душа – это же чудо, – стал рассказывать Попов (не зря фамилия церковная). – Душа – это комплекс эмоций, желаний, мотивов, основ мировоззрения и волевых характеристик человека. Все верующие так думают.

– Выходит, душа вбирает интеллект человека? – вышел из задумчивости Романов.

– И развивает, – подхватил Попов. – Сложность только в том, кто, как и с какой целью управляет свойствами души. Если черт, то человек берет грех на душу, и грешная душа отправляется в ад. Борьба за управление душой – это борьба за власть, то есть чисто политическое явление, продолжал Попов. – Кто контролирует души людей, их желания, мотивы, мировоззрение, цели, эмоции, – у того и власть. Тот контролирует общество, его структуру и материальные ресурсы.

– На Том Свете контролирует? – посмеялся Романов.

Теперь-то он понимал тревогу Юли, что это – интеллектуальная энергия души снимается, «как урожай с печальной нивы». И, желательно, – чистый интеллект, без земных грехов плоти.

«Интересно, – размышлял он. – На фресках «Страшного Суда» Микеланджело грешные души отправляются в Ад. А праведные души куда направляются, художник не показывает. Стоят, ждут. Чего? Хозяев Парника?»

А Попов продолжал, как заведенный:

– Секулярные ассоциации настаивают на том, что ни у кого не должно быть монопольного права на контроль душ, поскольку такой контроль эквивалентен тотальной несвободе человека и является худшим из возможных видов политической тирании.

– Причем в парнике политическая тирания? – поморщился Романов.

– Каком парнике? – удивился Попов. – Ты слушаешь или нет? В спорах ученых за последние десять лет, реальной точкой конфликта является не происхождение вселенной, жизни и человека, а право на политический контроль человеческих желаний и целей. Сам по себе вопрос о происхождении или сотворении мира является лишь инструментальной аргументацией.

«Что-то он залез в содержание моего секретного рассказа, – встревожился Романов и быстро ушел от Попова «по делам».

В другой раз, утром, остановив Романова в дверях своего кабинета, Саша Попов сообщил:

– Сейчас по телевизору говорили, что при сгорании в крематории череп человека светится двадцать минут, а потом идет сгорание всего тела... – Романов в этот момент подумал, что это уходит в космос интеллектуальная энергия. И прослушал, что дальше говорил Саша. Кажется, он сказал, что сгорание тела происходит за шесть минут. И сразу вспомнил, что от жаркого огня мертвец может подняться, пошевелиться в печи крематория, как бы ожить в огне. Ужас!

А, может быть, Саша Попов стал говорить об этих вещах, потому что Романов невольно настроил его на эту тему, на эту волну размышлений?

Со временем Романова перевели в Москву. Руководство Института Вселенной оценило его способности.

А Юля с тревогой поминала Бориса Константиновича Кунашева.

От командировки Юля буквально валилась с ног. Она не могла спать со Стасом, задыхалась и сбрасывала одеяло с кровати на ковер, и спала на полу одна. Она и до замужества уже плохо себя чувствовала.

«Что же, так я и не буду женой? – сказала она себе. – Хорошо, хоть за Романова, да вышла замуж».

Все простуды с высокой температурой по месяцу – были предупреждением об опасности. Но она не верила, что кто-то расправляется с ней. Когда же она попала в институт Бурденко с парализованной правой стороной и еле выкарабкалась от летального исхода, то поняла, что болезнь ее не отступит.

– Они признали меня вирусом, – сказала она Романову.

– Не сочиняй, – улыбнулся Романов.

Юля решила бороться за себя. Она купила соковыжималку, фруктов и постоянно их отжимала в соковыжималке и пила соки. Она регулярно сдавала все анализы, посещала врачей и в поликлинике, и на дому. Слушала всех светил, но лечилась по своему разумению. Подняла всех знакомых, посещала знахарей и экстрасенсов.

Она боролась за жизнь.

Глава одиннадцатая

Друг Романова Аристарх убеждал, что его дочь может излечивать биотоками. После ее лечения, старушка, ранее согнутая радикулитом, потом готова была плясать от радости. Знахарей и экстрасенсов вокруг было много. Время наступило такое, шептунное – люди ради выживания, хватались за соломинку.

В ноябре на Юлю опять раскидывали карты. Знакомый матери ездил в Прибалтику к бабке-знахарке. В мире много колдуний. Эта знахарка-бабка взяла за сеанс всего 100 рублей. Она дала Юле каких-то трав и велела мыть отваром голову. И дала пить подкрашенную воду в бутылке из-под водки. Юля пить не захотела и спустила нашептанную воду в унитаз. А травы заваривала и мыла голову через день целебной водой. От чего, вроде, стала лучше себя чувствовать.

Юля была у разных экстрасенсов. Один из них, из знакомых с Институтом Вселенной, удивил своей эрудицией. Он сказал, что выгнал из человека дух Чингисхана. И тот сразу растворился в земле. По его мнению, Чингисхан и Иван Грозный – только два этих человека думали обо всей Земле, а не только о своем государстве.

Экстрасенс принимал по понедельникам. За столом у него пили чай. Кто-то принес колбасу, кто-то заварил чай. Этот экстрасенс Борис Александрович – боженька со светлыми седыми волосами, уложенными венчиком на облысевшей голове, маленький, хроменький, часть ноги потерял при аварии на мотоцикле. Борис Александрович был на пенсии. Ему на вид – лет 60.

– Юлей займется Ольга, – сказал он Юле. – Ольга из тех, кто обладает такой же самой экстрасенсорикой, но не понимает так человека, как я.

Юля сидела – слушала разговор. А Ольга то положит руку ей на плечо сзади, то водит по коленкам. Когда поводила над коленями и под ногами, сказала: «Как у вас там дует!». Юля поняла: «Видимо, мое поле холодное».

Одни пациенты уходили, другие приходили, подсаживались ближе к Борису Александровичу, пока он занимался с очередным гостем. Кого-то он лечил даже по телефону. Приехал его коллега из Кургана, раньше у Елизарова работал. Экстрасенс неприметный, борода клинышком, лет сорока. «Одно поле – человек приятен, – говорил он, – другое поле – человек неприятен».

– А вот я тебе в женихах был приятен (одно поле), а в мужьях – уже не приятен, – улыбнулся Романов, сидящий рядом с Юлей.

Она засмеялась:

– Заряд поменялся, наверное?

Юля заметила, что у человека из Кургана видны из-под брюк бретельки тренировочных трикотажных брюк, которые некоторые мужчины надевают вместо кальсон. Это Юлю покорило.

– У вас вид спины, как у тюленя, – сказал коллеге Борис Александрович. – Как были безответственным с пяти лет, так и остались и будете пятилетним всю жизнь.

Другая пациентка показывала Борису Александровичу фотографию. Самой ей лет 40, а на фото была женщина лет 50–60.

– Она меня изводит, – пожаловалась пациентка экстрасенсу.

– Не связывайтесь с ней, – ответил он.

– Да мы вынуждены быть вместе. Она меня ненавидит. И у нас конфликт идет на обострение.

– Я снял обострение, – подержав ладони на ее голове, сказал Борис Александрович. – А вы старайтесь не иметь с ней никаких дел.

«Любой невропатолог знает, чтобы не нервничать, надо убрать источник раздражения, или уйти от него, или изменить к нему отношение», – подумала Юля. – А он посоветовал это лишь с экстрасенсным туманом».

А туман наводили большой. За утро пациентов в квартире Бориса Александровича прошло человек 10–15. Это – в двухкомнатной малогабаритной квартире пятиэтажного дома.

– Почему такой хорошо оплачиваемый экстрасенс живет в такой маленькой квартире? – шепнула Юля на ухо посреднику Андрею, который ее привел сюда.

Экстрасенс Борис Александрович услышал и ответил сам:

– Я в восемнадцать лет заметил свои уникальные способности. Сам повышал свою квалификацию. А сейчас сюда приезжают на черных иномарках, и попасть в приемный день к нам сложно.

Поэтому Андрей и привел сам сюда Юлю. Даже денег с нее не взяли. Складывалось впечатление, что она – стала другом этой компании.

За столом шел разговор о том, что человек получает энергию из космоса, и на него влияют все космические тела. Но и сам он вырабатывает энергию и участвует в энергетическом балансе космоса и влияет сам на космос. Когда нарушается гармония между получаемой и отдаваемой энергией – человек заболевает. Отсюда вывод – надо быть больше на воздухе, получать больше космической энергии. А в домашних стенах человек менее подвержен влиянию космоса.

– Влияют и мертвые люди, они тоже нуждаются в энергии, – вставил слово экстрасенс из Кургана.

– Человек начинает жить с утробного состояния, по мнению японцев, – продолжал Борис Александрович. – У них отмечается год и месяц не рождения, как у нас, а зачатия. Мать не должна оказывать сильного влияния на ребенка после его совершеннолетия. Она не даст тогда ему жить своею жизнью. Что он подсматривает, подслушивает за взрослыми, тем он и должен жить.

– А подлинное поле вы не чувствуете? – спросила Юля. – Все стали нащупывать рукой?

– Какая вы, однако, и матушка? – остановив руку Ольги на груди Юли, сказал Борис Александрович. – А я и не знал.

Он занялся консультацией Ольги в другой комнате, а потом Ольга занялась опять Юлей.

«Не хочет упасть в моих глазах, – подумала Юля. – Поэтому сам и не стал работать со мной».

– Надо было бы договориться с Борисом Александровичем, когда снова приезжать к нему, – сказала Юля Андрею потом по телефону.

– Жаль, что он не смотрел вас, – замылся Андрей.

– Ну, он сказал, что надо приехать через месяц, – уточнила Юля.

– Лучше показаться в двадцатых числах – это важный период, – сообщил Андрей.

В следующее посещение к Борису Александровичу они обменивались полями и делились опытом и наблюдениями, и говорили с экстрасенсом, как будто посвященные, и понимали друг друга с полуслова.

– Не полетит Шаттл, – сказал один из экстрасенсов. – Умерли два дублера. Один – при загадочных обстоятельствах.

– Лучше бы вообще отказаться от полета, – сказал Борис Александрович, – чтобы не осрамится там, – он указал на небо. – В космосе.

Они говорили так, что Юля не могла определить – блефуют они, или на самом деле чувствуют космическую силу. А Борис Александрович говорил о галактиках, на которые люди сейчас сильно влияют.

«Какой бред! – решила Юля. – А мы, интеллигентные образованные люди слушаем этих простаков да еще верим в их магическую способность исцелять».

Потом сотрудница по институту Света показала Юлю знахарке. Бабка водила, водила руками вокруг маковки Юлиной больной головы, шептала-шептала молитвы, сплюнула три раза, и, задохнувшись от напряжения, велела от сглаза – на перекрестке дорог в 12 часов ночи выбросить специально купленную расческу и новую ленту. Она объяснила Юле, что знахарки не могут перенести злого духа на другого человека, хотя так изгнать его проще. Поэтому они изменяют процесс таким образом: кто поднимет расческу или ленту, на того и перейдет этот сглаз.

Узнав от Юли это колдовство, Романов рассказал ей, что в юности его мать водила к такой знахарке. Тоже лечила от головной боли. Знахарка машет над его головой руками, а сама стонет. Мать ее спросила, что у нее болит. Она неохотно ответила – голова болит: мол, боль от больного к ней перешла. А Ро-

манов подумал, если бабка себе не помогает, как она может его вылечить от головной боли. А потом бабка-знахарка дала матери новую расческу, расчесав ею с молитвой голову Романову. И велела выбросить эту расческу на перекрестке дорог. Романов ходил с матерью поздно вечером искать перекресток дорог за городом, и там бросили, перекрестившись, эту расческу. Головные боли знахарка не вылечила. Но с тех пор Романов, видя оброненную расческу на дороге, вспоминал это колдовство и с опаской обходил ее стороной.

Подруга Юли по работе Наташа Шамхалова, приехавшая из Среднего Урала в 32 года, заинтересовалась болезнью Юли. Она быстро влезла в ее доверие в Институте Вселенной.

– Не может быть, – сказала она Юле, – чтобы вы, такая цветущая, – так заболели. Что-то это странно. Даже не думайте о том, что можете помереть.

И предложила помощь знаменитой целительницы, доктора мануальной медицины, с условным именем Катя. За короткое время она нашла в институте хорошего парня и вышла третий раз замуж. А из-за бытовых условий, вынуждена была уволиться. Но про обещание не забыла.

Глава двенадцатая

Наташа попросила свою знакомую Свету привести Юлю к целительнице Кате. А Свету к ней направил какой-то знахарь-дед. «Пока гавно сохнет, пусть мой враг сдохнет», – сказал он одному пациенту – и сосед пациента умер. Этим и прославился.

– Света знает, кого посоветовать, – уговаривала Юлю Наташа. – Света рассказала, что Катя по ночам занимается общением с духами, которые вселились в ее клиентов. Начинает с ними переговоры, торгуется.

По словам Светы, целительница Катя – не знахарка. Для неё, колдовство с лентой – цирковой трюк. У Кати абсолютная уверенность в излечении.

«Когда я первый раз к ней пришла, – рассказывала Света, – у меня на лице был синяк, я плохо выглядела. Муж пил и бил. Хотел к другой женщине уйти. А мне было тридцать два года, я работала бухгалтером. Надо всё время общаться с людьми – а я с синяком под глазом. И вот Катя вызывает духа, выгоня-

ет его, а он её по лицу ударил. При мне у нее на лице появился синяк. Я обалдела! Хотя не раз слышала, что знахаркам достается от духов». Катя пообещала, что за 300 рублей мужа вернет».

– Ну, и что с мужем? – спросила Юля, чувствуя, что Наташа замолкла.

– Все в порядке, бросил пить, – ответила она.

Юля слышала много похвал и благодарностей Кате, поэтому согласилась обратиться к знаменитой целительнице.

Наташа с фотографией Юли пошла на прием. «На разведку боем», как она любила выражаться.

Когда Наташа разговорилась с женщиной, дожидаясь своей очереди, та сказала: «Гадает она очень хорошо, а лечит хреново». Катя гадала Наташе о Юле (с Юлиной фотографии), «предупредив» карты, что пойдет речь о Юле, а не о Наташе. Катя долго смотрела на фотографию и сообщила:

– Она хороший человек, умный, но очень больна сейчас. Это болезнь не от Бога, а от плохих людей.

– Кто ее мог сглазить? – спросила Наташа. – Она же не человек, а ангел.

– Передача сглаза произошла от страшной беременной женщины цветущей невесте, – сказал Катя. – Они даже разговаривали за столом. На свадьбе эта страшная беременная гостья, вся в матежах на лице, переставила свою рюмку на место рюмки радостной невесты. И то, что сделали колдуньи на беременную, передалось с вином невесте.

Катя просила передать, что так была наведена порча на Юлю, но если она встретит на пути больного человека, то он поможет Юле вылечиться.

– Вы вовремя обратились, – сказала Катя. – Она на пороге стоит. Как она выглядит? – спросила она.

Наташа сказала, что у Юли синий цвет лица после аллергии, большие глаза, мутные, зрачки не просматриваются, и волосы не лежат, а торчат в разные стороны. Когда хорошо чувствуешь – и волосы хорошо лежат. Вымоет голову – не промываются.

– Плохо выглядит, – сказала Катя.

Наташа до этого долго не видела Юлю. А та три месяца плохо себя чувствовала и не хотела, чтобы ее новая подруга Наташа приезжала. Никого не хотела видеть.

А когда Наташа приехала, увидела Юлю и обмерла, так была потрясена внешним видом Юли. Поэтому и решила срочно поехать к Кате. А как может выглядеть уже присыпанный землей человек, одной ногой в могиле? Плохо кончит не сегодня – завтра.

Наташа потом докладывала Юле:

– Катя могла подумать, что ты, на фотографии, – моя соперница. Но не подумала. А вот как она могла понять, что эта цветущая женщина на фотографии – сейчас больная?

А Катя спросила: «После гадания будете лечить? За 500 рублей».

Наташа кивнула, и Катя согласилась лечить.

Юля считала, что такие экстрасенсы, как Катя, как Ванда, как Глоба, – это разные роботы хозяев Земли, инопланетян. Робот все знает. Он может даже управлять событиями. Но все же на уровне робота, а не хозяина. Он знает, что делать и когда, но не знает, почему и чем кончится.

Катя предупредила, что отдает в работу эту фотографию Юли, это значит, что ей будет заниматься не одна она, а целое общество экстрасенсов. Наташа не испугалась, отдала фотографию Кате и обещала ей, что деньги 500 рублей привезет ей завтра.

Катя сказала, что за болезнь они не берутся, болезни – дело врачей. А порчу Юле сделали из зависти – это можно снять. Вселили злой дух, надо его выгнать из организма.

– Гадость изгонят из тебя, – так выразилась Наташа, улыбаясь Юле. – Все лечение в этом.

Катя дала Наташе откупоренную бутылку вина, предупредила, закрывать каждый раз пробку, чтобы заговоренное вино не выдохлось. И велела пить на ночь по полстакана.

Когда Наташа разговорилась об этом со Светой, та ее спросила:

– На воде или продуктах?

– Мне на вине, – ответила Наташа.

– Они все время ставят в церкви свои бутылочки и в это время шепотом читают молитвы. Мне она давала бутылочки с водой.

Юля в метро еле держалась первый раз, когда поехала к Кате в Салтыковку. Потом месяц ездила в метро с мамой. Мама жаловалась на ноги, поэтому решила выходить из метро с другого перехода, где нет ступеней, а подъем на выход по эскалатору. Рань-

ше Юля сама доходила до дома. А сейчас смотрит на эскалатор вверх и вниз и понимает, что одна она не выберется. Вот и попросила мать сопровождать ее. «Ну ладно, – согласилась мама, – только из легкого выхода пойдем, по эскалатору». – И стала сопровождать Юлю. А сама злилась, что болезнь у дочери из-за этого чертового Романова.

Юля долго думала, что болезнь ее из-за мелькания в глазах. Но заметила, что ей бывает хуже не из-за этого, а от врачей начинается самый настоящий падеж. На что Катя ей сказала: «Врачи же не знают, что с вами...». Вот и весь диагноз.

Юля догадывалась, что Катя каким-то образом общается с Хозяевами биопарника. Может быть, когда спорит с духами. Или когда ставит бутылочку с зельем в церкви у иконы.

После месяца лечения Катя успокаивала Юлю:

– У вас всё еще хорошо. Некоторые люди по десять лет мучаются.

На что Юля ей призналась:

– Даже вылечившись завтра, я уже не смогу восстановить свое состояние.

Наташа Шамхалова пришла к Юле на Белорусскую улицу, послушала ее жалобы и сказала:

– Ты не всё делаешь, что тебе велят, поэтому и не помогает лечение.

– У меня было одно несчастье, – ответила ей Юля, – а теперь два – так меня накрыла Катя на четыре тысячи. Люди, которые ходят к Кате, заказывают музыку – это убийцы.

Бориса Константиновича Юля уже боялась навещать. Болезни исказили его образ до безобразия. А Юля берегла того, кого любила. Он не звонил. И не знал, что Юля заболела. А когда узнал, что она вышла замуж, у него челюсть отпала. Он потерял тот спасательный круг, за который держался изо всех сил на этом свете.

Юля поняла, что пощады не будет, когда узнала: Страшилу прооперировали, сначала в нейрохирургическом институте, затем в институте имени Бурденко. Об этом сказал отец Алексей Иванович, вернувшийся из очередной командировки: «Они сказали – он не работает, а сейчас он умер...». Большого от отца ни жена, ни дочь не допросились.

«Они не пощадили его, потому что он обо всем рассказал мне, – решила Юля. – Для них он – вирус. Таким же вирусом могла стать и я, рассказав о парнике Романову. Только все ему не говори, пока тебя не прикончили!».

У Юли была одна надежда на спасение, что опасным вирусом для Хозяев является такой высокий интеллект, как Борис Константинович. Высокий и неуправляемый. А Романов – не талант, да и вряд ли может написать такой сложный рассказ человек, который сочиняет посредственные стишки в нерабочее время. И потом Романов – трус. Они его припугнут, и он завянет. Единственное, что можно сделать, чтобы отомстить Хозяевам за Страшилу и за себя, это если сама продиктую Романову весь рассказ.

«Если для хозяев жатва – интеллект, бессмертная душа человека, то, может, они – доверенные Бога? – засомневалась Юля. – Тогда Парник не противоречит нашим религиозным представлениям. Кажется, начинается мое помешательство...».

У Юли в течение месяца безуспешного лечения был уже задуман план достойного финала борьбы с необоримыми Хозяевами Парника. Её надоумил Шекспир своей печальной повестью «Ромео и Джульетта». Ремейк этой драмы Юля уже мысленно набросала.

Чтобы спастись от домогательства жениха Париса (Борис Кунашев), Джульетта (Юля) обращается к священнику Лоренцо (Кате), который тайно повенчал Ромео и Джульетту, за советом. Иначе ей придется убить себя (не сопротивляться болезни). Лоренцо предложил Джульетте – выпить зелье, которое приведет ее к летаргическому сну.

Принимая зелье, Джульетта боялась очнуться раньше в гробу, чем придет Ромео. Ей страшно. Она боится задохнуться в склепе или от страха сойти с ума.

Брат Лоренцо говорит родителям у ее одра: «В милой деве имели долю вы – и небеса. Но вся она теперь досталась небу» (Хозяевам Парника).

Юля взяла с тумбочки у кровати томик Шекспира и открыла пьесу на закладке, читая про себя бессмертные строки драмы. И продолжала размышлять.

Входит Ромео, видит «умершую» Джульетту (о ее смерти он узнал от подружки Наташи), убивает вздыхающего у гроба Париса (Страшилу уже убили, вскрывая череп), выпивает яд (отдает издателю записанный им раньше под диктовку Юли рассказ о Парнике), и, поцеловав Джульетту, умирает. Входит Лоренцо, Джульетта уже проснулась. Услышав шаги стражников, Лоренцо скрывается (Катю спасут большие связи, даже в Кремле), а Джульетта отказалась бежать.

Она, увидев мертвого Ромео, говорит: «О, жадный! Выпил все и не оставил ни капли милосердной мне на помощь» (в рассказе он написал всю правду о Парнике – до конца, за что и поплатился). Она целует Ромео в губы и, заколов себя кинжалом, падает на труп Ромео. Монаха Лоренцо хватают стражники (Хозяева Парника, конечно, расправятся и с издателем). Над погибшими герцог (робот Хозяев Парника) сказал Монтекки и Капулетти: «Вас бич небес за ненависть карает, лишив вас счастья силою любви» (Юля и Романов останутся в памяти людей жертвами правды о Хозяевах неба, которую открыли миру).

– Надо повторить эту печальную «повесть о Ромео и Джульетте», – захопнула книгу Юля и, повернувшись на бок, решила заснуть, чтобы не видеть измучившее ее постоянное моргание.

Задумав это, Юля делала всё, чтобы Романов не стал функционером – и его убрали с должности. Она постоянно просила, чтобы он водил ее не лечение в рабочее время. Она не отпускала его в командировки. Долго находясь на больничном по состоянию здоровья, она сама лишилась высокооплачиваемой должности в Институте Вселенной. Юле не давали инвалидность, так как не могли поставить диагноз – причину ее слабеющего здоровья. Юля сама ушла с работы из Института Вселенной, и съехала с квартиры Романова к родителям на Беговую улицу. А родители не жаловали Романова, и каждый его приход кончался стычкой с матерью Юли. Новости из Института Вселенной продолжал приносить отец Юли.

Глава тринадцатая

Всех в эту «перестройку» сгоняли с мест. Юля не хотела, чтобы Романов был начальником, потому что при такой нагруз-

ке на работе, он перестал писать даже стихи. Романов же думал, что Юля ревновала его к престижному своему институту, поэтому и не противился перейти на другую работу. И перешел в Главный вычислительный центр (ГВЦ), даже с большим окладом – 400 рублей.

У Романова, по просьбе Юли, появилось дело – написать рассказ о Парнике. Он не верил в мифическую причину смерти Бориса Константиновича, считая, что у Страшилы был просто рак мозга. Поэтому пытался собрать аргументы против этого мифа, которым была заражена и Юля, со своими нервными срывами.

– Прочитай, насколько это все серьезно, – сказала Юля, протянув Романову газету «Известия» за 5 апреля. Стас вечером не только прочитал, но и записал интервью с академиком А. Спириным «О совести человека в колбе» – о проекте «геном человека».

«...Я всю жизнь работал над тем, что не давало мне ни хлеба, ни силы – по тому, что был уверен: в будущем мои работы принесут людям горы хлеба и бездну могущества». Так формулировал Циолковский свою высокую позицию. В его эпоху казались естественными и бескорыстие, и человеколюбие ученых. Пока не взорвалась атомная бомба, на науку человечество надеялось. А теперь, чем выше ее успехи, тем с большим страхом всматриваются в них люди: не новым ли взрывом это обернется.

«Такой страх теперь мучает и Юлю?» – подумал Романов.

Сейчас наука создает возможность в искусственных условиях вырастить искусственно полученного человеческого эмбриона. Он может быть результатом скрещивания генов любых не знакомых друг с другом людей. Казалось бы, что плохого? Победим бесплодие, все смогут стать родителями... Но при нормальных обстоятельствах мозг ребенка формируется в чреве матери. И ее эмоции воздействуют на развивающийся эмбрион. Миллиарды лет пестовала природа такой механизм. А наука самонадеянно отменяет его?

Теперь другое: отрабатывается технология клонирования. Значит, можно получать не просто «человека в колбе», а целые армии (клоны) близнецов с заранее заданными свойствами... Такова логика развития идеи? В ней нет места этике? Но без императива этики индустрия жизни столь же чудовищна, как индустрия смерти.

– Считывают весь геном и могут обернуть это против человечества? – начала спор Юля на кухне.

– Но человек – не морковка, – продолжая ужинать, ответил Романов. – Еще в зародыше клонирование. Овечка Долли быстро состарилась и подохла. А многие развитые страны запретили клонирование законом.

– Может быть, это Хозяева Парника подбивают ученых на развитие технологии клонирования! – размышляла вслух Юля. – Я читала, как происходит процесс клонирования у животного.

– Расскажи.

– Сначала у материнского организма берут яйцеклетку, из неё удаляют гаплоидное ядро. Одновременно из органа или ткани изолируют какую-нибудь клетку, например, клетку кожи. Из неё вынимают ядро и переносят в яйцеклетку с удаленным ядром. Таким образом, получают яйцеклетку с диплоидным набором хромосом, то есть клон, похожий на зиготу. После инкубации яйцеклетки в термостате начинается её деление, и образуются ранние эмбрионы, которые переносят в подготовленную ложной беременностью самку животного. А сколько опытных образцов гибнет – не сосчитать! Но клонирование проводят в основном предприниматели сельского хозяйства. Еще, наверное, с библейских времен. Только модное слово клон появилось недавно. Скотников прельщает то, что многолетний процесс отбора и размножения ценных животных можно заменить клонированием. Оно позволяет на порядок ускорить селекцию животных и сделать невиданный скачок в темпах распространения ценных пород животных.

– Но человечество полно иллюзий получения копий гениальных людей, возрождения случайно погибших родственников или воспроизведения своих далёких предков, – сказал Романов. – А Хозяева Парника, тем более должны этого хотеть, поэтому и лоббируют исследования по клонированию людей.

– Пока клонируют любимых домашних животных. Недавно появилось сообщение, что на выставке кошек города Нью-Йорка были представлены две кошечки с кличками Табули и Баба-Гануш. Котенок Табули был клоном матери и стоил 50 000 долларов. И на любви к животным можно прилично заработать, – фыркнула Юля. – Я скажу больше, у моей подруги муж отдал

за большие деньги в какую-то фирму в банк свою замороженную сперму, на случай, если кто-то из их семьи заболеет, чтобы можно было использовать ее для создания необходимых клонов стволовых клеток.

– Очередные мошенники... – рассмеялся Романов. – Сейчас поднялся шум после смерти от рака знаменитых артистов, которые хотели лечиться за рубежом с помощью стволовых клеток, – сказал Романов. – Мне рассказывал знакомый биолог: только первоклассные специалисты, которых единицы в мире, могут лечить стволовыми клетками. А берутся губить людей чуть ли ни в каждом косметическом салоне. Да, казалось бы, прогресс налицо – человек сумел оторваться от Земли, может продолжительное время жить в космосе, многие ученые и космонавты вкусили полноту славы, а вместе с ними – и человечество. Но земляне все-таки пока слабы в познании самой жизни. Слишком крепко природа хранит свои тайны

– А как верить в силу разума, если другие, высшие силы не имеют человеческого разума? – завела свою песню о Парнике Юля. – Они дали человеку ответ на вопрос – в чем смысл его жизни. Смысл в том, что человек отдает свой интеллект, как биоэнергию более высокой цивилизации.

– Какую ценную биоэнергию? – спросил в недоумении Романов (что-то новенькое она сказала о своем Парнике). – Мозг вообще сразу за девять дней гибнет. И не такой у нас высший интеллект, если только наши пять чувств дают ограниченность нашим приборам. А у кита, например, есть и диапазон волн другой – ультрафиолетовый и инфракрасный. Свои особые чувства есть и у летучих мышей, и у дельфинов, а у нас – нет.

– Если хочешь знать, – возразила Юля, – о большей части своей работы мозг даже не сообщает нам. А на пересечении разных миров, которые мы воспринимаем только пятью процентами нашего мозга, возникают конкретные непонятные явления – предсказания, провидения, гадание. Считай дальше – парапсихология, гипноз, телепатия, биоритм, биополя, термополе, чтение мыслей на расстоянии, озарения...

– Рембо, набравшись гашиша, – подхватил Романов, – видел в наркотическом состоянии озарения совершенно другие экзотические миры. И писал о них в своих «Озарениях», – все это другие миры, параллельные. – Романов вскочил из-за стола и по-

бежал в комнату Юли, принес оттуда на кухню свой дневник и сборник Артюра Рембо, полистал его и сказал: – Вот озарения Артюра Рембо из «Детства»:

«С желтой гривой и с глазами черного цвета, без родных и двора, этот идол во много раз благородней, чем мексиканская или фламандская сказка; его владенья – лазурь и дерзкая зелень – простираются по берегам, что были названы свирепот звучащими именами греков, кельтов, славян.

На опушке леса, где цветы сновидений звенят, взрываются, светят, – девочка с оранжевыми губами и с коленями в светлом потоке, хлынувшем с луга; нагота, которую осеняют, пересекают и одевают радуги, флора, моря...»

– Какая-то абстракция, – хмыкнула Юля.

– У меня тоже написаны в юности потуги озарений, потуги потому, что я не имел никогда гашиша, – Стас раскрыл свой дневник. – Вот, послушай.

ЗАСТУПНИК

Над сторбленным сознанием моим
Дамоклов меч заносит лжец проворный.
С щитом иль на щите, но не покорный,
Я выйду из соревнования с ним.

И правдолюбец – старый пилигрим
Судьбу мою на верный путь направит.
Но знаю, никогда мне не потрафит,
Посмей слукавить я иль увильнуть.

Он маску лжи тот час с меня сорвет
И, нагишом, представит на смех маскам.
Израненным эмоциям и ласкам,
Как Прометей, я потеряю счет.

И пилигрим, единственный мой спутник,
Откажется мне струпя врачевать.
А друг и недруг будут корчевать
Во мне святую заповедь: «Заступник».

Какая ж наименьшая из бед?
И душит маска и гнетет Спаситель!

Не дремлет только Вечный искуситель,
Чаруя свой трепещущий обед.

И Романов стал вспоминать, что связано с посторонним вмешательством в его жизни. И первое, что пришло ему на ум, было его стихотворение «Террариум». Оно сначала занимало две страницы, потом осталось два четверостишия, из которых важнее и удачнее последнее:

Полить забуду – засуха стоит,
Чуть дрогнет лейка – всюду наводнение,
Поправлю дёрн – уже землетрясение,
Вздохну глубоко – буря налетит.

Юля читала стихи Романова, в том числе и это. Но неизвестно, повлияло ли ассоциативно на нее это стихотворение на ее версию? Или об этом она думала и раньше? Интересно другое. Большой детский писатель, с которым Романова познакомил один начальник, из всех прочитанных стихов отметил только этот «Террариум». И прочитал наизусть именно это четверостишие.

Потом Романов вспомнил другое свое стихотворение:

Я ощущаю, мама, жизнь твою,
В разлуке чувствую твои тревоги.
Ведь я из той же плоти состою,
Одни и те же нас питают соки...

Образ губки – сцепление судеб через родственные связи – семьи, рода, народа, землян, – так метафорически представлял он замысел этого стихотворения. Все человечество – губка. И каждый другому – родня через 10ⁿ поколений...

Ведь это Романов написал давно:

У сына моего такой же нрав.
Я самочувствием его пронизан.
В семье, как в дереве, любой сустав
Живет одним, единым организмом.

Единая семья – весь мой народ,
Землю и судьбою породненный.
И дни его побед, и дни невзгод
Я с чуткостью встречаю обостренной.

У Романова таким связным является его мать. Она страдает головной болью. Чувствует, что-то случилось с Романовым на расстоянии, и любит повторять: «Материнское предчувствие никогда не обманет».

Чтобы пробудить свою память, Романов стал читать книгу Фрейда, которую, видимо, читала Юля, потому что книга лежала на тумбочке у кровати. Нашел подчеркнутые кем-то фразы. Наверное, она подчеркнула. Из одного абзаца понял, что подсознание живет в другом мире, который, может быть, охватывает весь путь от начала до конца жизни (одновременно). Поэтому до человека иногда доходят предчувствия. Подсознание не дает выражения осознания явления и вещи. Выражается иногда символами и сенсообразами в сновидениях, – считает Фрейд.

Почему-то эти размышления напомнили Романову о нирване Будды.

Прочитав в юности ксерокопию одной книги о буддизме, Романов стал видеть и слышать, насколько неожиданно проникли эти идеи в сознание людей. В стихах и прозе современных авторов Романов узнавал отголоски учения Будды. Люди безропотно молча про себя ждут нирвану – жизнь вечную. А что это такое – Хозяевам парника известно.

Романов вспомнил, что открыл закон: «Шум предстоящего события». Так, электричка в метро, прибывая издали, сначала обвеивает тебя ветром из тоннеля, потом раздаётся ее шум издали, и, наконец, с грохотом приходит на станцию. Так и другое событие проявляет предварительные признаки при его приближении, вплоть до того, что вызывает предчувствия. Например, предчувствие беды. А оказывается это – шум предстоящего события.

С этим Романов и заснул.

Глава четырнадцатая

Утром Юля сидела на диване и раскладывала на картах пасьянс. А сил нет. Попросила Романова: «Посиди со мной, помоги». Он сел, пытался помочь, а она и сидеть не могла.

– Ты сказала о гипнозе, и я вспомнил одного судмедэксперта, который меня пытался лечить гипнозом, когда меня мучили головные боли. Правда, он долго не мог меня загипнотизировать, но однажды все-таки смог и был очень рад. Пойдем к нему, если он нас примет.

Юля согласилась. И Романов опять обратился к судмедэксперту Александру Николаевичу. Он рассказал ему о своей жене Юлии, не открывая тайны, просил полечить ее от головных болей, или от расстройства нервной системы. Юля потом сама приходила к нему, приняла несколько сеансов гипноза. Когда она приходила к своему часу в его кабинет, перед ним стояли в ряд десятков маленьких пузырьков, из которых он шприцом через резиновую пробку вытягивал какое-то прозрачное лекарство и сливал в общий большой шприц. Извинялся за то, что не успел сделать это раньше и рассказывал различные эпизоды из своей врачебной практики. На психику больного, видимо, действовали эти пузыречки и то лекарство из большого пузырька, которое врач вводил в вену Юлии. Через какое-то время она засыпала, а проснувшись, чувствовала бодрость, собиралась и отправлялась домой. Много денег за сеанс он не брал.

В один прекрасный день психотерапевт при встрече рассказал Юле о том, что был в Токио на международном семинаре медиков, обсуждающих достижения практикующих врачей в лечении рака. Продолжая вытягивать лекарства из мелких пузырьков в общий, судмедэксперт включил диктофон, на котором были записаны доклады участников семинара. Расхваливал японский диктофон, который фиксировал даже шепот. Запись была ясной. Понятным было только выступление какого-то профессора на русском языке. И Юля запомнила, что если у человека обнаружен даже рак мозга, он может с ним прожить около тридцати лет. Только все, от врача, до родственников не должны нагонять на больного страхи, а помогать ему отвлекаться от мрачных мыслей, жить полноценной жизнью и укреплять свой организм, повышать иммунитет и, конечно, постоянно лечиться. Профилактика других болезней и выполнение лечебной программы позволяют больному так долго жить. Юля поверила, что это главная помощь ей этого психотерапевта. Тридцать лет можно жить!..

А Александр Николаевич, встретившись с Романовым, только сказал, что ни о каком Парнике она во время сеанса гипноза не говорила. Это означает, что его нет. Надо попить транквилизаторы и больше отдыхать, лучше – на море.

– Нет ничего в уме, что раньше не было бы в ощущении, – сказал судмедэксперт.

– Я в сочинении Федорова прочитал подмеченные слова Аристотеля: «Мы знаем только то, что сами можем сделать», – заметил Романов, а я думаю, так: всё, что человек может придумать и сфантазировать, – он может и сделать. Значит, если бы не было проекта Парника, Страшила не смог бы его придумать.

В ноябре Юля еще неплохо чувствовала себя. Хотя эмоционально была больна. Выйдешь на улицу, хочешь тут же побежать, да приходится подождать, пока восстановится дыхание. Откуда она знала, как и что в ней происходит. Юле в десять раз было хуже, чем человеку с ее врачом диагнозом – дистония. Но у Юли были еще силы, и она думала, что идет процесс выздоровления. А потом поплохело.

Вот сегодня и собрались отвезти Юлю на машине в институт «на компьютер». Она оделась, подкрасилась. Мать с отцом ждут, сидя на кухне, а Юля должна лечь, хоть на пять минут. Прилегла на диван – не может подняться, как будто ее придавили. В институте тоже сидели перед кабинетом и ожидали приема с другими пациентами. Юля смотрела на них и думала: «Им всем легче, чем мне. Только на силе воли держусь в вертикальном положении, за счет того, что молодая и сильная. Ни минуты нет свободного состояния. От этого – и нервы, и мелькание в глазах, и страшное напряжение. Даже желудок стал болеть на нервной почве».

Она все же решилась рассказать подробно о своей тайне Романову, и то не всё. Но он не принял этот миф. А ей нужно было рассказать о тайне в художественном произведении. Сначала она подбрасывала Романову идеи рассказов на другие темы, проверяя, сможет ли он писать прозу. Он загорался, но ненадолго. Правда один рассказ всё же написал и даже опубликовал в журнале «Фантастика для всех». О том, что всё в мире постоянно разрушается, распадается, а человек пытается склеивать и задержать распад. В рассказе была и наглядная идея: Галактика, как калей-

доскоп в сфере, – из одного конца высыпается, на другой – ссыпается по сфере. Вот поэтому и говорят о разбегании галактик и о сжатии галактик. Но все у него получилось пока зыбко и коряво.

Но Юля подбадривала писателя и подбрасывала ему новые сюжеты.

– Жизнь на планету пришла из космоса, считают некоторые западные ученые, опираясь на данные, которые принес из глубин Вселенной зонд «Джотто», – сообщила однажды Юля.

– Я уже читал, – ответил Романов. – Твой Пчелкин из Института Вселенной напечатал в «Советской культуре». Не один Фред Хойл поддерживал гипотезу разумной Вселенной.

«Теперь смогли объяснить, каким образом в холодном межпланетном пространстве могли произойти химические реакции, в результате которых могут появиться органические соединения, дающие начало живой природе. Кометы – это своеобразная лаборатория органической химии. В них могут рождаться молекулы, способные дать начало биологической эволюции. А сами кометы способны разносить эти соединения в самые удаленные части нашей галактики и оставлять их на разных планетах, считает Кристино Баталли-Космовичи», – прочитала Романову из газеты Юля.

– Я был в детстве в Астраханском заповеднике, – прервал ее Романов, – и узнал о таком же явлении из истории появления лотосов в Астраханском крае. Ведь их родина – Индия. Оказывается, семена лотосов переносятся перелетными птицами в желудке, который не справляется с перевариванием этих крупных стойких семян. Цапли и принесли семена лотосов в Астраханский заповедник.

– Это скорее миф для гидов заповедника, – остановила мужа Юля. – Вот и наш Пчелкин дал свой комментарий к этому сообщению о «Джотто». Одно дело занос живых организмов, бактерий на Землю из космического пространства, и совсем другое дело импорт органических соединений из комет.

– И в случае с семенами лотоса, – согласно кивнул Романов, – не все ясно. Сколько птица летит, огибая половину земного шара из Индии до Астрахани, все семена по пути потеряет. Единственно возможный вариант, если цапля подохнет в заповеднике, и застрявшее в утробе семя освободится от сгнившей птицы.

– Да, – согласилась Юля. – Даже если кометы принесли на Землю значительное количество органического материала для образования атмосферы и океанов Земли, это не решает проблему возникновения жизни на Земле. Вот Парники, дело другое. «Джотто» просто установил наличие сложной органики в кометной пыли. Однако открытие полиоксиметилена не дает оснований считать, что проблема жизни решена. – Она пощекотала подбородок мужа и ласково пропела: – Вот и напиши рассказ о том, что Журавль мог принести не только ребенка, но и жизнь на Землю. И назови «Журавлиная нива».

Жизнь давала все новые доказательства активности иной цивилизации на Земле.

– Сейчас над Парижем летают неопознанные самолеты на высоте всего триста метров, – сказала Юля пришедшему домой после работы Романову. – Ты слышал? Радары их не берут. Полиция поставлена на ноги. Считают, что это хулиганы...

– Что это пришельцы! – передразнил Романов. – А это новое оружие – беспилотники дроны, сказали мне ребята на работе.

– Фантастика! – удивилась Юля. – Мы в свое время собирались подобные аппараты запустить вокруг Марса для фотографирования его поверхности.

– Вся фантастика – это будущий секретный проект, который станет явью. Как, например, «Гиперолоид инженера Гарина» – стал современным лазерным оружием. Что-то есть хочется, – пошел он на кухню.

– Ужин готов, садись за стол, – пошла за ним, пошатываясь, Юля. – А твой рассказ? Думаешь?

– Думаю, – начал есть тушеную курицу Стас. – Это всего лишь – идея. Причем даже не художественная, а информативная.

– Пусть так, а ты напиши рассказ, – требовала она. – Зато какая могучая информация! Исчерпав, может быть, источники на своей планете, они направились за ними на Землю. И в ее условиях «зародили жизнь» – как источник биоэнергии. Стали Хозяевами Земли. Люди им нужны как энергия интеллекта. Экспериментируя с геном, они изменили ДНК и получили человека, интеллект которого способен развиваться (энергия возрастает по качественным показателям). Эту энергию они снимают как урожай и заряжают свои биомашинны для собственных нужд.

– Ну, это же фантазия для детей, – улыбнулся упрямый Романов. – Вот если бы мы восстали против них и объявили им войну, – размахивал Стас вилкой (так и лезет этот Плебс с вилкой из него!). – Но все это надо показывать картинками, а не сообщать голословно.

– Ищи идею, сюжет, всё, чего надо.

– Но я же не фантаст, – оправдывался доморощенный писатель. – И, по-моему, об этом уже было написано.

– Этого не было, – холодно сказала Юля. – Вечно толком ничего не знаешь, а стараешься унижить других своими «по-моему». Думай! – буркнула Юля и ушла с кухни, закрыв прыгающие глаза.

«Ничего он не сможет написать, – размышляла она. – И поэтому останется для них не опасным. И не умрет».

Так, Романов и роковые 37 лет проскочил, увернувшись от смерти. Нет, это далеко не Пушкин. Хотя, вроде, Стас умирал в 25 лет, судя по его обмолвкам. А уж в 25 лет он вообще ничего не представлял из себя, а для Них – тем более. Он и с пьесой о Пугачеве медлит – боится, что после нее от напряжения сойдет с ума. В нем работает какой-то инстинкт самосохранения. Он вообще старается соблюдать технику безопасности в поддержке своего здоровья. Соблюдает режим, диету. Много не пьет, бросил курить. И прикидывается дураком со своими никому не нужными стишками. Доволен, что драматическую поэму «Иван Болотников» написал. Значит, не зря жил. Если бы он знал, для чего он жил, и для чего вообще люди живут!..

Глава пятнадцатая

Пусть мелькает в глазах, но сломить ее не удалось. Юля решила открыть тайну Романову. Он напишет о них – и этим она рассчитается с ними за себя, и за Страшилу. И вообще за всех людей на Земле, в том числе и за родителей.

Явная задача – дать сюжет рассказа мужу-писателю, чтобы поднять его вес, как писателя. А тайная задача – проверить, насколько правомочна и опасна тайна о биологическом Парнике на Земле. А если – правда?

Если Страшила не бредил, а инопланетяне прилетели на Землю, привезли рассаду жизни – в пробирках? И рассадили

людей разных пород (рас, видов), черных, желтых, белых, в зависимости от количества Солнца на каждой стороне Земли? Рассадил по материкам, поэтому и в каждом месте выживают лишь те, кто рожден в этих конкретных условиях. В двухлетнем возрасте малыши детского сада – это и есть всходы той привезенной инопланетянами рассады. А они только прилетали присматривать за ними, нянчились с детьми. Но потом произошла катастрофа. Пылевидные бури затмили Солнце. Началось обледенение. Динозавры вымерли. Вымерли и те, кто прилетели, и многие черенки рассады погибли. Когда же прилетел новый экипаж, через несколько тысячелетий, люди – так назвали инопланетяне выживших из первого детского сада детенышей – были на уровне каменного века. Инопланетяне спрятали банк рассады (цивилизации) Парника в Гималаях под присмотром сторожей из оставленных на Земле от экспедиции инопланетян. От них впоследствии и родились в разные века такие гении, как Ампер, Ньютон, Да Винчи, Ломоносов, Кант, Вернадский и другие.

Внимательно слушая монолог Юли, Романов вставил и свое слово:

– Согласен, однако, может быть, этот банк знаний до сих пор не исчез. Может быть, в Гималаях, Тибете еще живут по тысячелетиям выжившие потомки инопланетян. Вырубив встречала там людей, проживших восемьсот лет, как в Библии. У них на теле стал даже прорастать мелкий мох. Третий экипаж (третье посещение) инопланетян решил все же уничтожить оставшийся вид недочеловеков – каменного века. Поэтому они найдены с дырками в затылках (черепе), и поселил рассаду новых людей в райских условиях. От них и пошли воспоминания каждых народов о богах – родоначальниках.

Следить за развитием Земли прилетают НЛО – дроны.

«В этой версии нет главного – для чего инопланетяне заселили Землю. Идея «Биопарник» – а прилетают за урожаем – интеллектом (душами)?..» – путалась Юля, вспоминая версию Страшилы.

– Я давно читал в нашумевшем тогда журнале «Наука и религия», – спохватился Романов, – что Гитлер верил в богочеловека. Может быть, в таких Хозяев, о которых ты говоришь, живущих где-то в Тибете. Даже секретную экспедицию туда организовывали.

И задавался целью выращивать таких боголюдей из арийской нации, интеллектуалоемких, что ли. Поэтому Гитлер и стал заниматься стерилизацией отсталых людей и уничтожением народов, малоразвитых слабых рас в мире.

– Тебе нужно почитать о генетике и евгенике, – спокойно поставила Романова на место Юля. – Пока ты плаваешь в этих вопросах. – Что же касается Гитлера, то он сам был биоединицей-выродком. Таких злодейских выродков на земле можно по пальцам сосчитать: Бабур, Тамерлан, Чингисхан, Бонапарт, Иван Грозный, Гитлер, Ленин...

– Рассада пыталась помочь Хозяину прополоть грядки биопарника? – ни с того ни, с сего съязвил Романов.

– Если говорить твоим образным языком, – задумчиво сказала Юля, – то эта рассада – сорняк. Так и получилось. Фашизм, как сорняк, загубил огромную часть биопарника на Земле. Но на самом деле я тебе уже говорила, – привстала с кровати Юля. – Война для них, чтобы взять большой запас биоэнергии.

Немного помолчав, размышляя: сказать – или не сказать, Юля, наконец, решилась:

– Тайна заключается в следующем. Люди действительно получены в колбе. Дарвин прав только в эволюции происхождения видов. Но эта эволюция – эксперимент, который проделали пришельцы на земле. Сейчас люди сами стали создавать роботов с искусственным интеллектом, то есть эксперимент с развитием интеллекта биосуществ достиг того момента, когда встает вопрос о безопасности Хозяина (Бога). Так же люди отказываются создавать генного монстра, соединяющего человека с обезьяной, боясь, что неуправляемые монстры могут завоевать и истребить человечество.

– Кажется, человекообезьян создавали в Крыму, при Сатлине, – вставил Романов.

Размышляя над этим, Романов написал стихотворение, содержащее предполагаемый проект хозяев.

Я – РОБОТ

Я – робот, я – робот, я – робот!
На вечность нацелил прогресс.

Что людям дается природой,
Могу заменить на протез.

Я – робот, меняю я – роком –
И внешний и внутренний орган,
И сердце, и душу, и ген,
И выращу клон на обмен.

Я – робот, уперся я рогом,
Чтоб в мире дар жизни не гас.
И вас превращаю я в робот,
И сам превращаюсь я в вас.

Я – робот, любовью от века,
Отца выбираю и мать,
Чтоб работа из человека
Для жизни бессмертной создать.

«Надо, чтобы человек, прочитав рассказ, смог наконец-то ответить на мучавший многовековой вопрос: «Для чего живу?» – размышлял Романов. – Еще в институте сокурсник задавал Романову этот вопрос. Он не знал, в чем смысл его жизни.

Юля возразила:

– Циолковский пытался своими произведениями ответить на вопрос: зачем существует мир, вселенная, космос, человек? А человек, побывав в космосе, сейчас считает, что главная задача – не покинуть свою планету и освоить новые миры, как считал Циолковский, а познать Землю из космоса, использовать космос для улучшения жизни на самой Земле

– А когда Солнце погаснет и Земля погибнет? – спросил Романов.

– Я не говорю, что мечты Циолковского – теоретика космонавтики – нереальны или лишены смысла. Просто всему свой черед, – ответила Юля. – Циолковский уже в первых работах имел мирные и высокие цели: завоевать Вселенную для блага человечества, завоевать пространство и энергию, испускаемую солнцем. Вот тебе, Стас, и ответ на твой вопрос: «когда Солнце погаснет».

«Выходит, Циолковский – атеист, – задумался Романов. – И мы с Юлей – атеисты, хоть и говорим о богах. Надо спросить у Попова, он верующий или нет? Пока это незаметно».

И при встрече спросил.

Хитрый Попов хотел отвертеться и сказал:

– Католическая церковь признала, что человеческое тело произошло так, как рисуется в теории эволюции, а вот душу в него вложил Бог, – но почувствовав, что Романов недоволен ответом, Саша улыбнулся ему: – Может ли быть что-либо более чудесное в зарождении человека? Многострадальный Иов говорил Богу: «Кожею и плотию одел меня, костями и жилами скрепил меня, жизнь и милость даровал мне, и попечение Твое хранило дух мой».

– Не понял, Саша, – ты что, на космос работаешь, а Библию наизусть знаешь?

Попов покраснел, но не сдался:

– Начало материальное в человеке названо в Священном Писании «внешним человеком», а начало духовное – «внутренним человеком», – читал я одного современного Златоуста: – Если внешний наш человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Внутренний человек назван еще духом и душою. – И Попов еще раз по-доброму улыбнулся Романову. – Никто, Стас, из представителей подлинной науки никогда не сомневался в наличии «души». Ее даже пытались взвесить. Спор среди ученых возникал не о том, есть ли душа у человека, а о том, что следует подразумевать под этим термином.

– У тебя есть душа, душевный мой человек, – сказал Романов. – Но я не знаю, что такое дух. О духе условно мы судим только по его проявлению. Так же, как, не понимая, судим об электричестве, магнетизме, и подобных тайнах.

«И не понятно, что Хозяева собирают в свой биопарник?» – тяжело вздохнул Романов, уходя от проповедника Попова.

Глава шестнадцатая

Мы являемся катализатором развивающегося интеллекта. Мы – частицы той энергии, которая нужна существованию космических цивилизаций, находящихся выше нас по развитию. И питаю их своей энергией мозга и эмоций, мы поддерживаем их жизнь. Вот почему уходит на небо душа. Но не исключено, что Хозяева неба, атмосферы духа, имеют над собой, в свою очередь, Хозяев космоса. И эта пирамида власти поднимается до беско-

нечности. Люди фактически – биопочва, биомасса. Но и – биотопливо для космической цивилизации.

– И думаешь, твой пафос навозного червя, – осадила мужа окончательно проснувшаяся Юля, – кого-то обрадует или успокоит? Я жить хочу! И мне плевать на космос.

– Жить, чтобы дольше светить своим врагам? – парировал Стас.

– Но я же их выдумала, – спохватилась Юля.

– Юля, не юли! – помахал у нее перед носом указательным пальцем Романов. – Все, что человек может выдумать, существует на самом деле. Это мы уже говорили. Просто иногда требуются уточнения и время для осуществления или открытия задуманного.

– Ты и вправду веришь в них? – ухмыльнулась Юля... И исчезла.

– А почему бы и нет? – поперхнулся Романов, испугавшись галлюцинации. – Что, они уже начали мстить за разглашение тайны?

Но Юля со смехом вылезла из щели между ковром на стене и кроватью:

– Я упала с кровати, помоги мне...

Вытаскивая провалившуюся жену с одеялом на кровать, Романов подумал:

«И все-таки этот рассказ я буду писать так, как будто рассказчик все время скрывает тайну, и, может быть, даже не открывает её, спасая свою шкуру».

А Юля подумала, что Романова тоже признают вирусом. Он стал намного слабее, вытаскивая ее на кровать. Ну и что? «Он уйдет со мной. Пусть. Как ушел Ромео за Джульеттой, если он думает, что любит ее. Главное, что она считает себя Джульеттой. Пусть в два раза старшей, если не больше».

А вечером диспут продолжился.

– Ну, и что толку, что мы напишем о них рассказ? – удрученно спросил Романов после ужина. Он был рад поспорить, пока не было ее родителей дома, где-то загостились. – Если все это правда, все равно их бесчинство и цинизм будет продолжаться.

А может быть, и Земля скоро погибнет по их милости. Как сказано в Библии, Апокалипсис грядет...

– Годы уже не совпали с пророчеством, – перебила его Юля. – Я поняла, для чего рассказ, – оживилась она. – Разглашенная тайна о Парнике, как вирус, погубит всю рассадку. Люди, прочитав рассказ, будут передавать друг другу, что они подопытные кролики. Мы отомстим Хозяевам неба, лишив их биоэнергии, по крайней мере, эмоциональной. Потенциал её будет ниже, чем нужен для их биомашин. Помнишь, как страны третьего мира, подняв цены на нефть, заставили даже Лондон и Нью-Йорк ездить на велосипедах, экономя горячее.

– Но мечь – это не альтернативное решение, она не несет спасения ни человеку, ни человечеству, – начал хохмить Романов.

– Тогда пир – во время чумы! – резко сказала Юля, уронив голову на подушку и отвернувшись на диване от Романова.

– Я давно уже понял, что имел ввиду Пушкин в этом «Пире во время чумы», – сказал обиженно Романов. – Знаешь, что?

– Нет.

– Люди веселятся, любят, пьянствуют и объедаются – а рядом смерть косит их. И все они знают, что обречены. И стараются побольше урвать от оставшихся мгновений жизни. Только в произведении метафорой – чумой Пушкин сократил время, оставшейся жизни.

– Тебе надо быть критиком, прозаиком и поэтом, а ты несчастный физик, – поцеловала она Стаса и прижалась к нему.

А утром, перед тем, как идти на лечение к Кате с мамой в Салтыковку, Юля нашла во вчерашних газетах потрясающее сообщение. Она разбудила Стаса, и сказала:

– Вставай, соня! – наш рассказ уже написали. – Читай вслух, сунула она газету в руки сонному Романову.

Он долго смотрел на мелькающие со сна строчки и, наконец, начал читать:

«Профессор Университета Северной Каролины Роберт Ланц рассказал, что после смерти люди попадают в некое параллельное пространство и получают шанс воскреснуть.

Ученый сравнил жизнь человека с растением, которое увядает, чтобы в скором будущем расцвести. Свою теорию Ланц доказал с помощью теории биоцентризма.

Ранее сотрудники Калифорнийского университета США сообщили, что параллельные миры существуют. В некоторых из них Землю все еще населяют динозавры, а кое-где Англия не колонизировала Америку. Подобные выводы позволило сделать ученым изучение микрочастицы, способной существовать в двух состояниях одновременно, а значит, и находиться в двух местах одновременно».

– Ну, что? – спросила нетерпеливо Юля.

– Мне кажется, что параллельная жизнь идет на земле и в реальности, – неожиданно ответил Романов. – Например, женщины – все в негласном заговоре против мужчин. Так и поверишь версии, что женщины из другой цивилизации, чем мужчины. И когда прибыли на землю Адамов, решили держаться своих общих правил. Я верю наказу Блока: «Все жены одинаковые, менять их бесполезно». А сейчас мне пришла еще другая мысль: может быть, женщины – живородящие роботы, поэтому им трудно стать наравне с мужчинами?

– Еще вопрос тогда: кто выше, женщины или мужчины! – обиделась Юля.

Романов подмигнул ей и продолжал вообразить:

– Живородящие роботы не осознают, что они роботы Хозяев Земли, а желают быть наравне с мужчинами, эмансипируясь, но желающие мужчин, и повелевающие мужчинами, при небольшом наборе не хитрых и для всех одинаковых средств. Каких? Я женщина слабая, беззащитная – я забеременела, женись – я пойду жаловаться на тебя на работу – ты мне испортил всю жизнь – будешь платить алименты – ребенка не получишь – говорила мама, что ты мне не пара – я твоей женщине выцарапаю глаза – ты мужчина, или нет – будь джентльменом и забери чемодан и уходи из квартиры (и обильные слезы из глаз). Вот примерный набор отмычек, заложенных в этой биологически живородящей ЭВМ.

Юля выхватила у него газету из рук и шлепнула ею по его тупой башке.

Но после этого сообщения Романов дрогнул.

«Надо все рассказать о Парнике. Решайся! – уговаривал сам себя Романов, – Все равно это – не жизнь. Но кому рассказать? Неужели у меня поднимется рука обречь кого-то на преждевременную смерть? Постой, – остановил сам себя Романов. –

А у любимой Юли поднялась рука таким же способом обречь меня на смерть? Нечаянно? Это надо уточнить, хотя и поздно после драки махать кулаками». – Он метался по комнате, обдумывая свое решение.

«Что это даст мне? Отомстить за Юлю? Прославиться? – продолжал рассуждать про себя Романов. – И что даст другим? Отнимет последнюю веру? Обнажит цинизм этой жизни? Как точно сказал Бернارد Шоу, кажется, в своем рассказе о кремации матери. Глядя на урну с ее пеплом, он с тоской сказал: «Какой цинизм!?»

А пришельцы всё мгновенно узнают – и уничтожат очередной вирус. Как расправились со Страшилой. Но у него поднялась на Юлю рука? Или он не верил в предупреждения?

Глава семнадцатая

У Романова началась такая же болезнь, от которой страдала Юля, с постоянного моргания. Но он пошел к своим знахарям. Его знакомый дед Степан работал ветеринаром в зоопарке. Он считал, что людей надо лечить теми же средствами, что и зверей. Люди – тоже звери.

При встрече с Романовым дед Степан рассказал за «рюмкой чаю» свежую новость:

– Слышал об открытии индийского антрополога из города Дехрадуна доктора Анек Рам Шанкьян?

– Нет, – улыбнулся Романов.

– Он выдвигает теорию, что из всех приматов ближе всех к человеку стоит орангутанг.

– Да Бог создал человека, – возразил Стас.

– Создал. Только сразу слепил не человека, а черновой примат, считаю я.

Вот у японского древнего поэта Ёса Бусона есть такой стих: «Любитель цветов! Ты стал неприметно Рабом хризантем» – хокку называется. Оказывается потому рабом, что красивые, курчавые белые хризантемы выведены тяжким трудом из простой ромашки. Вот и Бог из примата вывел человека. Усек? А доктор Шанкьян утверждает, что человек и орангутанг произошли от одного предка. Это он обосновывает тем, что нашел общие у них многие анатомические черты. – И, вдруг раскрыв пошире

рот, выставил крепкие для старика зубы: – Зубов, например, челюстей, лицевых и других костей. Если версия подтвердится...

– А раньше как считали? – засмеялся Романов.

– Считали, что ближайшими к человеку приматами являются шимпанзе и горилла.

– Очередная утка, – махнул рукой Романов, выпив коньяк из чайной чашки. Индейка... Раз из Индии.

Прослушав жалобы на здоровье, дед Степан начал лечение. Положил Степана в трусах на гладильную доску, только широкую, стал его гладить, щипать и приговаривать:

– Коленный сустав гладить, клади кисть на кисть, по часовой стрелке семь-восемь минут. Потом сильно растереть десять минут, потом перебирать жестко пальцами в сторону лимфатических узлов, вот так, под коленку. Теперь – под мышкой, в паху, на шее лимфатические узлы гладить десять минут. Потом жестко большим и безымянным пальцами прощупываешь и разбиваешь вот так все скопления, шишки в ткани в сторону лимфатических узлов. Потом возвращаешься и делаешь все сначала – растираешь, гладишь все суставы – пальцев, локтей, плеч и дальше.

Живот гладить нужно по часовой стрелке. И солнце движется по часовой стрелке. Потом сильнее, клади кисть на кисть полулежа, привстань. Потом по часовой прощупывать, потом щипать (чтоб меньше было жира), растереть и гладить, как сустав.

Встань, возьми палку. Спину надо гладить и растереть вот такой деревянной гимнастической палкой сверху вниз двумя руками. За спину, за спину палку возьми. И вот так разгоняй кровь.

– А роликовые массажные экспандеры? – спросил Романов.

– Не годятся, – отрезал коновал дед Степан.

Он понял, что миф о Парнике – не бред. Ведь Земля – сама парник, где под слоем атмосферы и под озоновым слоем, как под стеклом парника, развивается ее растительный и животный мир.

И после этой простой истины Романов вдруг почувствовал, как появилось быстрое мелькание в глазах. «Доработался!» – струсил он. Надежда лишь на то, что Юлия пока не сформулировала, в чем же тайна Парника.

– Ты слишком много знаешь, и поэтому должен умереть, – услышал Романов голос, лежа на кровати, и поднялся. Не понял сразу, проснулся ли он, или услышал во сне этот голос.

Фраза была – из затасканных романов. Но Стас почему-то понял, что это – правда. И стало страшно.

Такой ужас он испытал однажды, когда подростком упал в полынью. Испугался, что плохо плавает. Но плавать не пришлось, так как через минуту отяжелевшая одежда и ледяная вода сделали свое дело. И его потащило на дно. У негохватило ума попятиться к тому месту, где он стоял на плоту минуту назад. Туда и устремился, раза два бился затылком об лед, но потом лед кончился, и Стас по-лягушачьи выбрался из очка полыни. Бабка стояла на плоту и подала ему коромысло. Вцепившись в обжигающее лезвие крючка, он дополз по ломкому краю льда до первых досок плота. Потом в ледяной одежде с километр бежал до дома. Там растер насухо тело баннным полотенцем, надел телогрейку, шерстяные носки и валенки, залез на еще теплую русскую печь и укрылся с головой полушубком. Говорили, что ему очень повезло. Мало кто, оказавшись в полынье, сумел спастись, уходили под лед, не нащупав края полыни, и погибали.

Год назад Романов заболел, и тоже сказали, что ему страшно повезло. Случай был смертельный, а он остался жить. Во всех остальных случаях Романову всегда не везло в жизни.

Все это мелькнуло за секунды перед его закрытым взором. Наконец, Стас открыл глаза. Электронное светящееся табло показывало два часа ночи. В свете около противоположной стены комнаты стояли два убийцы – это уже он легко мог сообразить. Очнувшись, увидел сквозь пелену в глазах, что лица у них умные, но злые. Они шептались, как лучше к нему подступиться. Если бы предками человека были не обезьяны, а насекомые, люди бы выглядели вот такими же, членистыми.

Таких показывали по телевидению американской хроники на Новый год. Тогда по останкам инопланетян с разбившейся летающей тарелки воссоздавали пришельца.

– Ты должен умереть, потому что Юлия тебе раскрыла тайну, а ты не понял ее, но повторил в своем рассказе. И ты умрешь за разглашение тайны, – прострекотал кузнечиком меньший из них.

– Нет, я не могу умереть сейчас, – ответил Стас, чувствуя, что прижат к постели. – Я должен выплатить долг за лечение жены. Четыре с половиной тысячи рублей. Пятьсот рублей он присовокупил к долгу, как остаток кредита за кооперативную квартиру.

Убийцы пошептались в недоумении. И Стас не ожидал этого, удивившись, что сказанное произвело на убийц такое впечатление.

– Хорошо, мы посоветуемся, – показал один наверх. – Пока просим ничего не предпринимать, это в ваших интересах. – И в комнате опять стало темно. Только электронные часы показывали 2 часа 18 минут.

Стас включил настольную лампу. Где-то в глубине сознания шевельнулась надежда, что он сейчас увидит деньги. Но денег не оказалось. Похоже, что для этих двоих деньги были такой же трудной проблемой, как и для него.

Стас встал с кровати и подошел к магнитофону, на который вчера вечером на кассете наболтал для друга–издателя заявку на публикацию секретного рассказа. Но кассета пропала. Значит, Стас не галлюцинировал. Были инопланетяне. За кассету, Романов надеялся, что друг сократит его проклятый долг наполовину. Друг работал в редакции, а Стас был физиком. Вот и договорились, что друг сделает литературную обработку рассказа и устроит его публикацию. А гонорар пойдет в счет его долга, если другу Фалееву удастся пристроить рассказ в своем издательстве «Фантастика для всех».

«Они могли быстро разделаться со мной, и без угроз, – подумал Романов. – Убрать легко, но тогда неполноценным был бы урожай биоинтеллекта, так как нарушится программа, заложенная в человеке».

Такое головокружение осталось в памяти Романова после этой ночи.

А почему не рассказывала ему Юля о таком предупреждении убийц-роботов? Правда она проговорила, что ей кто-то сказал: «Ты поплыла!». Может, боялась, что Романов испугается писать этот чертов рассказ? А теперь вопрос чести выше, чем вопрос жизни. Ведь и он теперь ходил лечиться к Кате, и долг их рос. Не может Романов уйти в могилу, не отдав деньги. Этот долг в какой-то степени теперь держит его на этом свете.

Раньше в Институте Вселенной Романов взял дачу на Оке, заплатив вступительные 2000 руб. Это всех 30 дачников возмутило. Только им можно, а Романову нельзя. Элита – лаком крыта!

Раньше в Балашихе институт имел 90 участков по 500 рублей, за 130 километров от Москвы. Все начальство взяло участки под Тарусой. Они живут в основном у метро Калужская, и отсюда со скоростью 130 км в час дуют за час на машинах туда и час – обратно. Участки расположены на высоком берегу Оки, а на другом берегу – Поленово. Все участки – на террасах, рядом никого нет. Река под носом. И Романов построил дом на своем участке, с гаражом, кирпичный дом. А хватился: денег на лечение – нет. Не оставил на черный день.

Романов рассказал Юле об этом видении, утаив от нее только кассету, потому что решил не признаваться ей, что уже написал рассказ и договорился с другом о его публикации.

Романов не был фантастом. Но, как фантазер, был уверен: что нам снится, о чем метается, и чего думается, на самом деле существует в мире, как явь. И ему не хотелось открывать эту тайну всему миру. Как говорил Ницше: всё это жизнь. И ее даже, откровенно говоря, не хотелось всю понимать.

Так он избегал глядеть на человека, задавленного машиной. Пройдет мимо собравшейся около задавленного толпы, спросит у кого-нибудь: «Что случилось?». Но смотреть на жертву не будет. Бойтся или стесняется.

Однако рассказ на Юлину идею он решил все-таки написать. Конечно, побаивался. И трусовато заключил с ними односторонний уговор (не зная, что они собой представляли), как ему казалось, хитрого содержания: тайны он толком не знает да и знать не хочет ради собственной безопасности. Тем более не собирается раскрывать ее всему миру. Мир узнает о ней, если они сами захотят. И нечего поперек батьки в пекло лезть. Писателю важен не технологический момент, а люди, совершаемые ими события и переживаемые ими страсти. Итак, решено, он не хочет быть вирусом. У него своих дырок в теле и бед в душе предостаточно. А еще надо дописать «Емельяна Пугачева», да так, чтобы тебя «не хватил Кондрашка». Оказывается, по имени Кондрата Булавина, неожиданно ударившего по царским войскам Долгорукого, эта пословица и сохранилась в народе. Кто ему даст сил и времени

на этот писательский подвиг? Только тот, кто давал раньше. Да не оскудеет рука дающего.

Романова, конечно, грызли сомнения: тогда зачем этот рассказ писать, если решил тайну не разглашать? Успокаивал ответ: а кто знает что-нибудь до конца? Только дурак уверен, что всё знает. А в основном – одни заблуждения. Мир погиб бы без заблуждений. Все познания – это бесконечная цепь заблуждений, по Ницше.

А эти роботы-убийцы вдруг сообщили, что Юля раскрыла тайну, а он не понял ее, но повторил в рассказе.

Глава восемнадцатая

Роботы-убийцы долго не появлялись. А Романову в поликлинике Литфонда уже предложили удалять аденому предстательной железы. Он все мучился, бегая часто в туалеты, изучив, где они расположены на протяжении всего пути на работу. Лекарства не помогали. Были у него подозрения на то, что эти муки устроили ему Хозяева Парника за болтливость. И все ждал роботов, чтобы убедиться в своих подозрениях.

Жить в таком состоянии было в тягость. И Романов решил сразиться с пришельцами. Или, по крайней мере, вызвать их, чтобы понять, почему они его обдурили. Он-то считал, что удачно продал им свою кассету.

Правда, для борьбы с ними у Стаса было мало шансов. Друг уже не работал в издательстве. Его внезапно выперли с работы, пригрозив, что не аттестуют на следующий год. И он вернулся к своей прежней профессии инженера-холодильщика. По ресторанам чинил холодильные шкафы, и получал много литров водки за «вредную» работу.

«Ничего, – не сдавался Стас, – пошлю рассказ в другой подходящий журнал. Они узнают, и явятся ко мне, как миленькие».

Но пришельцы не появились.

Пришлось признаться во всем Юле.

Юля испугалась за Романова:

– Я так и знала! – сокрушенно сказала она, обняв мужа. Ты поступил как настоящий обыватель, затуманенный болями и страхом смерти, попросив у инопланетян деньги и отсрочку от смерти, – расстроилась Юля, – а не как настоящий ученый,

который сделал открытие и записал все на магнитофон и поведал всему миру. Поняв это, ты теперь решил записать открытие второй раз, и готов на смерть ради науки. Этот порыв в нас воспитан культом – раб жертвует жизнью ради хозяина за одобрительную его улыбку и благодарность.

– Но ради этого стоит и умереть, – парировал Романов. – И это не открытие. Это важнее открытия...

– У нас только один выход – быстрее написать этот рассказ и сдать в редакцию, – собралась с силами больная Юля, сжав кулаки.

Юлю убедило так поступить то обстоятельство, что Романов сказал о рассказе: «Все должно быть закольцовано, как в драме».

И Юля решила подыграть ему:

– Я буду тебе прямо диктовать, чтобы ускорить работу. – И добавила, чтобы не задевать достоинство мужа: – Я включаюсь только из-за того, что мы в опасности, и должны объединиться, чтобы успеть спастись.

«Неужели они нашли противовирусную защиту? – размышлял Романов. – Или уверены, что мой рассказ написан так плохо, что его никто не напечатает? Посмотрим, где у нас копия рассказа...».

Стас бросился к столу, но его ждало разочарование. Рукописная копия рассказа исчезла. Не было рассказа и в его компьютере – удалили.

Роботы-убийцы украли у него все черновые наброски и вырезки из газет и журналов для рассказа. И что будет диктовать ему больная Юля?

А может, он не писал никакого рассказа? Все это сон и помрачение? Может быть, секретный рассказ – неотвязный пункт его помешательства?

В прошлом году Романова за несколько публикаций в литературном журнале, и за большой блат его друга, приняли в Союз писателей. Как положено, он сразу вступил в Литературный фонд, и его прикрепили к поликлинике Литфонда. Юля обняла Романова и крикнула:

– Ура! Я жена писателя!

И сразу узнала, что, как жена писателя, имеет право лечиться теперь в замечательной поликлинике Литфонда. Она прошла всех врачей, сдала все анализы, и ждала с нетерпением, что скажет лечащий врач о ее болезни. Врач Софья Иосифовна была и лечащим врачом Станислава. Поэтому, как мужу, первому сказала о диагнозе его жены Юлии Алексеевны:

– Вы знаете, Станислав Егорович, что у Вашей жены Юлии предполагается опухоль головного мозга? – жалостливо посмотрела она в глаза сжавшегося от известия Романова. – Её мы направляем на обследование в клинику имени Бурденко. – Поговорите с ней, подготовьте ее и приходите вместе в начале следующей недели с утра.

«Подготовьте, легко сказать, – размышлял Романов, возвращаясь домой. – Значит, это не Хозяева надуманного Страшилой проекта «Парник», а обыкновенный рак головного мозга истощает силы бедной Юлии. Надо пока помолчать с этим диагнозом, проконсультироваться у светил медицины».

Дома Юля, конечно, спросила, что сказал их врач.

– О тебе ничего, сама скажет. А мне надо сделать УЗИ мочевого пузыря. Не зря бегаю часто в туалет. Подозрение на простатит.

– Этого мне не хватало, – буркнула недовольная Юля, но схватилась, что сгрубил и, осмотрев Романова, вдруг спросила. – А что у тебя с пальцем на правой руке?

– Да что-то похоже на прыщик под обручальным кольцом, – ответил Романов.

Юля схватила его руку, посмотрела:

– Придется снять кольцо, а то раздуется палец – тогда не снимешь. – давай обработаем спиртом. – Она сняла кольцо, положила в фарфоровую вазочку с крышечкой для украшений на комод, потащила палец вместе с Романовым на кухню, и обработала нарывчик спиртом. Палец еще больше покраснел.

– У кошки боли, у собаки боли, а у Стасика заживи, – просюсюкала она и поцеловала этот безмянный палец.

После, когда Шамхалов вместе с женой пришли в субботу к ним в гости, только и разговоров было про этот палец. Ведь плохая примета, когда снимают обручальное кольцо.

Тревога поселилась в сердце Романова.

Он стал неуправляемым, видимо, эти два пришельца добавили стрессов в его жизненную программу. «Это неправильно, – успокаивала его Юля. – Существует генная программа, по которой развивается человечество. Судьба – это программа на развитие каждой биоединицы. Иногда – общая для всех. Иногда бывает что-то не срабатывает. Механизмы необходимого и случайного регулируют эту программу. Но бывают и неполадки.

– То есть люди – расада, биопарник интеллекта, как я написал в одном стихотворении «концентрат эмоций и познаний», – поддакнул Романов. – Но человек без этой программы – ничто. Попадет новорожденный ребенок в логово волчицы – и вырастит Маугли, а не человек.

– Они поступают гуманно с человеком, давая ему дожить, даже продлевают жизнь – задерживая сбор урожая с биопарника, – продолжала Юля.

– Главное – задают параметры: время жизни и уровень развития – вот и вся их гуманность, – парировал Романов. – Свиноу у нас тоже стараются откормить получше, чтобы к осени зарезать и больше сала запастись на зиму. Ты можешь сорвать огурец в парнике молоденький, зелененький, если захочешь похрустеть. А можешь дожидаться молочной спелости огурца. Срывая огурец, ты слезы не прольешь. Вот и вся твоя гуманность. Да и нет такого понятия – гуманность – для инопланетян.

– Самое высшее у них – низшее у нас. Что это? – спросила Юля, продолжая тест.

– Когда инопланетяне вылетают к нам, то наша Земля – самое высшее для них, но эта же Земля – самое низшее для нас. Я молодец у тебя? – стал ломать голос Романов, заигрывая с женой.

– Молодец! – поцеловала она его. – Мы, наши души, для них – просто красные и белые кровяные тельца, – такая разница ценностей для нас и для них.

– Да, – согласился подопытный Романов и решил восстать от унижительного теста. – Вот ты лучше ответь: у Данте Ад устроен по восходящей линии или по нисходящей? Романов уже не вспомнил, как сам ответил на этот вопрос на экзаменах по философии, но тогда получил четверку.

– Человечество, как и пришельцы, стремится на высшей стадии своего развития использовать мозг для своих жизненно-производственных нужд. Использовать искусственный интел-

лект (электронный мозг, мозг животных, например, дельфинов). Какой же уровень интеллекта на самом вершине инопланетной пирамиды, и какая цель у самой высшей части этой пирамиды? – Уже устала больная Юля и клонилась на подушку.

– Какое-то представление об этом дает то, что человеческий интеллект для них нужен, как ядерное топливо для нас, – закончил урок Романов, и пошел на кухню, где о чем-то разговаривали теща и тесть.

– А зачем? – задал бывший летчик свой излюбленный вопрос.

Пришлось Романову идти, на ночь глядя, в другой конец Москвы к себе домой.

Глава девятнадцатая

А на другой день он опять пришел после работы на квартиру Юли, куда она переместилась, видимо, навсегда.

– Я догадался, – тихо начал за ужином Романов, – интеллект не может развиваться в высшую сторону без нравственности, порядочности и добродетели. А им нужен именно интеллект, поэтому они вынуждены поддерживать и поощрять в людях добрые начала, как их люди понимают. В противном случае, человек становится зверем, животным, а его биоинтеллект гаснет и засыхает.

– Да, – кивнула Юля, но ей почему-то было обидно, что Романов сам нашел какое-то объяснение. Хотя она далеко не уверена в его правильности. – Душа отлетела – это отлетел интеллект. Рай – это скопление душ – скопление интеллектоносителей. Часть биоэнергии Хозяева увозят на свою планету, часть хранится под землей – в аду.

– Нет, надо придумать покруче, – раскритиковал Юлино предложение Романов.

Юля сегодня ходила к Кате на лечение, и та попросила заплатить ей пока хоть половину долга. Но Романову она не стала об этом говорить. Может, отец достанет деньги? А включилась сразу в детали создания рассказа.

– Когда у них нужда в больших запасах биоисточников, они «допускают» войны, которые могут разразиться в любую минуту по любому поводу. Понадобилось им шесть миллионов биоединиц интеллекта – и разразилась Первая мировая война, – сказала она.

– А как же вера, нравственность, стремление к добру и справедливости? – воскликнул Стас. – Все это – ничто, выходит? И зависит от Хозяев неба? Все это – «по ту сторону добра и зла» Фридриха Ницше?

– Ну... – Юля, улыбаясь тщеславно, пыталась ответить, но не смогла. Или не захотела?

Писатель может быть как нравственным, так и безнравственным. Иначе как он напишет правду отрицательного героя? И порядочность Романова казалась ей глупой, она её раздражала. И Юля еле сдерживалась.

– Это безнравственно, – твердо сказал Романов и надулся, как индюк.

– Им ничего не стоит бросить свой биопарник, если они найдут что-то лучшее другое, драматизировала она замысел. – И тогда на Земле исчезнет жизнь (потоп ли, ядерная или космическая война, Апокалипсис или Конец Света).

– Да, их действия с биопарником на Земле могут вызывать стихийные бедствия, – пришлось согласиться Романову. – Но почему ты решила, что именно сейчас настал тот момент, когда Хозяева неба могут забросить биопарник на Земле? – спросил ревниво Романов.

– А, может быть, не «настал момент», а уже прошел? – испугала его Юля. – Потому что сейчас есть всё для того, чтобы уничтожить Землю несколько раз. Ядерным оружием, например. Для чего людям пришло на ум изобретать и изготавливать эти межконтинентальные ракеты с ядерными зарядами?

– И переговоры о мире, о разоружении – это лишь шуршание муравьев в огромном муравейнике, когда хулиган уже занес ногу, чтобы разворошить эту огромную кучу несчастного человечества? – недоверчиво сказал Романов.

– Именно так!

– А если все-таки кто-то выживет? Например, библейский Лот? – увлекся спором Стас.

– Значит, они заморозят свой биопарник, как сделали во времена оледенения на Земле, или устроят Всемирный Потоп, говорят, их было два Потопа, а не один, – неуверенно ответила Юля.

– А как можно соотнести твою идею с моим сном? – напомнил Романов свой сон о том, как Земля «отбрасывается в своем развитии».

– Может быть, ты тоже робот, если узнал во сне это? – засмеялась Юля. Но не так весело, как звенела звоночком, когда была здоровой. – У них несколько таких парников, как Земля, – стала рассуждать Юля. – И они их используют поочередно, как крестьяне – пары под посев. Сначала нашу Землю выжмут, потом, через много миллионов лет – другую планету опростают. А на нашей Земле – биокультура интеллекта гибнет и зарождается вновь до определенного уровня развития, например, социализма. И когда цивилизационный процесс достигают критической массы, раздается термоядерный разрушительный взрыв. Все гибнет. Потом опять идет развитие от простейших биоклеток до биоробототехники.

– О чем-то люди все же догадываются, написав это в сказках, религиозных талмудах и пророчествах, – сказал мечтательно Романов.

– Все это догадки выродков-гениев типа Лота или Ноя – тех биоединиц, интеллект которых развивается быстрее нормы в разы.

– Говорят ли эти выродки с богами? Или с Хозяевами? – спросил Романов. – Помнишь стихи у Лермонтова: «И в небесах я вижу Бога»?

Из-за того, наверное, что мать Юли уезжала на следующей неделе в командировку, Романов почувствовал, что Юля на нервном взводе. Слово за слово – и начался очередной скандал из-за того, что Романов не ладит с тещей и тестем. Забыл их поздравить с днем космонавтики, хотя оба они давно работают в Институте Вселенной. В дрожавшем голосе Юли, он услышал какую-то боль, о которой Юля не хотела говорить. Наконец, проскочила оговорка: «Ты и детей забыл!».

И Романов сразу понял, что Тамара все-таки узнала телефон Юлиной квартиры. И как только Юля после долгого времени пришла на свою квартиру, раздался телефонный звонок. И Тамара все сказала про Романова, про проверку его «профпригодности», и про сына, которого он решил не считать своим ребенком. Юля не произнесла этих слов. Эти слова про себя произнес Романов и замолчал, прижатый к стенке. И Юля попросила Стаса утром отвезти ее на квартиру родителей, потому что боялась остаться одна, пока он на работе. А дома с ней побудет отец. Она договорилась с ним по телефону. На самом

же деле Юля больше не хотела слышать этих страшных звонков от Тамары.

Романов понял, что Тамара пожаловалась и на его работу. Поэтому его и не приняли в партию.

Вечером, когда Романов пришел с работы, он увидел, что Юле стало очень плохо. Вызвали «скорую помощь». Врач спросил:

– Кто больная?

– Я, – простонала Юля, лежа на кровати.

– Чем болеете? – приготовилась записывать медсестра.

– Все болит, – проскрипела Юля.

– Ничем особенным раньше не болела, – сказал взволнованный отец. – А в последние месяцы напал на нее непонятный недуг, – ходить одна не может, мать водит ее на лечение.

– На какое лечение? – строго спросил врач.

– Это что-то мануальное... – растерялся отец.

– Все ясно, знахарям-мошенникам тысячи носите, – разозлился врач. – Собирайтесь, нам здесь делать нечего, – приказал он медсестре.

– В Литфондовской поликлинике по результатам анализов у Юлии Алексеевны подозревают опухоль мозга, – горя от стыда, решился сказать Романов. – Нам велели придти в поликлинику за направлением в больницу имени Бурденко.

Все ахнули!

«Подготовил, называется!» – ругал себя Стас.

– А вы кто? – обернулся к Романову испуганный врач.

– Это мой муж, – подала голос расстроенная неожиданным страшным диагнозом Юля.

– Срочно госпитализируем, одевайтесь, – решил врач. – Звоните в Бурденко, – приказал он медсестре. – Скажите, направление в Литфондовской поликлинике.

Романов помог надеть Юле платье и плащ. Хотел помочь ей пройти к выходу, но она валилась с ног, и он не мог ее удержать.

– Надо носилки, – спохватился врач.

Но Алексей Иванович, здоровенный мужик, схватил быстро Юлю в охапку и вынес из дома. Держал ее на руках в лифте. И донес к машине «скорой помощи».

– Не надо вам ехать, – отодвинул он Романова. Но врач его поправил:

– Муж обязательно поедет, а вы можете остаться.

Так что рядом с Юлей, уложенной на носилки в машине, сели оба.

В больнице имени Бурденко Юлю приняли, расспросили, уложили в палату, поставили ей капельницу. Потом дежурный врач вышла к родственникам. Спросила, чем Юля раньше болела.

– Вроде ничем особенным не болела, – мялся Алексей Иванович.

– Как это «особенным не болела»? – возмутилась врач. – Такую сложную операцию перенесла – удаляли большую миому матки, еле выжила. Романов об этом не знал, вот почему отец не хотел брать его в больницу.

– Вы сейчас идите к себе домой, – сердито велел Романову отец Юли, выходя из приемного покоя больницы. – Дальше я сам.

Таким тоном, как будто расстался с зятем.

Глава двадцатая

Романов плохо спал. Все невзгоды навалились на него со страшной силой. Эта сила его и разбудила перед рассветом. Опять появились двое роботов.

– Собирайтесь, поедем, – сказал один из них.

– Я болен, – с надеждой сказал Романов, и показал распухший палец.

– Это вам – выход, – почему-то серьезно сказал старший робот.

– Как-нибудь доберетесь, – зло сказал другой.

Но лечить его они не собирались. У подъезда ждала машина – рафик. Он поздоровался с шофером.

Но услышал странный ответ:

– Это – муляж.

Машина шла сама собой. Двое молчали на заднем сидении. Эти роботы были не теми, кто приходил раньше к Роману во сне. Они вполне похожи на людей, кто живет бок о бок рядом.

Привезли Романова в прежний район Москвы, где когда-то он жил.

– Выходите.

Спустились в погреб, рядом с прежним домом Романова у станции Белорусская. Бывшее бомбоубежище. Романов инте-

ресовался всегда закрытым подвалом, когда жил в этом дворе. «Инопланетяне построили? – подумал он. – Или все же брошенное бомбоубежище с проржавевшим инвентарным номером? Знаем ли мы со своей бесхозяйственностью, – подумал Романов, – что построили сами то, что внушили нам инопланетяне?»

Прошли по узкому тускло освещенному коридору. Вошли в комнату – стены ее свежеекрашены. Романов вспомнил, как в детстве ходил на занятия музыкой в подвальное помещение своего дома.

Его тетя Надя и он жили в сталинском доме, седьмом, недостроенном, высотном здании у Белорусского вокзала. Семь высоток Сталин решил построить на семи холмах. Это должно было сделать страну непобедимой, считали мистики. Тогда и решили одну вышку не достроить – поломать суеверную примету. Но все это сплетни.

Тетя Надя не работала, и стояла на учете в партийной организации ЖЭКа. Общественная нагрузка – больше, чем работа. Тетя Романова вела бухгалтерию на общественных началах. Подвал был приспособлен под музыкальный кружок. Делал большие успехи. Там немка Альма вела немецкий кружок. Учеников называла слушателями, потому что раньше она преподавала в академии. Стасика она называла самым способным учеником. Надеялась, что тетя Стасика достойно оформит ее работу в кружке, как официальный стаж работы. Но когда это не удалось сделать, Стасик превратился из талантливого слушателя в оболтуса, как и все. В Москву приехала мама и тогда забрала Стасика в Рубцовск.

В подвале – такие же скамейки, такой же стол и лампочка под потолком. Похитители посадили Романова на крашеную скамейку и ушли. В этой пустой комнате он сидел-сидел и уже стал сомневаться: в горячке ли попал сюда после вчерашней выпивки с горя, в этот подвал далекого детства. По инерции пришел именно в этот знакомый дом – как говорят пьяницы – «на автомате».

Романов подумал, может быть, это органы внутренних дел?

Ведь они могут перлюстрировать кассеты, бумажные рукописи и письма, узнать все воспроизведенные любым способом мысли. Если найдется что-то крамольное – их датчики сигнали-

зируют о тревоге. А инопланетяне – тем более высшие специалисты. В голове Романова был весь секретный рассказ. Правда, не оформившаяся тайна. Но как только он его «наговорил» на кассету, они сразу взяли автора в плен.

Единственно, что его утешало, что всё это – сон. Что многое не сходится с реальностью – он жил когда-то в доме номер восемь, а здесь дом номер один.

Романов решился, было, уходить, но на стуле рядом появился новый субъект. А может быть, один из тех, двоих, из самой процветающей группы живых организмов. Он был какого-то розово-зеленого цвета, худой, ниже среднего роста, с длинными фалангами пальцев и subtilной головой. Но Романов не испугался такого существа. С детства он читал фантастику об инопланетянах. Но никак не мог угадать, как будет чувствовать себя при встрече с ними. Как с Богом? Или как с библейским раковым кустом?

Романов читал раньше про ангелов в православной книге. И там Епископ Серафим объяснял, почему ангела нельзя видеть. Чтобы не утратить, не смутить человека своим явлением, ибо ангел знает, как человек малодушен, боязлив и робок перед всем таинственным. Даже пророк Даниил, увидевший однажды ангела, сильно испугался его. Ангел явился ему на берегу Тигра в льняной одежде, опоясанный золотым поясом. Тело его – как топаз, лицо – как молния, глаза – ярко горящие светильники, руки и ноги – блестящая медь, а голос – как хор людей. Даниил упал на землю в оцепенении, чуть не умер от страха.

Может быть, ангелы – и есть контактеры? – догадался Романов. И написал недавно стихотворение своему другу астрофизику, лауреату Государственной премии на день его рождения.

АСТРОНОМУ

– Молчанье – нам ответ
Из глубины Вселенной, –
Сказал один эксперт
С улыбкой Галилейной.
– Открытие других
Галактик послужило

Понять себя самих
И в космос путь открыло.
Кто ж выйдет на контакт
С космической дружиной?
Чужой язык и такт
Планет недостижимы.

Но он понять не смог:
Мы всем мирам известны,
В контакте с нами Бог
И сонмы Сил Небесных.

Послал это стихотворение ему по скайпу. И он долго не отвечал. А потом сообщил: «Станислав, я много раз прочитывал стихотворение, прежде чем написать мою реакцию на него. Поразительно, как вы, поэты можете практически из ничего (из очень скудной информации) написать такое стихотворение. Я пытался вникнуть в каждое слово. Меня поразило стихотворение. Очень неожиданным оказался последний абзац. Это стихотворение послано мне было неслучайно.

Глава двадцать первая

Но эти инопланетяне – далеко ни ангелы, ни серафимы, ни херувимы, ни престолы, ни господствия, ни силы, ни власти, ни начала, ни архангелы, ни просто ангелы. Они – всё сразу. И религии у них нет. Они – Хозяева Вселенной. Нет – они не божьи слуги. Отправляют сюда свои тени – роботов, которые могут принимать вид человека, и хозяйничают на своей плантации.

Вот и эти два робота привели Романова в подвал проверить его. И только после этого решат, что с ним делать. Но почему он не боится их и невозмутимо подчиняется им? Они выключили его волю, только волю?

Членистоногий попросил Романова повернуться на скамейке лицом к белой стене. И разные голоса начали допрос. А членистоногий оставался сидеть молчаливым охранником. Голоса разного тембра стали задавать Романову наводящие вопросы, чтобы в их инопланетном интернете отыскать его судьбу. Но спрашивали не паспортные данные, не резюме, а задавали вопросы, которые особо значились в их непонятном тесте.

Например, спросили не дату и место рождения, а параметр из хиромантии – время суток рождения. Хорошо, Романов знал, что родился в два часа ночи. О родственниках спрашивали от третьего колена (больше, чем раньше уточняли органы власти для поездки за рубеж). Оказывается, сведения о бабушке и дедушке дают возможность узнать дату предстоящей смерти, объяснили они. Романов не знал почти ничего о бабушке и дедушке по отцовской линии, потому что его отец осиротел в раннем возрасте. Да и видел он отца три раза в жизни. Один раз малышом познакомился (не помнил), другой раз, когда отец при встрече в Рубцовске отдал матери свидетельство о рождении Стаса, и раз в зрелом возрасте, когда приезжал на его похороны на Дон, отдать умирающему отцу «последний долг». А не знаешь свою родословную, значит, не знаешь и свое будущее. «Так от знания породы семян зависит знание об урожае растения», – мелькнуло в голове у Романова. И ему показалось, что членистоногий одобрительно кашлянул за спиной.

Спрашивали о его болезнях, так как болезни – это характер, а характер – это судьба. А фамилия, имя и отчество их не интересовали. Как собаку – характеризует не имя, а порода: фокстерьер, бульдог, пудель... Зато спрашивали, с кем Романов дружил, на ком женился. Похоже было, действительно, на собачью родословную, какую нашел подругу по нюху, с кем скрещивался...

Наконец, вспыхнул экран на стене, и на нем с очень большой скоростью стали мелькать кадры жизни Станислава Романова. И то, что он запомнил, и то, о чем даже не знал. Еле уловимые кадры сопровождались каким-то чириканьем комментатора. Еще был какой-то текст, по крупным заголовкам Романов, вроде, узнавал свои публикации. Он понял, что в его голове мелькают такие же мысли, значит, он не только видел кадры из своей жизни, а проецировал их, как кинопроектор, на экран.

Потом он стал видеть отрывки своих мечтаний и надежд. Но не то, чего боялся увидеть. Он узнавал свои сны, даже те, которые раньше не вспоминал. С удивлением вспомнил детский сон, как будто в широком высохшем устье огромной реки, или даже высохшего моря, куда-то уходят густой толпой все животные Земли, даже динозавры, слоны, до самых мелких ящериц и скорпионов. С детства он не вспоминал этот сон.

Вдруг он увидел, что его насильовали четыре пьяных сотрудника Института Вселенной. Потом отвезли к пьяной сотруднице, раздели и положили с ней, умирая со смеху.

– Что это такое? – вскрикнул Романов.

– Это то, что с тобой делали твои враги, – ответил сзади членистоногий.

– Не может быть, – заплакал Романов. – Я этого не помню.

– Тебя подпоили и вырубил. Но подсознание не дремлет.

И на экране вернулся кадр, как Рогов обхватил ладонями голову пьяного Романова и с размаху ударил подбородком о свое колено. Это тот самый Рогов, который потом стал помощником заместителя Министра внутренних дел.

«Вот почему Рогов испугался, встретив меня с Юлей в Домжуре, – догадался Романов. – Засуетился, купил бутылку шампанского. Выпил с нами и исчез. Боялся, черт рогатый, отвечать за свое преступление!»

– Секретный сотрудник, убийца. – Эти слова тоже прозвучали чириканьем комментатора и надписью зажглись на мгновение на экране.

Вдруг чириканье убыстрилось, и на стене замелькали картины вообще непонятного свойства. Вроде, героем был Романов, но действия были чужими. «А это что?» – спросил Романов. «Этот твой жизни, которые продолжают без тебя в сознании твоих бывших близких», – пояснил контактор.

Глаза Романова, как подвижные плавающие системы видели мелькание кадров. Потом на белой стене замельгали цифры, цифры, цифры... и экран погас.

– Вы сейчас не умрете, – сказал пришелец. – Мы сможем обезвредить ваш вирус. Мы вас испугали. Успокойтесь, вы скоро вылечитесь. А мы вас решили купить, отдать ваши долги. Деньги получите в соседней комнате, – показал он на боковую дверь, и ушел.

Романов прошел в соседнюю комнату. Рядом со старыми счетами с выщербленной костяшкой лежали деньги. Он знал эту комнату, где сидела тетя Надя, когда выполняла общественную работу бухгалтера. Узнал эти большие счета, на которых катался по полу, как на санках, тогда и покалечил угловую костяшку.

Взяв деньги и посчитав, ровно четыре тысячи пятьсот, Романов вышел на знакомый двор. Этот двор стал каким-то ма-

леньким. Побрел по пустынным темным улицам. И засомневался опять – это галлюцинация, или сон, или кто-то подсыпал ему в еду наркотик? Несмотря на бред, в кармане чувствовал тяжесть денег, пощупал – деньги на месте.

Сел на встречное такси, приехал домой, довольный, что так дорого продал свой секретный рассказ.

«Молчать – в ваших интересах», – сказал ему на прощание членистоногий контактор.

«Что он имел в виду? Что они могут вмешаться в мою судьбу?» – подумал Романов.

Ему порой кажется, что среди людей есть пришельцы, которые прикидываются землянами и следят за ним. Как посмотрит такой в спину – сразу обернешься. Одно время даже по телевизору показывали сюжет, что в хрониках замечали в толпе пришельцев из другого времени. Например, с сотовым телефоном шел человек в Москве 50-х годов.

Романов решил все рассказать Юле. Она слушала его, как в забытьи. Никакой реакции. Видимо, мучили ее боли в сердце.

И вдруг ее понесло. Она даже удивилась тому, что сама говорила:

– Почему именно мы понадобились за тысячелетия этим чертовым инопланетянам, или их роботам? Почему? Да потому, что каждый из людей не знает, что является приемником-передатчиком нужной информации в непрерывном процессе жизни. Обычное состояние – эфирный шум, как в радиоприемнике. А что через нас передается в любой момент, мы порой даже не догадываемся. Просто хочется что-то сказать кому-то или всему миру. И наступит час космической связи, из глаз будут лететь искры, а взгляд будет почти безумный, как у тебя, – рассуждала Юля, – когда у тебя творческий процесс. Писатели – это мощные ретрансляторы.

– Ну, ты скажешь! – рассмеялся Романов. – Не дотрагивайся – убьет! – отшатнулся он от протянутой к нему Юлиной руки. Он тоже так считал. Или Юля тайно смотрела его тетрадку стихов? Все же прочитал жене свое стихотворение «Ретранслятор».

РЕТРАНСЛЯТОР

Я ловлю в многозвучье эфира,
Над землей приподнявшись чуть-чуть,

Зажурчавшую солнечной лирой
Зарывавшую музыку чувств.

Только ветер сует посторонний
Глушит мне позывные порой.
Но поет ретранслятор гармоний,
О грядущей судьбе и былой.

Романов не развивал в себе в полную силу эти задатки. Чтобы быть ближе к людям. Чтобы они не клевали его, как белую ворону. Но люди клевали. И Юля просчиталась. Голос ее мужа не разнесет по свету тайну Парника. Маломощным оказался ретранслятор – и был нестрашен для Хозяев. Тайна Парника осталась не услышанной землянами. Поэтому они не тронули Романова. Только у одного большого чиновника от литературы вырвалась из уст при всех догадка: «Романов – черт!».

«Как Юля поняла, что я – ретранслятор? – удивился Романов. – Только подсознанием я чувствовал в себе задатки таких ретрансляторов, какими были, например, Эйнштейн, Менделеев, Ландау... А что Хозяева сделали с Ландау? Оставили ему только голову?»

Хотя у пришельцев ограниченные возможности на другой планете. Тем более, если они какое-то время живут среди людей для контроля и слежки, у них возможности не лучше местного населения. Чуть пикнут – могут попасть под подозрение земной полиции. Если он – инопланетянин, это не значит, что у него все в хрустале и золоте.

Вот и Романова после таких невероятных испытаний инопланетяне даже не довели до дома. И, вообще, ошиваются они по старым заброшенным подвалам. Правда, экран всей жизни человека – как библейское Чистилище. Это высоко! А с другой стороны – каждый человек перед смертью часто может быстро вспомнить всю жизнь.

«Что, и я перед смертью? – вздрогнул Романов. – А может, их и нет совсем – и завтра я проснусь?».

Назавтра он проснулся... от стука в дверь. Звонка во сне не слышал, пришлось стучать в дверь. Пришла Полина Яновна, забрать кое-какие вещи Юли. В основном норковую шубу и золотые украшения. Попросила снять хрустальную люстру, подго-

товить ножную швейную машину и кухонный комбайн, вечером за ними заедет Алексей Иванович на машине. Только потом сообщила, что Юле плохо, будут вскрывать череп.

– Вы уж не приходите пока к ней, – сказала она, сморщив лицо и вытирая глаза платком, – мы с Алексеем там дежурируем.

«Они меня выгоняют из своей семьи?» – догадался Романов.

Но промолчал. Еле сдерживал слезы от нанесенного тещей удара. Юля при смерти, поэтому ее вещи у мужа забирают.

Когда теща ушла, Романов позвонил Шамхалову и все ему рассказал.

– Боятся, что Юля помрет, и ты не отдашь ее драгоценности, – подтвердил Шамхалов.

И Романов расплакался навзрыд. Ему стало плохо с сердцем, и он, перед походом к жене в больницу имени Бурденко, решил зайти в Литфондовскую поликлинику к своему врачу.

Софья Иосифовна рассказала, что все документы Юли отдала ее матери Полине Яновне. Она посочувствовала Романову, посоветовала принимать сейчас по одной таблетке феназепам на ночь, чтобы справиться с волнениями. И, заполняя рецепт, вдруг сказала:

– В лучшем случае жена ослепнет и будет инвалидом. Всю жизнь вам ее водить, если не парализует.

– Вы что!? – воскликнул испуганный Стас.

– Советую вам развестись, пока не поздно, – это я как врач Вам говорю.

Романов заметался от такого предложения, и со слезами сказал:

– Ведь горько уходить от больной.

– Нехай гірше, аби інше! – говорится в украинской поговорке, – вздохнула Софья Иосифовна.

И Романов рассказал о том, что теща забрала золото и вещи Юли.

– Тем более... – кивнула врач.

ЭПИЛОГ

Романов развелся с Юлей. Но она подала встречный иск в суд на взыскание с Романова Станислава Егоровича алиментов

на содержание больной Стручковой Юлии Алексеевны в размере пяти рублей в месяц.

– Они же миллионеры, а требуют с меня пять рублей алиментов! – вырвалось у Романова возмущение на несправедливый и позорный иск.

Судья так угрожающе посмотрела на него – и он сразу вспомнил, что сестра Юли замужем за офицером службы безопасности.

– Если им не стыдно, пусть получают пять рублей, – произнесла судья.

После операции в институте имени Бурденко по удалению кисты головного мозга Юля выписалась из больницы.

Романову тоже удалили аденому предстательной железы. Это был ужасный период Романова на краю смерти. Он назвал его «Орфей в Аду». Хозяева Парника им отомстили по полной программе.

Но секретный рассказ о проекте «Парник» Романов так и не смог вспомнить без помощи Юли. Инопланетян тоже больше не встречал. Работал по специальности. И выпустил первую книгу своих стихотворений.

По старой памяти и из любопытства решил подарить свою первую книгу Юлии Алексеевне. Жива она или нет? По старому телефону никто не ответил.

ОПАЛЁННЫЙ ВОЙНОЙ

Новелла

Не так давно мне, по долгу службы, довелось вновь побывать в Узбекистане. Бродил по улицам небольшого городка Ангрэн под Ташкентом и вспоминал архитектора Александра Николаевича Зотова. Об этом уникальном человеке, ветеране Великой Отечественной войны я писал когда-то в моей книге «Выход в небо». Увы, теперь осталась только память о нём. Например, улица его имени в городе Ангрэн, который он построил. «Я вижу мой Ангрэн», – говорил мне тогда абсолютно слепой архитектор. А сейчас я видел воплощённую в жизнь его мечту...

Помню, как мы ехали из Ташкента в Ангрэн. Рядом со мной сидел Зотов, крупный, широкоплечий пожилой человек, добродушное лицо которого было усеяно чёрными, как оспинки, точками – явными следами ожогов. Александр Николаевич Зотов тогда был руководителем архитектурной мастерской отдела генеральных планов института градостроительства. Высунув руку из окна машины, он рассказывал о том, что открывалось взору:

– Смотрите, как растёт кенаф. Это сырьё для изготовления веревок и канатов. В стране всего два таких места. Сюда в юности я ходил охотиться на фазанов. Мясо не пробовали? Лучше куриного.

– И не жалко таких красавцев убивать? – не выдержал я.

– Охотник есть охотник. На войне людей убивают...

И Зотов неожиданно стал вспоминать эпизоды из своей военной жизни.

Он возвращался с командного пункта, где получил приказ заминировать поле в тылу наших войск. По дороге услышал взрыв, сердцем почувствовал беду. Прибавил шагу. Встретили его невесело. Замкомвзвода Ольшанский доложил:

– Товарищ старший лейтенант! Произошло ЧП: случайно взорвались все капсулы-детонаторы. Шестеро бойцов ранены.

«Что делать? – мелькнуло в голове Зотова. – Выполнение приказа под угрозой срыва – нечем заряжать мины».

– Волобуев, Царёв! – обратился он к стоявшим в притихшем строю солдатам. – Садитесь на лошадей – и в тыл. Чтобы через два часа капсулы были.

Повернулся и пошёл к пострадавшим солдатам.

Прошло часа полтора. Совсем стемнело. Проверая по привычке, как устроились бойцы на привале, Зотов услышал неподалеку характерный говорок.

– Царёв? – обрадовано позвал он.

– Так точно, товарищ командир. Детонаторы привёз.

В эту ночь Зотов установил своими руками 300 мин. От напряжения так взмок, что впору гимнастерку выжимать. Бойцам, находившимся в нервном состоянии из-за случайного взрыва, он не доверил минирования, зная, что, если сапёр сейчас боится, обязательно подорвётся...

«Уазик» летел навстречу солнцу. Справа возвышался Курминский хребет, слева, не уступая ему по красоте, – Чатайский. Все это отроги Тянь-Шаня. А между хребтами в живописной долине по зелёному ковру стремилась вдаль, обгоняя нас, огненно-голубая река.

– Вот городок Ахангаран, – показал вперёд Александр Николаевич.

И я вздрогнул. Как он догадался, что мы проезжаем сейчас именно через этот город? Он же – слепой!

– На этом месте был маленький посёлок, – продолжал Зотов, – из которого по генеральному плану, разработанному нашим институтом, за пятнадцать лет должен вырасти большой современный город. Я уже вижу мой Ангрэн.

Он видит?..

Зотова называли отцом районных планировок в Узбекистане. Он создал и возглавил первую в республике мастерскую районного планирования.

Районная планировка... Это план развития городов и посёлков, промышленных и аграрных комплексов, транспорта, инженерных сетей, средств охраны окружающей среды, создания курортов...

Новшества, внесённые Зотовым в методику разработки районных планировок, десятки написанных статей, книг и нормативных документов были высоко оценены даже за рубежом.

С докладами по районным планировкам он выступал на совещаниях градостроителей, организованных ЮНЕСКО.

Мастерская Зотова тогда уже заканчивала новый проект районной планировки Ташкент-Ангрен-Чирчикского района. С точки зрения проектирования и освоения, это один из труднейших районов республики. Зотов сделал на эту тему доклад на проходившем в Ташкенте семинаре стипендиатов Организации Объединённых Наций. Его методика по выполнению районного проектирования в Узбекистане, по мнению специалистов, соответствовала диссертации на соискание учёной степени кандидата наук.

– Материалы собираем в командировках, – говорил Зотов. – Вот в этом «уазике» бригада специалистов из разных отделов института выезжает в область...

– Вы бы посмотрели, как ведёт себя Александр Николаевич в командировках, – вступил в разговор шофер. – Грудь вперёд, не идёт – бежит. У нас везде местность горная, дороги трудные, опасные. А он лезет в верховье ущелья по бездорожью, по осыпям. Упадёт – поднимется. Сам залез и других увлёт.

– А чего бояться! Страшней войны все равно не будет... – повернулся ко мне опалённым лицом ветеран войны Зотов. – Ведь сапёр всю жизнь с опасностью на «ты»...

И рассказал о своей «сапёрской» войне...

Под Старой Руссой Зотова нагнал «газик», в котором сидели полковник и капитан.

– Лейтенант! – позвал полковник, когда машина затормозила. – Фамилия?

– Зотов! – отозвался сапёр.

– Распоряжение командования – заминировать эту дамбу фугасными минами. Мы отходим.

«Это – единственная дорога в тыл наших войск», – подумал Зотов, присматриваясь к неизвестному ему офицеру.

– Взрыв произведёте тогда, когда в тыл пройдёт последняя группа наших солдат. В их руках будут белые листы бумаги.

– Разрешите узнать вашу фамилию, – замялся Зотов.

– Полковник Коробов, – сказал офицер, и «газик» умчался, подняв столб пыли.

Зотов приступил со своими сапёрами в спешном порядке к выполнению задания. Мины расположили «конвертом». За-

ложили побольше взрывчатки. К ночи дамба опустела. А вот и прошла в тыл группа солдат с белыми листками в руках.

– Есть ещё кто там? – спросил у них старшина.

– Никого нет, – ответил на ходу офицер.

У зотовской роты было правило: не просто взрывать намеченный объект, а подождать, когда подойдут немцы. Подпустить их поближе, чтобы взрывом уничтожить живую силу противника. Когда прозвучит взрыв, возникает паника, и можно успеть уйти к своим. Не отступили от правила и на этот раз.

Вдруг увидели, что в сторону передовых позиций по дамбе проследовала одна машина с грузом, за ней другая. Потом стали переправлять орудия. Саперы заволновались. Ведь от сотрясения может произойти взрыв под машиной.

– Куда вы? Там наших нет? – тревожно крикнул Зотов младшему лейтенанту, сопровождающему орудие.

– Наши продолжают держать оборону, – ответил офицер. – Снаряды на исходе, вот и спешим на помощь.

Зотов растерялся. Надо срочно решать, как быть. Благо, что в это время проезжал на машине знакомый работник штаба. Зотов подбежал к нему. Выяснилось, что полковник Коробов, который отдал приказ, в штабе не работает. Диверсант?!

Всё!.. Надо срочно разминировать дорогу. А «фугаски» разминировать непросто. Подготовительную работу по разминированию выполнили сапёры роты, самую последнюю и ответственную Зотов взял на себя, так как только он досконально знал, где, что и как соединил при минировании...

– Проезжаем мост, – прервал воспоминания Зотов. – Смотрите, рядом строится новый мост, и расширяют дорогу. Не было раньше районной планировки, а всё это можно было предвидеть при планировании.

Машина проезжала мимо пионерского лагеря. Александр Николаевич пояснил:

– Эта дорога была пробита с самого начала, когда мне ещё до войны пришлось участвовать в проектировании Ангрена. Тогда я исходил здесь десятки троп. А после войны выяснилось, что старые посёлки расположены на угленосных территориях. Нашему институту дали задание определить масштабы развития Ангрена на двадцать лет вперед и выбрать площадку для строительства нового города. Там, где вы видели пионерлагерь,

был разбит палаточный городок. В нём жили более двух тысяч молодых ребят, которые прибыли на строительство предприятий Ангрена. К осени сами построили себе жильё. Теперь их дети продолжают строить Большой Ангрэн.

Часть этой дороги уже имеет название – улица Южная, – сказал Зотов. – Вот эту площадку мы и отстаивали.

«Отстаивали» – это мягко сказано. Как он рассказал, был ожесточённый «бой».

– Нужно быть упрямым и настойчивым, если знаешь, что ты прав, – сказал Зотов. – Я верил в победу.

И я только тогда заметил, какой у него крутой и упрямый лоб, несмотря на мягкие и расплывчатые черты лица. К победе Зотов пришёл благодаря огромному мужеству, запасы которого в нём, кажется, неисчерпаемы. Их не могла исчерпать даже война.

Этот человек не позволяет себе такой слабости, как черные очки и тросточка. Он живёт так, как будто видит. Как будто не было того рокового взрыва в сорок первом году, под Москвой.

А взрыв был...

19 ноября 1941 года Зотов получил приказ заминировать подступы к переднему краю на участке ожидаемого наступления противника под Москвой. Предстояло поставить 300 противотанковых и 600 противопехотных мин. Саперы верили Зотову. Никто из ходивших с ним на такое задание не погиб. И в этот раз сапёры благополучно закончили дело и возвращались в расположение своей части.

Но немцы начали наступление раньше, чем предполагалось. Наткнувшись на мины, фашисты решили расстрелять их из орудий. Взрыв одного немецкого снаряда вызвал детонацию только что установленной минёром Зотовым мины. Получился дубль. Зотов был за пригорком. Взрыв прогрехотал недалеко от него. Боль обожгла руку и лицо. Последнее, что он видел, – это яркая-яркая вспышка на белом снежном поле и синяя-синяя кромка леса невдалеке...

Он встал и пошёл под обстрелом, обливаясь кровью. Он шёл во весь рост по направлению к своим позициям. Правый глаз ещё кое-как видел. Вот и замороженные в речку сани, по которым шли на задание. Еле добрался до своих окопов и потерял сознание.

Его подобрал санинструктор, привёл в штаб, сделал первую перевязку. Несмотря на большую потерю крови, Зотов сам в горячке вышел и лёг на подводу, отправляясь в санчасть.

Миномётный обстрел был началом жестокого боя. Началось перемещение войск в нашем тылу. В суматохе начавшегося боя повозочный заблудился и вернулся на прежнее место. Там уже был танковый батальон.

– Да это же тот Зотов, что провёл по минному полю наши танки, – сказал командир взвода. – Отвезите его в тыл в моей машине.

Только через шестнадцать часов после ранения Зотов попал в медсанбат в шоковом состоянии. Стоял вопрос – будет ли жить? Сделали ампутацию кисти левой руки и, когда стал транспортбельным, отправили в госпиталь. Лишь на 16-й день он попал к первому главному врачу.

– Время упущено, – сказал врач. – Если бы раньше, хоть правый глаз можно было бы спасти.

Но раненый надеялся на чудодейственную силу профессора Филатова, который в то время жил в Ташкенте.

Ему несколько раз резали левую руку. Очищая от осколков, внесли заражение в правую – пришлось долго разрабатывать «медвежью лапу», пока, наконец, рука не стала немного слушаться. Но думал он только о глазах.

Путь в Ташкент был длинным и нелёгким. Попутчик делил с ним трудности дороги и солдатский паёк. В поезде Зотов встретил свой день рождения и сделал себе маленький подарок – сам побрился. Он твёрдо решил научиться всё делать самостоятельно. Мужество требовалось на всю жизнь.

Ещё из госпиталя написал, как смог, письмо отцу и матери. Легче было продиктовать письмо соседу по койке. Но Зотов решил не сдаваться, бороться с недугом. Письмо было первым испытанием на выбранном пути.

И вот, наконец, Ташкент. Многие тогда считали, что это конец. Крупнейший глазник, профессор Филатов сказал: «Помочь нельзя. С архитектурой придется покончить».

А ведь Зотов подавал большие надежды! Перед войной молодого архитектора в числе других после института направили в Узбекистан. За два года Зотов из рядового работника стал глав-

ным инженером градостроительного института, одним из ведущих архитекторов республики. И что же? Всё бросить?

Нет! Он будет архитектором, чего бы ему это ни стоило!..

Зотов не сдался. Он стал учиться жить заново. Учиться ходить, писать, ориентироваться по чертежам, запоминать целые книги нормативов и пухлые фолианты технической документации. Самое удивительное – он научился мысленным зрением отчётливо видеть то, что строят по его проектам...

И вот мы въехали в город Ангрэн. Красиво расположен он на равнине, ограждённой хребтами, которые создали в этом месте своеобразный микроклимат. Перед нашим взором расстился широкий проспект, уходящий в ущелье, откуда веяло прохладой и свежестью. Вдоль проспекта блестели на солнце арыки, наполненные журчащей водой. Около пятиэтажных домов шумели молодые чинары.

– Этот квартал строился по моему проекту, – объяснил Зотов. – В своё время он получил второе место на всесоюзном конкурсе. А недавно проект Ангрена завоевал призовое место на Всесоюзном смотре проектов застройки городов.

Первая его архитектурная победа – в конце 1943 года. Тогда в Узбекистане был объявлен конкурс на создание лучшего проекта многоквартирного дома и общежития для строителей и рабочих Бекабадского завода – первенца металлургии в республике. Необходимо было представить проекты наиболее экономичных в условиях военного времени зданий, построенных из местных материалов. Зотов дерзнул участвовать в этом республиканском конкурсе. Дерзнул, когда друзья считали, что для него пришёл конец. Разве мог, в их представлении, застенчивый, хрупкий, добродушный, мягкий юноша проявить невероятную силу воли?

Но Зотов заставил окружающих поверить в свою полноценность, и более того – в свой талант. Проекты сдавались на конкурс в закрытых пакетах под девизом. Победителем оказался проект общежития на 50 человек с поэтическим девизом «Коробочка хлопка на синем квадрате». Это была лучшая из 60 конкурсных работ. Председатель жюри смутился, когда вручал премию подошедшему к нему парню в солдатской гимнастерке с опалённым улыбающимся лицом. Это был Зотов.

– Победа! – радовался он. – Значит, я могу творить!..

Потом успехи множились. В 1951 году архитектор Зотов начал работу над генеральным планом застройки бывшего Ангрена, а в 1956 году началась реализация этого плана. И Зотов продолжал мечтать о городе, шаг за шагом шел к своей цели. Его назначили членом научно-координационного совета при Госплане Узбекистана и координационного совета по развитию производительных сил при Академии наук Узбекистана. Ему присвоили звание Заслуженного строителя республики

Я видел, как в его мастерской разрабатывался проект застройки экспериментального района Ангрена. Перед Зотовым на столе был разложен огромный чертеж. Нет, он сам не чертил. Чертил под его руководством архитектор Павел. Нет, он сам не писал пояснительную записку, а диктовал её архитектору Ирине. Нет, он не делал макета застройки. Макет сделал архитектор Владимир Кравченко. За свою почти сорокалетнюю трудовую деятельность Александр Николаевич воспитал много учеников.

– Александр Николаевич даёт много как учитель по градостроительству, учитель жизни, учитель мужества, – сказал мне Кравченко. – У Александра Николаевича есть чему поучиться, – улыбался он. – Это целая лаборатория. Целый проектный институт. Работоспособность у него адская. Отпуск не берет. Отними у него работу, и, наверное, не будет Зотова, потому что она для него – всё. Работать Александру Николаевичу помогают совершенно уникальные способности. Феноменальная память: строительные нормы, свои проекты он знает наизусть. Умножает и делит в уме шести-десятизначные числа с невероятной скоростью. С точностью до минут угадывает время. Узнает по голосу тех, кого слышал пять лет назад... – Кравченко задохнулся от возбуждения. – Он так много вложил сил и энергии в наш город, что имя Зотова и название города неразрывно связаны. Посмотрите город. Все здесь решено сердцем Зотова. Мы считаем его своим земляком. У нас есть уголки Зотова в школах и интернатах. Есть улица Зотова в том микрорайоне, который на Всесоюзном конкурсе получил призовое место. Сейчас строим экспериментальный микрорайон. И будьте уверены – приз у нас в кармане...

– Мне в жизни очень повезло, что я встретился с девушкой Галинкой, которая стала после войны моей женой Галиной Кон-

стантинской, – решил признаться в своей тайне Зотов.– Мало кто знает, какие заботы у неё со мной. В институт я прихожу с готовым решением, а обдумываю и подготавливаю всё дома, с ней.

Мы гуляли с Зотовым по Ангрени. Он показывал мне арки и фонтаны во дворах микрорайонов. Привел в музей, где есть экспонаты, посвященные и ему. Водил по залам картинной галереи – первой районной галереи в республике. А потом пошли смотреть карьер.

– Это грандиозное, захватывающее зрелище, – уверял он.– Только давайте поднимемся на вершину склона.

Подъем на крутой склон оказался непростым. Но Зотов смело устремился вверх. Отсюда, с высоты птичьего полета, хорошо просматривались плотина и водохранилище. Мальчишки купались в реке. А поодаль открывалась панорама огромного котлована угольного разреза. В его огромной чаше машины, экскаваторы, паровозы и вагоны выглядели детскими игрушками.

– Уголь добывают газифицированным способом. Из-за рубежа приезжали обучаться этому методу в Ангрени.

Зотов рассказывал о настоящем и будущем Ангрени. Например, о том, что в городе будет сооружено крупнейшее в республике водохранилище. Что в Ангрени будет построено около 50 тысяч квадратных метров жилья. В городе будут разводить сорок тысяч норок всех цветов...

Забегая в будущее, скажу, что его мечты и планы сбылись с лихвой. Сегодня в Ангрени проживает более 175 тысяч жителей. На относительно маловодной реке Ахангаран, давшей городу имя Ангрени, раскинулось Тюябугузское водохранилище. Это «Ташкентское море» любят жители столицы. Сооружена единственная в Средней Азии станция подземной газификации угля. В окрестностях города расположен Чаткальский заповедник...

– Надо торопиться домой, – спохватился Александр Николаевич, – чтобы успеть посмотреть с женой по телевизору хоккей.

И я уже не удивился.

Мы остановились около памятника 30-летию Победы. Бронзовый солдат застыл в броске с автоматом в руках.

– Нравится памятник? – спросил Зотов. – Здесь доля и моего участия.

И это прозвучало символично.

И послесловие к нашей беседе.

В доме отдыха в Суханове, под Москвой, в предпраздничные майские дни в честь очередного юбилея Победы состоялась встреча архитекторов с ветеранами войны. За столом собрались архитекторы из всех городов-героев. Гости произносили тосты. Взял слово и председатель Союза архитекторов:

– У меня есть последний номер «Строительной газеты», где напечатана статья «Воин и зодчий». Позвольте, я вам зачитаю эту статью.

И зачитал. После короткой паузы в притихшем застолье председатель сказал:

– Этот архитектор находится среди нас. Встаньте, пожалуйста, Александр Николаевич.

Зотов, покрасневший от волнения, встал. Все присутствующие за столом тоже встали и аплодисментами приветствовали архитектора с опаленным лицом. Каждый старался подобрать слова восхищения мужественной жизнью Зотова. А ведь эти люди сами прошли все круги ада войны.

Кто-то высказал предложение – каждому расписаться на этом номере «Строительной газеты». Зотову вручили газету, всю испещренную автографами архитекторов-фронтовиков. Этот день запомнился ему на всю жизнь...

А мне запомнился с тех пор его подвиг, длиною в жизнь.

Помнит ли Республика Узбекистан своего знаменитого ветерана войны архитектора районного планирования Александра Николаевича Зотова? Конечно, помнит. Ведь есть улица Зотова в Ангрени, и сам город Ангрени. Есть его ученики. Республика была стране второй матерью. Ташкент принял тысячи и тысячи беженцев, десятки эвакуированных заводов. Поэты и писатели, музыканты из Ленинграда, деятели «Мосфильма» с благодарностью вспоминали дружественный город, давший им приют в годы войны. Нарицательным стало название книги Александра Неверова «Ташкент – город хлебный». В республике Узбекистан, как и в России, чтут святую память о людях, отдавших жизнь за свою Родину. Думается, помнят и подвижнический подвиг ветерана войны Александра Зотова.

По крайней мере, в Ташкенте, в медицинской академии на кафедре глазных болезней проректор по учебной работе профессор Акилов Ф.А. (с 2005 года) в своих лекциях для пятикурсни-

ков лечебного, медико-педагогического и медико-профилактического факультетов приводит уникальные примеры тех, кто, будучи слепым, смог достичь профессиональных высот. И среди них архитектор Александр Николаевич Зотов, по проекту которого построен город Ангрэн.

СВЕТЛОЕ ОЗЕРО

Рассказ

Вообще здесь красиво. Весь этот Ханты-Мансийский образ – это тайга и вот-вот начинается тундра. Здесь растет в основном сосна, высокая, прямая. И этот пригорок, который мы выбрали на берегу озера, – как будто создан для туристов. Между прочим, местечко такое удобное – две мощные сосны на пригорке, и между ними такое расстояние, чтобы только натянуть палатку.

Тем более – полярный день начался, круглые сутки день. Мы остановились чуть севернее Ханты-Мансийска. Солнце заходит примерно часов в двенадцать. Но совсем за горизонтом не скрывается, а чуть выглядывает – поэтому темноты ночной фактически нет. А часа в три солнце опять выходит. Я первое время вообще к этому не мог привыкнуть.

Сейчас для пернатых птиц уже поздно. Ни птиц, ни животных не видно. Птицы летят тогда, когда первый-первый лед начинаем сходить. Мы натянули рыбацкую сеть, двадцати метров длинны, между двух сосен в кустах. Но ни одна птица не запуталась в ней. Нет птиц.

А природа – изумительная.

До чего же человек может мало сделать, оставшись один на один с природой. Он может уничтожить всю рыбу в озере, чтобы развести там другую. Он может летать на самолетах, выше птиц. Но только он лишился своих технических преимуществ, сразу понимает, что врожденных преимущества перед природой у него нет. Вот куда пойти – если болота кругом и дороги нет. И не хватит пройти через всю необъятную тайгу. Что будешь есть, если не имеешь, как дикое животное, чуткого нюха, мягкой походки, острых когтей, легкой прыгучести... И ты остаешься уже во власти природы. И погибаешь, как перезревший синий гриб, опавший лист... Даже собственную, человеческую природу победить не можешь.

По сути дела, вся жизнь человека – это борьба за выживание, борьба с природой. Нет, людей спасает от нападения природы не техника. А их чувство взаимовыручки. И, кстати, это тоже заложено в нем природой. Допустим, птицы налетают стаей на коршуна, отбивая от его посягательств гнездо своих сородичей. Это чувство взаимовыручки постигается с развитием человека.

– Что же они нас не выручают? – размышляет вслух Николай.

– Выручат.

Так вот, эта взаимовыручка сначала была на стадии племени, потом страны, а теперь сообщества стран. Вот и наш прибор – результат содружества нескольких стран, во взаимопомощи нуждаются целые формации – когда речь идет об опасности исчезновения рыбы на земле.

– А мы из-за халатности каких-то горе-руководителей погибнем.

– Значит у них чувство взаимопомощи – на доплеменной стадии развития.

– И с какого бодуна все это затевалось?

– Я же тебе говорил. Правительство решило провести эксперимент по электролову рыбы. Было международное совещание – во Дворце культуры работников пищевой промышленности. Слышишь слово – культуры? Культуры работы, добычи рыбы, сохранения экологии... Были делегации из Германии, Польши, Болгарии, нашей страны. Приехали многие специалисты. В итоге решили на общих началах внедрить в производство ряд аппаратов отечественных и зарубежных. В это время в Риге уже был разработан ранцевый аппарат «Пеликан». Им заинтересовались.

– И ты с такой гордостью чешешь, как будто рад нашей гибели ради всех этих стран.

– Подожди, Николай. Знаешь, почему аппарат называется «Пеликан»? Не знаешь. Вот эту птицу – пеликана мужики используют для лова рыбы. Перевязывают ему горло и пускают в воду. Он этим клювом, ковшом захватывает рыбу, а проглотить не может. А рыбаки вынимают у него рыбу изо рта.

– Живодеры. А у тебя и не перевязано горло, а проглотить не можешь, потому что – нечего! Уже какие сутки? Аппарат тяжелее птицы – двадцать килограмм на спине висит – не шутка.

– Ну, вот, слушай дальше. С чего все началось, ты, якобы, спрашиваешь? Еще в девятнадцатом веке ученые выяснили, что рыба в воде все время движется к аноду (положительному заряду). Вот на этой основе весь аппарат и сконструирован. Это ты, электрик, и сам знаешь, лучше меня. В воду бросают катод (металлическую сетку – в полметра каждая сторона).

– Ну что ты заливаешь? Надоел. И забыл – еще бросают проводок.

– Да, проводок. Рыбак Николай Беглов заходит в озеро. С этим аппаратом на спине, бросает в воду катод, соединенный металлическим проводком с аппаратом. А анодом у тебя служит что? – Правильно, сачок.

– Чтобы не долбануло током, ручка у сачка – эбонитовая... Сачок опускаешь в воду... в воду... Не могу больше, спать хочу...

– Не спи, чтобы раньше смерти не умереть. Слушай лекцию. Нажимаешь кнопку на аппарате – и возникает электрическое поле. Радиусом воздействия до трех метров. Только длина сачка – полтора-два метра. Ожидаешь, что где-то в кустиках рыба имеется. Раз туда – сунул сачок. И рыба сбегается к аноду. Поднимаешь сачок – а в нем рыба.

– Откуда? Нет здесь рыбы.

– Этот аппарат в основном и предназначен для зачистки прудов. Когда воду из пруда спускали – рыбу отловили. А там, в небольших ямках в кустиках рыба осталась. Ее и вылавливают «Пеликаном».

– Поймали и съели рыбу. Давай теперь воды попьем, уже вскипела на костре. Зараза, даже пахнет не рыбой, а какой-то химией...

– Решили испробовать этот аппарат в водоемах Сибири. Ты же знаешь, что здесь, в Тюменском крае, есть Сибнирх – Сибирский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства. А в Ханты-Мансийске – отделение этого научного института.

– Пошел на хер! Заколебал ты меня своей бесполезной лекцией. Кому ты рассказываешь? Тайге?

– Я обязательно буду читать лекции, готовлюсь после защиты диссертации в родном астраханском рыбвтузе читать курс промышленного рыболовства.

– Жора, ты рассказывал, что готовился Ленина играть в театре, все мне картавил на его манер. Ну и где твой Ленин, мечтатель? А теперь подохнем – и лекции репетируешь зря.

– Алхи-важно, батенька, быть готовым к леволуции. А загланица поможет... Ладно, слушай. Почему здесь, в Сибири, решили испытывать «Пеликана»? Потому что водоемы Сибири по электропроводности воды – идеальны. Понял? Подходят для многих аппаратов электролова. Вот и нас забросили на испытание этих аппаратов...

– Вот именно забросили – и забыли!

– Не паникуй! Чтобы заняться внедрением этих аппаратов – нужно подготавливать кадры. Значит, нас спасут. Ведь мы – уже готовые кадры.

– Спасайся. А я уже подышаю, сил больше нет.

– В Ростовской области на базе Пролетарского рыбозавода организован был двухнедельный семинар, пригласили многих и из Сибири. Я там был, как старший научный сотрудник Ханты-Мансийского отделения – Обь-Тазовского. От бассейна рек Обь и Таз. Пролетарский рыбозавод там был базой. А эксперименты проводили ленинградские специалисты рыбного хозяйства и Рижского конструкторского бюро Запрыба.

– Как ты меня утомил. Взял бы топор и изрубил тебя на холодец... Во нажрался бы!..

– Ты что?.. Спятил!.. Запрыба – автор нашего «Пеликана». Они испытывали эти аппараты на Пролетарском водохранилище. И внедрили их там. До десяти процентов улова добывают электрическим способом...

Вдруг облака стали пикировать с неба, так потрясла глупая идея Николая о «холодце». Здесь на Севере это – не шутка. Много зеков живет на поселении. Все знают, как бегут из заключения с «консервами». Двое сговариваются – третьего зека по дороге убить и съесть – вот тебе и ходячие «консервы»! Вот тебе и холодец!

Чтобы отвлечься от головокружения, я повернулся на живот, приглядывать за лежащим на траве Николаем. «У него ума хватит!..» – подумал Жора и решил продолжить беседу.

– Слышь, Николай? Я там, на семинаре, познакомился с парнем из Ханты-Мансийска. Раньше я его не видел. А начали спрашивать, кто, откуда. Я и узнал, что он работает в Ханты-Мансий-

ске на рыбокомбинате электриком. Думаю, хорошо. Я не очень-то разбираюсь в электротехнике. Все проводочки – в разные стороны. А хорошо разбираюсь в рыболовстве, знаю ловецкую сторону, общие, теоретические основы. Звали его Николаем. Первое впечатление – изменчиво. На вид он такой простодушный, простецкий. Как дурачок. Дурачка валяет в разговорах.

– Сам дурак.

– Нет, погоди. Роста маленького. Вечно с улыбочкой, ухмылочкой. Что ни рассказывает – вечно ухмыляется, и обязательно с хохмой. Хоть и трагическое будет, а он все равно найдет здесь что-нибудь смешное. Удивил меня раз такой хохмой: «Как встречаю Владимира Ильича Ульянова, всегда говорю ему: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить». А он смеется: «Дозубоскались».

– Действительно, тройной тезка Ленина в Ханты-Мансийске работает, я не познакомился бы – не поверил. И даже чем-то похожий на Ленина...

– А я не ожидал, что в электротехнике этот Николай так здорово тянет. Я видел его потом на комбинате в работе. Электропроводка – ведь это опасно, высокое напряжение. А он с ухмылкой – под током. Герой, да и только.

– Герой – с дырой... Вот тут и напряжения нет, а всего трясет. Подышаем с голоду. Давай лягушек, что ли ловить, как вьетнамцы.

– И французы едят лягушек. Лягушачьи бедрышки под соусом шофруа!

– Да меня травить начнет... И ни один самолет над нами не пролетел. Авиация что ли вся кончилась?

– Нет. Слушай дальше... В заключение работы семинара наш профессор Сучков сказал, что электроаппараты имеют в рыболовстве большое будущее. По всей стране их надо распространить. И в первую очередь это зависит от Сибнирха. «Вот и представители сидят здесь, – и показал на нас пальцем, и дал наказ: – Вам внедрять это дело!» А ты, Николай, ухмыляешься и мне говоришь: «Ну, что ж, поедем с тобой куда-нибудь?». Все это было в начале мая.

– Черт меня дернул за язык.

– Еще в мае, я приехал из очередной экспедиции, зашел в Тюмени к директору, а он говорит: «Мы вас посылаем на две-три недели в Ростовскую область...»

Я не дал ему договорить, взмолился: «Да, как же так! Я столько времени семьи не видел. Только что в командировке был. Как хотите, а я поеду в Ханты-Мансийск, домой, семью хоть повидаю». А директор – дока, знает, чем крыть. Говорит: «Как ты поедешь? Ты можешь не вернуться – ледостав начнет».

– Ну что ты, поддался?

– А то... Ведь в Ханты-Мансийске нет летнего аэропорта. Только на лед садились. А потом был перерыв, ждали недели три, когда можно будет гидроплану на воду садиться. Я говорю: «Все брошу, а я к семье поеду, хоть на один день». И улетел. Повезло – прилетел в Ханты-Мансийск, один день побыл с родными дома. Потом пришел к директору отделения. А он кричит: «Уже тут звонят о тебе!» «Вы понимаете, – говорю, – я к семье прилетел. У меня дома дочь только недавно родилась». «Да я-то понимаю, поздравляю, – говорит. – Но что скажет директор головного института?» Я махнул рукой: «Завтра уеду». На следующий день собрался уезжать. Жена говорит: «Ну, вот, только приехал – и опять уезжаешь». Я – в аэропорт. Лед уже размок. Кое-как самолет приняли, Ан-2. Я в Тюмень прилетел, а оттуда в Ростов-на-Дону.

– Это уже не лекция, а горькие слезы. Давай поспим. Больше не могу слушать, извини... Извини...

И захрапел. Я тоже решил передохнуть. В горле пересохло. Пена густая, даже слюней нет. Попил горячей воды из котелка над костром. Голод уже так остро не чувствовался. Но спать нельзя. Надо, чтобы кто-нибудь следил за небом. Вдруг нас ищут, можем проспаться самолет.

И который раз прокручивал в сознании все, как было...

В самом конце мая – начале июня начальство мне говорит – собирайтесь в поход. Кто поедет? Вы на семинаре были – вам и карты в руки. Давайте – езжайте. И еще один товарищ был с рыбокомбината, это электрик Николай Беглов. Ему лет под сорок (оказалось – 37 лет). А мне месяц оставался до 26-ти. Я позвонил на рыбокомбинат. Мы с Николаем встретились. Программу испытаний нам утвердили. Ее цель – выяснить, можно ли рыбу ловить в Сибирских водоемах таким методом.

Директор дал инструктаж:

– Мы подберем участок в тайге – озеро, с соответствующими параметрами, близкими по условиям, в которых можно применять данный аппарат.

Наговорил с выкрутасами, сорок бочек арестантов, а сам уехал в продолжительный, по чину, отпуск.

Так, не зарывайся. Что было дальше?

А дальше – была весна. В июле здесь весна только начинается. Местность болотистая. Транспорт сюда никакой не ходит. «Только самолетом можно долететь...»

Точнее, только гидросамолетом.

Я пришел на рыбокомбинат. Встретились с Николаем. Говорю ему:

– Ты знаешь, что нас посылают?

– Знаю.

– Давай обсудим, обговорим, что нам с собою взять.

– Ну, во-первых, этот аппарат «Пеликан», не забыть бы, – смеется. – Плавсредства – чтобы можно было свободно передвигаться по озеру.

– И в разных местах проверять действие аппарата, – добавил я. – Когда летим?

– Все зависит от гидросамолета АН-2. Он маленький. Какое плавсредство с собой возьмешь? Только надувную лодку, четырехместную. Двое сядем, посредине – между нами будет этот аппарат. Он весит двадцать пять килограмм. Четырехместная лодка выдержит. И можно будет свободно передвигаться.

– Весла только не забыть, – посмеялся и я.

Веселые были, мать твою за ногу! Довеселились...

И зарубки сделали на весенних стволах. Думали, хоть живицу пожую. Но живица бывает на кедрах, а сосновая смола – дрянь какая-то...

Что дальше?.. Через день-два институт договорился об аренде гидросамолета, чтобы нас забрали и доставили на место экспериментов

Вся сложность была в том, что в это время надвигался лов карпа. И самолеты были заняты, помимо пассажирских перевозок, – на доставке этой рыбы на комбинат. И трудно было снять самолет с этой работы для нас. Наука – как всегда, по остаточному принципу.

Когда мы договаривались, какой подобрать соответствующий водоем, начальник добычи сказал:

– Вот у нас на примете есть один водоем. Небольших размеров, озеро Светленькое. Хорошо. Там рыба есть, но давно не ведется лов. У вас там будет свободное поле деятельности. Ни от кого не будете зависеть – ни от промысла, ни от вкзивок начальства. Вот туда мы и забросим вас.

И забросили нас, в буквальном смысле этого слова. И никто уже сколько дней нас не хватился искать. Эгоисты, чертовы! Каждый только собой занят.

Так, не зарывайся, говорю...

– Мы согласны, – подтвердили начальнику лова.

– Давайте. На сколько дней вы поедете?

– Ну, сколько? – прикинул я. – На три-пять дней.

Думаю, ведь все задание в том, чтобы сунуть в воду в разных местах сачок, включить ток и проверить – идет ли рыба в этот электрический сачок, или нет. Три дня нам хватит, чтобы выполнить эту программу. Выяснить, можно ли применять электролов в наших условиях.

Стали готовиться к отправке. Надо взять питание. Коля сказал:

– Я зайду в цех, с линии мне девчата всегда дадут пару-тройку банок консервов. Хлеб, соль, спички – берем по привычке. Удочку берем?

– А удочку зачем?

– Для того, что надейся на лов электроаппаратом, а сам не плошай.

Тогда берем сеть, – предложил я. – Две сетки по двадцать метров, ставнушки. У меня есть.

Взяли, конечно. Вон одна стоит поперек озера – для рыбы, другая натянута в кустах – для птиц. Мертво стоят. Вот пропасть. И куда золотая рыбка подевалась? Трепач – этот начальник добычи. Чтобы ему пусто было.

Дня через два приезжаю с рюкзаком на рыбокомбинат. Рядом аэропорт. Коля уже здесь, тоже тепло одетый – весна. Самолета нет. Подождите, еще нет разнарядки для перевоза рыбы.

– Интересно, какой рыбой будем мы в этой разнарядке? – усмехнулся Коля.

– Карпом, – отвечаю.

Час-два ждем, три... Уже и подмерзать начали. Наконец, подали машину – идите, езжайте. Довезли нас до аэропорта. Аэропорт – одно название, сарай с вышкой.

Мы сели в гидросамолет и быстренько долетели.

И вот тут-то и встрял в нашу судьбу черт рогатый. Хотя похож был на нашего летчика. Такой курносый, моргаслепый, небритый.

Пилот смотрит вперед по курсу и спрашивает:

– Где это Светленькое озеро?

Крыльями машет, то на одно крыло наклоняется, то на другое крыло.

– Так, конфигурация, – говорит, – на сердечко похожая. Ага, вот оно.

Раз сделал круг, второй круг – посадил гидросамолет. Между прочим, на озере поставлен плот, для приема гидросамолета.

Сели нормально. Мы сошли. А черт рогатый вслед говорит:

– У-у, ребята, здесь красотища. Тайга, лес и бугорочки. Там палатку разобьете. Прекрасно. Деревянный садок есть для пойманной рыбы. Все прекрасно... – Пошел к самолету, помахал нам копытом. – До свидания! Дня через три-четыре я за вами прилечу.

Мы на это и ориентировались, взяли с собой питание на три дня, да еще на рыбу здешнюю надеялись. Ну, на четыре дня еды хватит, даже без рыбы.

Вот только бы человек добрый нам обещал. А то ведь сбавил нас – и забыл. Перебросили его на другой легкий маршрут – и он обещание с себя снял, не поинтересовался даже, прилетел за ребятами кто-нибудь вместо него? Уже другие задания у него, а совести и ответственности нет. А мы подышаем брошенные. Потому что не только он такая сволочь, а все наши начальники.

Ну, ладно. Береги нервы, не трать последние силы...

Как спать хочется. Надо Николая послушать. Дышит он. А то, не ровен час, так и помрет во сне от истощения. Дышит, вроде, как при агонии мать моя дышала. Царствие ей небесное! Ближе к смерти – всех покойников вспомнишь...

Да что начальники, когда простые-то рабочие – и те подлые шутники. В этом мы сразу убедились, как только стали здесь распаковываться. Вспомнили, что перед тем, как уезжать, мы взвалили на плечи свои рюкзаки – и они показали нам очень тяже-

лыми. Что такое? Вроде, когда собирали рюкзаки, они не были такими тяжелыми. Ну ладно, долетели. А, оказалось, работники электроцеха, товарищи Николая, подсунули нам в рюкзаки железки ради хохмы. Вот Николай любил хохмить, они ему тем же ответили, решил он. А я думаю, больше – от зависти. Он летит на эксперименты, а их – начальство не замечает. И в его рюкзак подсунули ротор от электромотора килограмма на три. А в моем рюкзаке – другая железка.

– Спасибо, дорогие сволочи! – разозлился Николай.

А я посмеялся, говорю, может, нам пригодятся. Что остается делать, когда такая дискриминация. Начнешь шуметь – только больше опозоришься. Смейся, паяц, над разбитым корытом.

Поставили мы палатку. Думаем, сегодня не стоит спешить с экспериментом. Сначала организуемся, освоимся с обстановкой. А завтра и послезавтра будем проводить опыты. А на четвертый день за нами прилетит гидроплан, и мы с результатами, и с высоким чувством выполненного долга, отправимся домой.

Нашли хороший, не топкий, бугорок недалеко от болотистого берега озера. Если дождик пойдет – не промокнем. Рядом – две здоровые сосны, толстые. Между ними и натянули палатку. Разложили спальные мешки. Все отлично.

– Что делать? – спрашивает Николай. Не сидится ему среди такой красоты. Хотя время к вечеру.

– Может, рыбки поймаем? – кажется, он предложил.

А я говорю:

– Зачем эта рыбка нужна сейчас? У нас есть консервы – готовая рыба, только разогреем да поедем. А вот завтра – дело будет видно, и рыбки – наловим.

Ладно. Разожгли костер, чин чинарем. Разогрели на костре консервы.

– Новое дело предстоит, – говорю. – Давай обмоем, по русскому обычаю. Каждое дело начинается с вина. И когда рождается человек – крестины, и когда умирает человек – поминки с вином. В институте я взял триста граммов спирта. – Разлил по кружкам: – Давай выпьем за удачу, Коля.

А он говорит, не поднимая кружку:

– А я не пью!

Что такое? На Севере – человек не пьет!

– Как не пьешь? – вырвалось у меня. – Может, не хочешь?

– Да нет, не то, что не хочу. Я вообще не пью.

Смех! И мне-то одному неудобно пить.

– Как же ты до такой жизни дошел? – спрашиваю.

– Да вот так.

Оказалось, он когда-то, мальчишкой, очень рано пристрастился к выпивке. Пил по страшному. В семье – он один и мать. Мать вечно работала уборщицей на рыбокомбинате, потом – фасовщицей, чтобы прокормиться и его воспитать. А он был предоставлен сам себе, и улице. Рано с дурной компанией связался. И стал крепко закладываться. Ему уже везде, и в школе, и в милиции твердили: брось эти выпивки – плохо кончишь. Но ребята есть ребята, тем более уличные. Они одно твердили – пей, ты что, не мужчина? Иногда и спирт предлагали выпить, не разведенный. Тогда продавали питьевой спирт в магазинах.

И вот с Колей произошел случай. Однажды они в компании отмечали праздник. Он, крепко выпивший, пошел домой. Но до дому не дошел и где-то свалился зимой на улице, и обморозил ноги. Утром его отвезли в больницу, и ампутировали пальцы на обеих ногах. Все пальцы. Вот тебе и хохмачки. И это произвело на него такое потрясающее впечатление, что произошла реакция отторжения от спиртного. Он дал себе слово, что больше не будет пить. И не пьет.

И вот вспомнилось мое первое впечатление о нем: маленький, с придурью, смешком и хохмачкой. А оказалось, у человека такая большая сила воли. Люди лечатся годами от пьянства – не могут излечиться. А он сказал: не буду пить – и баста. Прекратил. Его и в армию не взяли, потому что пальцы ног ампутированы.

– Я ничего не пью, – сказал твердо Николай. – Выпей один.

Я чуть пригубил – и нет настроения одному пить.

Переночевали мы ночь с Николаем. На следующее утро приступили к эксперименту. Вынули свой аппарат «Пеликан». Опробовали его в воде – ток есть. Все нормально. Озеро небольшое. Смотрим с берега на поверхность воды, где может быть рыба. Вон там, подальше от нас, на берегу кустики спускаются к воде. У кустиков, скорее всего, и есть рыба. Пешком на противоположный берег не пойдешь. Надули лодку, спустили на воду, поставили на нее аппарат. А лодка оказалась двухместная, а мы рассчитывали на четырехместную. Когда в эту лодку сели вдво-

ем, да еще с аппаратом – получился уже приличный вес. Поэтому напрямую, на открытой воде, не решились в ней плыть, пошли вдоль берега. И время от времени включали «Пеликан». Что такое? Ток есть, а рыбы нет. В чем ошибка? Почему абсолютно никакого результата? Вот тебе и теория – блеф? То есть ловить рыбу таким способом нельзя? Мы же чувствуем, что поле электрическое есть, и прибор показывает, что есть. Николай сидит в лодке первый, потом стоит аппарат, сзади сажу я. Николай ведет сачок, а я сзади включаю аппарат и слежу за показаниями приборов. Все работает – а рыбы в сачке нет. Мы прошли пол озера вдоль берега к намеченному месту с кустиками у воды. Обшарили все кусты – рыбы нет. Так ни с чем и вернулись к палатке. Сели – начали думать: в чем же дело? Аппарат абсолютно новый – с заводской пломбой.

– Может, рыбы нет? – усмехнулся Коля. Черный юмор какой-то.

– Рыба должна быть, – не поверил я. – Начальник добычи уверял меня, что рыба здесь есть, больше чем достаточно, потому что ее давно здесь не ловили.

Я убеждал, а сомнение уже возникло. Нас много в чем убеждают, насуют золотые горы, а всё оказывается враньем.

Коля стал прикидывать, что в аппарате может не работать. Включает – все прекрасно работает. И, в конце концов, он решил сунуть руку в это электрическое поле. Вот балбес! Но жив остался – только слабое пощипывание почувствовал. Значит, поле есть. Почему же нет рыбы? Она должна быть. Не в этом месте, значит, в другом.

Поехали в другое место. И в другом – ничего. Мы наметили несколько маршрутов – вдоль и поперек озера. Проехали, прощупали – ничего! За день обшарили все озеро. Никаких результатов. Рыбы нет!

Сели ужинать. Рыбы не поймали – открыли опять консервы. У нас все питание – хлеб и несколько банок рыбных консервов, которые дали ребята из цеха. Поели. Весь вечер, до сна, обсуждали: почему рыба не ловится. Воды накипятили, чаю попили. Настроение упало.

– Рыба не ловится, потому что аппарат не годный, – решил Николай. – Что-то в нем не додумали.

– А вдруг здесь электропроводность воды не такая, какую нужно? – заподозрил я, в полусонном состоянии. На какую

электропроводность рассчитан аппарат? Или не та соленость воды?

В общем, пока не заснул, из меня лез всякий бред, в этом духе.

Утром проснулись и думаем: сегодня прилетит за нами самолет – чего же мы будем докладывать?

– Я сам не пойму, – говорит Коля. – Единственное, что можно допустить, это негодный аппарат. Негодный сам по себе. Вроде, рыба здесь должна быть. Садок для рыбы на озере стоит. Значит, рыбачили. И плот стоит – значит, рыбу вывозили на гидросамолетах.

– Может, нам на другое озеро нужно свалить? – отчаялся я. – Но как? Кругом болота.

На следующий день после обеда ждем самолет. Свернули аппарат. А самолета нет. Что за чертовщина?

А в это время в тайге – полярный день, светло и в десять часов вечера. Мы поняли, что самолета сегодня не будет. Стало тревожно. Залезли в палатку. Друг у друга спрашиваем, почему самолета нет.

– Вот такая неорганизованность, – нервничает Николай. – Ведь договорились же, что гидроплан за нами прилетит через три дня на четвертый?

– Разнарядки на рыбу еще нет! – передразнил я нарядчика, который нас отправлял с задержкой сюда, на это озеро.

– Бывает, – успокаивал меня Николай. – Может, рыбу не в том направлении вывозили в эти дни.

– А ты знаешь, что из продуктов у нас осталась только одна банка консервов, а хлеб почти весь съели? – огорошил я Николая.

Легли спать, а сами гадаем: если самолет вечером не прилетел, значит утром обязательно прилетит. Но палатки решили не собирать. Пока гидроплан к озеру подлетит, успеем наскоро собрать эти палатки.

Но утром самолет не прилетел.

– Значит, рыбу они будут забирать после обеда, – все надеялся Николай.

Но я уже не верил. Молчал. Искал выход из беды. Во-первых, решил еще раз проехать по озеру на лодке. Может, аппарат работает, и поймаем рыбы на обед.

– Давай, я один поеду через озеро, – предложил Николай. – Вдвоем немного неудобно.

Понятно, что неудобно, один легче, чем два, когда лодка почти тонет под тобой.

Через три часа он возвращается – ничего. И самолета нет.

На обед одна банка консервов осталась. Я подумал, надо бы сэкономить. Что меня на это толкнуло? Страх подсознания.

Перед этой поездкой в газете «Советская Россия» читал разгромную статью. Геологов забросили на трассу вырубать лес, делать просеку для съёмки. Забросили – и забыли о них. Потому что тот, кто их туда назначил и забросил, – ушел в отпуск. Другому передал задание – забрать геологов, а тот тоже ушел в отпуск. И след геологов потерялся. Продукты кончились, а за ними никто не прилетает. Случайно у них ружье оказалось. Стреляли медведя – выжили, пока их хватились. И у меня почему-то интуиция сработала.

Я говорю:

– Коля, что мы всю банку будем есть? Давай только половину съедим. Вдруг опять какая-то неорганизованность у них в конце дня приключится. И они только завтра прилетят. А нам утром покушать будет совсем нечего.

Он согласился. Съели в обед полбанки консервов. На ужин решили только чай согреть. Хлеба немного осталось – не тронули.

Утром мы уже с тревогой ждем самолет. И вдруг что-то затахтело в небе. Мы обрадовались – вертолет! Над озером летит.

А он почему-то повернул в сторону – и ускользает, улетает. Мы кричим, машем руками, прыгаем на берегу. А он улетел – и с концами. Проклятье!

– Мы ожидали гидросамолет, а не вертолет, – пытался успокоить я Колю. – Для вертолета здесь и посадочной площадки-то нет. Надо вырубать лес.

Что говорю, сам не знаю. Крыша едет уже.

– Может, на той стороне озера он сядет? – предположил Коля. – В крайнем случае, туда потащимся. Пусть подождут.

Тоже мелет чепуху. Ведь улетел давно вертолет.

Опять день склоняется к закату. Страшно хочется есть. Последние полбанки консервов сварили на обед. Верчу в руках консервную банку – «Язь... 350 гр.». Приятно пахнет этот язь. Кусочек крохотный рыбки остался в уголке приоткрытой крышки. Я слизал. Были макароны – немного. Их сварили на последний

обед. Пятый день прошел. На ужин – опять чаек. Вертится поговорка: «Наутро – чай, в обед – чаёк, а вечером – чаище!» Еще по паре печений осталось на утро к чаю. Сэкономил.

На следующее утро сварили чай. Думаем – сегодня уж нас обязательно возьмут. Только мы позавтракали – смотрим – летит самолет. Сделал над нами круг и... улетел.

Коля был в убийственной панике. Ревел, как зверь, матерился многоэтажным матом. Истерил, метался по берегу, слезы и слюни так и брызгали из него. Наконец, упал на траву и признался, что читал тоже эту статью о брошенных геологах в газете «Советская Россия». Только не хотел мне говорить, чтобы не пугать маленького. А сейчас понял, что мы пропали.

– Сволочи!.. – твердил он сквозь всхлипывания, и это было самое мягкое слово всем начальникам и всему миру. – Все про нас забыли.

– Прошло ведь лишних три дня, – пытался я его остановить. Три дня, а не три месяца, как в статье о геологах.

А сам думаю: «Что делать? Что жрать? У нас остался только спирт...». Глоток хватанул – обожгло, и жить захотелось. Пошел, взял топор, и сделал насечки на соснах. Берез нет – а как было бы хорошо, березового соку накапать в бутылку от спирта.

А Коля стал считать:

– Допустим самое худшее, начальник отдела добычи рыбокомбината ушел в отпуск и забыл о нас сказать начальнику транспортного отдела. А он не был в отпуске два года. А ему положено отдыхать семьдесят два дня. Значит, это два с половиной месяца нас отсюда не снимут – закричал он. – Ты понимаешь?

Тут и началась паника. Ждать 72 дня – июнь, июль, август. Никуда пешком сквозь эту топкую тайгу не пройдешь. Поблизости нет никакой трассы. Сплошные болота и озера. Ни дорог, ни жилья. Даже компаса у нас при себе нет. Неприспособленные к жизни Робинзоны! Вот в чем дело. Куда идти? Отсюда не так и далеко до Ханты-Мансийска, километров сто, по прямой, – если задаться целью выбираться пешком. Но даже на машине по болотам не доедешь. Мы заметались по берегу в отчаянии.

– Может, дней на десять раньше вернется этот гад из отпуска? – хватался за соломинку Николай. – Родственников у него особых нет... Проклятая моя судьба. То обмороженные пальцы ног обкорнали, чуть не подох! Натте вам! Бросил пить, трезвый,

как стеклышко! Так забыли на проклятом озере с голоду подыхать среди болот и бездушного мира! Нет жизни! Проклят! Проклят!..

– Брось, не паникуй! – останавливал я его. А у самого от страха горло пересохло, проглотить не могу. – Завтра нас вывезут.

– Вывезут того, кому везет, – желчно усмехнулся он. – А невезучих – и не вывозят!

И вдруг ночью до меня дошло: у нас же сети есть. И всю ночь я видел во сне сказку Пушкина о рыбаке и рыбке. А жена меня посылала к морю, поклониться золотой рыбке и попросить цветной телевизор, «наш-то черно-белый совсем не показывает». Тьфу, муть какая-то!

Утром шестого дня я говорю:

– Коля, надо рыбу ловить, есть нам нечего.

– «Пингином» дохлым, что ли? – с омерзением огрызнулся он.

– Сетью!

Николай сразу ожил. Развернули сети. И что раньше не подумали о них? Двадцатиметровую сеть положили в лодку. Поправили поплавки на верхнем подборе. И тут-то нам и пригодился в качестве якоря ротор, который нам подло подсунули в рюкзак ребята из электроцеха.

– Знали, суки, что пригодится, – пробовал пошутить Николай, привязывая ротор к нижнему подбору сетки.

Еще какую-то металлическую болванку, которую девчата из консервного цеха нам сунули в рюкзак, я привязал с другой стороны подбора в качестве грузила, притопить сеть, чтобы она не всплывала и удерживалась на месте. А на берегу ни одного камня для грузил мы не нашли.

Поставили сеть на длинных кольях. Ставим на лодке и чувствуем – бьется, родная. Значит, рыба есть. Не вытерпели – выбрали сеть в этом месте – маленькая такая рыбешка, плотва. Вздохнули с облегчением.

– Сразу и не может много пойматься, – улыбнулся я, первый раз за пять дней. – Надо подождать.

Вернулись на берег. Эту плотвичку в котел с водой бросили, пусть пока поплавает.

– Почин – дороже денег, – кивнул я на рыбу.

– Ловись, рыбка, большая и маленькая! – «поколдовал» над котлом Николай. Пацан еще. Инфантильный, как я.

Часа два подождали – поплыли проверять сетки, не поймалась ли еще какая рыба. Ничего. Сварили на вечер эту плотвичку. Как говорится: утро вечера мудренее. Без всяких лишних слов легли спать. Но и Николай, и я стали беспокоиться, что рыбы в озере нет. Я знаю, что некоторые озера сначала очищают от рыбы, а потом в них разводят ценные породы рыб. Похоже, у нас здесь такой случай. Ну, почему об этом не знал начальник добычи? Вот кретин!

– Ну, всякие могут быть неорганизованности! – стал кричать Николай. – Ну, один день, два дня могли просрочить с самолетом. Но они и на третий день нас не забрали, сволочи!..

Наутро мы встали разбитые и потерянные. Даже не охота была чай варить. Еще думали, что вот-вот самолет прилетит.

– Самолета нет, – не выдержал я, – давай проверим сетку.

Проверили – пустая.

– Надо поставить сеть в другое место, – решил я.

Переставили в стороне кустов, на километр от прежнего места. Часа два прошло. Поужинать надо бы. Николай молчал, как онемел.

– Разведу костер, заварю чай, – решил я.

– Ну, давай, – смахивая слезу с лица, согласился Николай. – Благо заварка есть.

Заварили чай, попили. Крошки печений из бумажки вытряхнули в рот, сухарики раскрошившегося хлеба Николай из полиэтиленового пакета на руку высыпал и в рот осторожно ссыпал. Все подчистили. Вот-вот должен прилететь гидроплан.

Но самолета нет.

– Все-таки самолет, что над озером тот раз покружил, нас не мог не заметить. Наверное, сообщил в городе кому-то? – размышлял я. – Я понимаю, сеть он здесь не мог, но сообщить-то мог – мы же махали ему и орали, как резаные... Сигнальную ракетницу другой раз надо будет взять...

– Не будет! – кинулся на меня Николай, я даже отскочил от него. – Другого раза не будет! Потому что нас уже не будет! Дураков ученых, в говне толченых. Понял?

– Не ори! – прикрикнул я. – Пойдем, проверим сетку.

Сплавали на лодке, подняли сеть – пусто. Опять опустили в воду. Пусть стоит. Может, еще одну плотвичку поймает.

– Нет здесь рыбы! – огрызнулся Николай.

– Тогда давай сетку другую около кустов натянем, может птица какая запутается, – предложил я.

– Ты что забыл, что нет сейчас птиц? – огрызнулся Николай, но сеть в кустах мы, на всякий случай, поставили.

А гидроплана так и нет. Кошмар! Сегодня уже не прилетит. Тогда мы, голодные и злые, решили экономить силы, не беситься... Улеглись на спальные мешки у палаток и стали рассказывать друг другу всякие эпизоды из своей жизни. Исповедоваться...

Я рассказывал ему об учебе в рыбвтузе, самодеятельности, Студенческом театре эстрадных миниатюр.

В седьмой день под вечер проверили сети – рыбы нет. Сегодня над нами несколько раз пролетал вертолет. Думали, что он – за нами. Костер все время горел. Мы кричали в небо, как могли, силы уже не те. Но вертолету бесполезно кричать, шумит, как трактор. А днем костра не видно. Только чай грели. Но, в конце концов, у нас и заварка кончилась. Легли спать. Благо у нас – крыша над головой, спальные мягкие, теплые шерстяные носки ручной вязки.

И вот что интересно. Ночью были морозы – так этот Коля, который все время жил на Севере, боялся их, говорил, что они очень опасны. Как бы опять ни обморозить ноги. Надевал шерстяные носки.

На следующее утро проснулись – я уже и в мыслях не держал, что сегодня прилетит самолет. Почему так? Отчаялся. Сетка 120 квадратных метров – не ловит рыбу, и аппарат не работает здесь. Как же так, что нет рыбы? – думал я.

А Коля предавался все время панике:

– Нас здесь бросили, и мы погибнем!

– Разве здесь возможно погибнуть? – пытался шутить я. – Одну рыбу мы съели. Может, через три-четыре дня еще одну рыбку поймает. Силы будут. Уже весна. Топор есть. Зарубки сделали – какой-нибудь сок потечет из дерева, попьем его. Пока только смола появилась на наших зарубках.

– Да, – говорит, – немного погода – и осень наступит.

– А осенью по болотам ягода прекрасно растет, витаминов наберемся.

– Долго ждать... А вдруг за нами и вовсе не прилетят?

– Ну, что тушеваться? Может быть, выйдем на какого-нибудь медведя.

– Как – без ружья?

– Как? Медведь на нас поднимется, а мы его топором хрясть – и порубим.

– Если изловчишься...

Коля, между прочим, уже опять слезы льет. Мне уже стало неприятно, что он в такую панику ударился. Я его успокаиваю:

– Подожди. Разве можно пропасть? Поплавский и Зиганшин, помнишь, сапоги ели. Девять дней на шхуне плавали...

– Тайга ведь, – взмахнул он руками, – глухая. Нас не найдешь... Вон самолеты и вертолеты дважды над нами пролетали – не увидели...

– Слушай, Коля, может, и вправду они нас ищут?.. – осенило меня.

– Может, ищут... Только мы, как иголка в стогу сена. – Он на минуту затих, а потом нерешительно сказал: – Давай выбирать пешком.

– Ты что, очумел? За сутки ты отойдешь километров за десять. Если болото не засосет. А завтра за тобой прилетят – тебя нет. Где тебя искать?

– Правда, – согласился он. – Давай здесь ждать.

Решили ждать – а есть нечего. Сколько человек может без пищи протянуть? Скоро птицы будут лететь, сеть спасет – будем птиц ловить...

Легли спать. Не спится. Я все думаю: «Вот попал в переплет!.. А я в этом году уже хотел уезжать отсюда. Отработал обязательные три года после института. Собирался в аспирантуру, написал письмо в свой институт. Такие хорошие планы были.

Вот так да, переплет! Мы стали быстро худеть. А Коля, вообще, какой-то паникер оказался.

– Ну, что ты не спишь?

– Хоть глаз выколи...

– Ничего, Коля. Перезимуем мы здесь...

Он даже взвился над спальником:

– Как – перезимуем!

– Палатка у нас есть. Забросаем ее ветками, снегом. Главное – у нас спички есть. Костер можно поддерживать. Будем хоть воду горячую пить. Ягоды будем собирать. Какую-нибудь сухую траву будем заваривать, вместо чая. Будет тепло. Под зиму медведя прибьем. А весной про нас вспомнят.

– В некрологе! – нехорошо заржал он.
– Прилетят...
А этот паникер начал ныть:
– У меня в Ханты-Мансийске, чай, дети, Жора. Что они думают?
– И у меня там жена, ребенок, всё. Тоже беспокоиться стала. Ну, мало ли какие неурядицы могут быть? Тем более несколько дней был сплошной туман – самолеты не летали. На нелетные дни сделай скидку. Это Сибирь-матушка.
– А, может, Сибирь-мачеха. Надежды нет.
– Какие надежды?..
Мне и интересно со стороны посмотреть на эту трагедию. Как он себя ведет, как я веду свою роль. Я же играл на сцене в институте.
А сколько раз мне приходилось уже здесь выезжать в командировки? И часто – неурядицы. Всякое бывало. То вдруг транспорт не выйдет на линию – пассажиров вывозить. То специальный транспорт на дополнительные поездки вообще не предусмотрен. И, ко всему, у нас – вечный бардак. Никакой культуры труда. Одни лозунги и лицемерие... Должен был отчаяться и я. Но крепился.
– Не волнуйся, Коля, – говорю. – Тринадцать дней человек, по науке, может быть вообще без пищи. А мы с тобой пять дней более-менее питались.
Тринадцать дней мы вообще ничего не ели. Сидели на надувную лодку, проверяли сетку – она была пустая. Но сетку уже не переставляли, потому что везде попробовали – бесполезно. Ведь только весна начиналась – июнь, июль... Там ничего не могло быть. А сок, а кора – все это ерунда. Ничего не ели, кроме горячей воды. Листья только проклюнулись, пожужешь почку – и выплунешь.
Нет, Коля страшно паниковал. Я так подумал: если он в такую панику ударился, да еще я в такую панику впаду – будет страшно. Конец света получится. Решил – надо как-нибудь его поддержать. А о его вылетевшей фразе о «холодце», боялся и вспомнить.
Может быть, за паникой Николая я не замечал своей внутренней паники. Ведь и мне жить хочется. Но все нас бросили. Никто о нас не знает. Никому не нужны...

Забил тревогу сначала технолог Петр Максимович Кремлев, тот, который заведовал отправкой Старожилова и Беглова. Он тогда их спросил:

– Надолго, ребята, улетаете?

– Да, нет, – ответил Старожилов – дня на три, на четыре.

А когда прошли четыре-пять дней, он вспомнил о них, и спросил в аэропорту у начальства:

– Что это нет ребят? Слушайте, вы отсылали научных работников?

– Да-да, сказали на планерке. Но два дня нет погоды. Мы завтра-послезавтра выведем их с озера обязательно.

Пообещали – и забыли.

– Кто диспетчером дежурил, когда ребят отправляли? – не унимался Кремлев.

Второй, третий диспетчер аэропорта – не могут вспомнить. Диспетчеры меняются – никто не признается. След потерялся.

А Кремлева перевели на другой участок работы.

Потом стала беспокоиться жена Старожилова – Нина. Маленькая, миниатюрная, спокойная, молчаливая, безобидная женщина. Прошло три дня – мужа нет, прошло уже пять дней – нет. Нина взяла и позвонила директору отделения института:

– Григорий Иванович, посылали моего мужа на озеро проводить эксперимент по элетролову на три дня. Прошло пять дней – завтра он приедет?

– Наверное, приедет.

– Как – наверное? А что, не вы разве послали?

– Да, да. Я знаю.

– Мы беспокоимся, помогите, пожалуйста.

Григорий Иванович звонит на рыбокомбинат:

– Как там у вас – вывозите рыбу?

– Конечно.

– Там у нас научные сотрудники. Их тоже надо вывезти.

– А где?

– На озере Светленькое?

– Как?.. Когда?.. Чего?.. – человек на рыбокомбинате не в курсе, растерялся.

– Где начальник добычи?

– В отпуске. Это надо с аэропортом связываться.

Директор связывается с аэропортом, рассказывает об отправке научных сотрудников:

– Они на Светленьком озере, помните?

– Да-да, пора вывозить... Ну, ладно, завтра вывезем.

Кто говорил, кто обещал, кто проверил – не известно.

Мужа нет. О нем может у нас помнить только жена. Нина опять звонит директору отделения института. Тот отвечает:

– Завтра обещали вывезти. Ждите завтра.

Робинзоны на берегу озера тоже ждут «завтра».

Приходит завтра – мужа не привезли. Послезавтра – самолет не прилетел....

Жена опять директору звонит. Не он ей – а она ему:

– А что, Григорий Иванович, мужа нет? Никто ничего не сообщает – приехали, нет? И вы молчите. Я буду вынуждена в окружком партии обращаться.

Тогда на всех был только один кнут.

– Да, конечно... – мямлит испуганный директор.

Нина звонит в окружком партии, в промышленный отдел:

– Муж был назначен в экспедицию на три дня. Прошло десять-двенадцать дней. Мужа нет. Целую неделю я бьюсь, ищу его, всех спрашиваю, никто ничего не знает, и знать не хочет.

Окружком партии звонит в институт:

– Григорий Иванович, как же так?

Тот, не будь дурак, знает, на кого свалить:

– Вот знаете, послали человека разговаривать в аэропорт. Все зависит от аэропорта, когда они вывезут.

Окружком звонит в аэропорт. Аэропорт отвечает:

– Мы прилетели на то озеро, а их там нет.

– Как так нет? – взвился даже промышленный отдел окружкома партии. – Там есть хоть следы пребывания людей?

Прилетели, посмотрели – нет следов. И не надо.

Но раз окружком партии взвился – второй раз послали самолет на озеро. Проверили тщательно – люди давно были, свежих следов, даже от костра, нет.

Что делать? Вот вам и чувство взаимовыручки.

Наконец догадались позвонить в отдел добычи. Помнится, с начальника добычи все и началось. Вот, где лукавый притаился. И там ответили. Действительно, начальник отдела добы-

чи ушел сразу в отпуск. Ничего никому о научных посланцах не передал. Но там нашлись люди, кто слышал эти разговоры об эксперименте с электроловом. Ребят забросили на озеро Светленькое. Но там еще есть озеро Светлое. И оба они по конфигурации похожи на сердце. Светлое озеро также в свое время облавливалось. Там был рыбацкий стан. Года три назад это Светлое озеро обработано специальным химикатом – полихлорпирином по методу профессора Бурмакина. Через три года будут заселять в это озеро культурную ценную породу рыбы – карпа. Промысловики знают все озера...

Мы лежали в палатке, полудохлые, только высунув головы из палатки. Слушали – летит самолет или нет. Я иногда вставал – и сразу чувствовал апатию и жуткую слабость. Не хочется есть, между прочим. Да и нечего.

Несколько дней прошло за разговорами. Вся жизнь прошла перед нами. Я рассказал, как мечтал быть артистом. Как участвовал в концертах. Собирал автографы известных артистов и писателей, которых встречал в родном городе и в Москве. А сейчас нашел верняковую тему для защиты диссертации на степень кандидата наук. Рассказывал, как мы с женой ездили на братские могилы, разыскивали моего отца, военного летчика, который погиб в войну. Нашли однофамильца.

А Коля говорил о себе. Мать поехала в Ханты-Мансийск, ей понравилось здесь, и она перетащила его. Он не учился в школе. Но интересовался книжками по элетротехнике, занимался самообразованием.

На восемнадцатый день за нами все же прилетел гидросамолет!

Мы запомнили это на всю оставшуюся жизнь. Мы лежали в палатке лицом к выходу и смотрели в небо. И видим, летит гидросамолет. Но сначала не обрадовались ему почему-то. Наверное, по закону усталости ожидания. Есть же усталость металлов. Но есть и усталость надежды.

Главное, он летел по тому же маршруту, как и все предыдущие самолеты и вертолеты. Гидроплан летит, заворачивает и улетает. И полетел дальше. И мы опять думаем, что не за нами летел. А этот гидроплан пролетел дальше, сделал вдали разворот и стал садиться на озеро. Ангел-хранитель!..

А мы не могли даже подняться. С одной стороны, обрадовались: за нами, наконец-то, прилетели. А с другой стороны, думаем – это, наверное, случайно самолет летел и сел на наше озеро по какой-нибудь причине. Вот как разуверились во всем вообще. Смотрим, самолет сел и пошел куда-то в сторону. Но потом стал разворачиваться – и направился к нашему Т-образному плоту – точно для гидросамолета.

А мы и от радости, и от слабости никак не можем встать.

Летчик вышел спокойно. Видит – палатка стоит. И закричал:

– Эй, ребята! Сюда давайте. Идём!

И – раз, опять в самолет сел.

Думал, мы сейчас кинемся к самолету и будем плясать от радости, наверное? А мы пытаемся ему кричать, что встать не можем, а он нас не слышит – тарыхтит самолет. Да нас и без тарыхтения самолета, наверное, не услышал бы летчик – один писк.

Мы перед этим за день сменили сеть и переставили в другое место – и поймали три рыбки. И их сварили в этот день утром.

У нас уха в котле. А мы лежим в палатке. И прилетел самолет. И не можем подняться. Вот такая картина «На пленере».

Первый и второй пилот смотрят удивленно. Никто не идет. Они заглушили двигатель и поднялись к нам.

Когда подходили, увидели, что над костром в котле что-то варится. Один смотрит в котел, а другой кричит:

– Ребята, у вас здесь есть рыбка-то? Пожрать есть?

А мы лежим и сквозь слезы выдавливаем из себя:

– Есть, варится та-ам...

– Сварилась поч-ти-и...

Пилот посмотрел в котел и махнул рукой:

– Пфи! Это что, три каких-то рыбешки?..

А потом, когда они подошли ближе, увидели нас в таком состоянии – и обомлели! Как они потом сказали: «Перед ними – обросшие трупы, Кощеи бессмертные!»

Летчики просто напугались:

– Ребята, что с вами!?

Они даже не знали, сколь времени мы здесь находимся.

Летчик говорит:

– Давайте, ребята, в самолет.

Бросились нам помогать собирать палатку и вещи. Сами довели нас, на руках занесли в самолет. Я почему-то со стороны подумал: «Тощая вязанка хвороста».

Они прихватили и нашу уху.

– Сейчас полетим, а вы по пути поедите.

Сами похлебали с удовольствием. А мы не можем есть, по ложке хлебнули – и неохота. Только самолет взлетел – у нас началась рвота. Я раньше по три часа порой летал на АН-2. Этот самолет на всех воздушных ямах и потоках качает. Меня это никогда не волновало, не укачивало. А сейчас сразу пошло травить, какая-то желтая жидкость, может желчь. Сорок минут летели.

Прилетели в Ханты-Мансийск, в аэропорт. А подняться не можем. Пилоты вызвали скорую помощь. Три дня мы лежали в больнице. Отлежались. Врачи поддерживали нам лечебный режим питания.

Пришел навестить нас мой коллега по институту. Больше он спрашивал, чем я.

– Окружком партии какие-то санкции предпринял в наказание за то, что вас так долго не вывозили?

– Не знаю.

– Но ты же член партии?

– Нет.

– Решение было.

– А что там?

– Свалили все на аэропорт.

Приходила и жена Николая. Потом он мне признался:

– Это нас спасли благодаря твоей жене. Моя сроду никуда не пойдет.

Через две недели после нашей драмы я уехал в Тюмень с концертной бригадой от Ханты-Мансийска на День молодежи. На концерте был в качестве конферансье. Директор послал:

– Ну, раз отдел культуры Тюмени приглашает – езжайте. Отдохнете после всего, – смилостивился он.

А на самом деле – отмазаться хотел, чтобы я не поднимал шума. Ему неудобно было мне даже в глаза смотреть.

Только в июле я приехал домой – Жена Нина обрадовалась – наконец-то, я вернулся.

– Да не из Тюмени, говорю, а с того света! – всплакнула она на радостях.

ГИГАНТСКИЙ РАБОЧИЙ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Новелла

А знаете ли вы, что на месте Мавзолея Ленина на Красной площади с 1922 года стоял гигантский «Рабочий»?

Статуя «Рабочего» – скульптора Ф. Лехта и красочная мемориальная доска – скульптора С. Коненкова на Сенатской башне Кремля были центром композиции ансамбля памяти павшим героям Октябрьской революции. С размахом выполнялся ленинский план монументальной пропаганды.

Монументальная пропаганда известна была еще Греции, Риму, Великой Французской революции. Колосс Родосский – одно из чудес света, Статуя Свободы – потомок того Колосса... Этот идолопоклоннический тип монументализма, в котором сакрализованная ценность гигантской фигуры намного превышает ценность окружающего его пространства, требует слишком большой веры в идею и слишком больших материальных затрат.

Этой верой в идею обладал молодой художник Фридрих Лехт. Его скульптура «Рабочего» установлена на Красной площади к V годовщине Октября. Открытое волевое лицо, пиджак на распашку, резко вознесенный в небо натруженный кулак, прислоненный к ногам тяжелый молот. Все – порыв силы и торжество победы. А мимо идет ликующая демонстрация победителей.

Мемориальная доска работы Коненкова была торжественно открыта Лениным раньше, 7 ноября 1918 г. Невысокий подцвеченный цементный рельеф, изображающий аллегорическую крылатую фигуру Славы с пальмовой ветвью в руке и приспущенными к ее ногам вишнево-красными знаменами, на которых читались слова: «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

«Мир и братство народов – вот знак, под которым проходит русская революция, – писал, поддавшись энтузиазму тех лет, Александр Блок. – Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать...»

Но умер Ленин, и в 1924 г. убрали творения Ф. Лехта и С. Коненкова.

Если слава Коненкова не забыта, то скульптора Лехта редко кто помнит. А ведь надо было завоевать право, чтобы поставить гигантскую скульптуру на том месте, где через два года встанет мавзолей Ленина – знаменитая усыпальница и партийная трибуна.

Как принято сейчас говорить, диктатуру пролетариата заменили диктатурой партии. Сменили и их монументальные символы.

Скажут, многие наспех сооруженные громадные памятники из ленинского списка монументальной пропаганды быстро убрали.

Но такое явление, как скульптура «Рабочего» Ф. Лехта на Красной площади, «забыто», видимо, по велению свыше. Некорректно спорить из-за места с Мавзолеем вождя. (Остались лишь фотокадры, где рядом с цементным «Рабочим» началась стройка деревянного Мавзолея.)

Косвенно подтверждают значимость скульптуры Ф. Лехта «Рабочий» разгоревшиеся весной 1929 г. страсти вокруг проекта Мавзолея. «Возмутителем спокойствия» оказался Владимир Маяковский. Он, по записям Щусева, не хотел примириться со статическим памятником Ленину, настаивал на сооружении динамичного, сверхсовременного памятника вождю. Оказывался, Маяковский обладал тогда огромным авторитетом и, зная об этом, стучался во все инстанции. Он предлагал поставить на Красной площади «исполинских размеров фигуру Ленина, призывающего пролетариат на смертный бой с капитализмом. Таким он должен остаться там навсегда», – писал Щусев. Почему не предположить, что Маяковский вдохновился установленной ранее на Красной площади огромной фигурой «Рабочего»? «Первому русскому архитектору» Щусеву пришлось выигрывать новый Всесоюзный конкурс, в результате которого правительство решило «перевести временный Мавзолей из дерева в гранит».

Кто же такой Ф. Лехт? И почему так мало о нем известно?

В каноническом «Списке русских художников», составленном С.Н. Кондаковым, есть и его имя: «Лехтъ Фридрих-Вольде-

мар Карлович род. 6 апреля 1887 г. Вольнослушатель Акад. Художеств с 1909 г. по 1914 г. 31 октября 1914 г. – звание художника за скульптуру «Похищение сабинянки».

(А внуки Лехта и не знали, что у деда было двойное имя Фридрих-Вольдемар).

На эту выпускную работу вдохновила Ф. Лехта выставленная среди скульптурных шедевров лоджии Синьории многофигурная мраморная композиция скульптора Джамболоньи «Похищение сабинянок» (копия, оригинал находится в Галерее Академии). Искусствоведы считают это произведение эталоном «маньеризма». Стержнем скульптурной группы является мощная фигура римлянина, в руках которого бьется обнаженная сабинянка. У его ног отчаявшийся от беспомощности ее муж сабин.

Ф. Лехт дал свое решение классическому сюжету. В его скульптурной группе – только мужественный римлянин в стремительном наклоне несет на спине вырывающуюся упругую сабинянку. Борьба мужского вероломства против женской верности.

Как известно по легенде, рассказанной Титом Ливием, при основании Рима в городе было мало женщин. Чтобы миром уладить «женский вопрос», Ромул разослал послов по окрестным племенам «просить для нового народа союза и соглашения о браках». Но тщетно, – велико было презрение соседей к «темному и низкому люду», сбежавшему в Рим. Тогда Ромул пригласил соседей принять участие в торжественных играх в честь Нептуна Конного (Консуалиях). Ближайшие соседи пришли из любопытства на праздник, а племя сабинов явилось почти в полном составе, с женами и детьми.

Когда подошло время игр, которые заняли собою все помыслы и взоры, – пишет Тит Ливий, – по условному знаку римские юноши бросились похищать девиц. Хватали без разбора, какая попадется...

Скульптура Ф. Лехта «Похищение сабинянки» засвидетельствовала рождение художника.

А по документам, родился Фридрих Карлович Лехт, эстонец по национальности, в г. Тарту в семье рабочего-садовника. Первоначальное художественное образование получил в Петербурге (куда вскоре после его рождения переселилась семья) в Рисовальной школе «Общества поощрения художеств» и завершил его в Академии художеств.

Первым самостоятельным произведением Лехта была многофигурная скульптурная композиция «Труд» (1906 г.). Это оказалось символичным в его творческой судьбе. По окончании Академии художник отдается сначала почти исключительно живописи. Произведения этого периода проникнуты пессимистическим настроением.

Грянули трагические события. Первая империалистическая война – работал на авиационном заводе, от чертежника до помощника управляющего. Февральская революция – избран комиссаром Коломяжского района в Петрограде. Октябрьская революция и Гражданская война – в 1919 г. стал коммунистом и добровольцем вступил в ряды Красной Армии.

Все эти события, конечно, мешали Лехту вплотную заниматься живописью. Хотя уже в первую годовщину Октября живописные панно Ф. Лехта (совместно с Н. Герардовым) украшали фасад Рождественского совдепа на Суворовском проспекте Петрограда. Хотя в первые революционные годы среди мастеров политического плаката в «Истории русского искусства» тоже значится имя Ф. Лехта.

Нынешнему поколению имя этого человека вряд ли о чем говорит. (Даже служители фонотеки Музея архитектуры им. Щусева и библиотеки Третьяковской галереи не знали Лехта, пока не нашли в своих картотеках).

Но кто жил и работал на ниве искусства в революционные годы, тот знал о его академической эрудиции, безудержной энергии, упорной трудоспособности, многогранном таланте, неожиданных для человека из простой рабочей среды. Естественно, поэтому он был востребован. Ему доверяли ответственные посты, один другого важнее. Художник Ф. Лехт попал в номенклатуру «ведущих искусств». С другой стороны, скульптура обладала важным для новой власти качеством – монументальностью.

По причине новаторского характера своего творчества многие известные художники в то время заняли ключевые посты в художественной жизни страны. Во главе ИЗО при Наркомпросе был Д. Штеренберг, члены художественной коллегии – Н. Альтман, Н. Пунин, В. Маяковский, О. Брик. Преподавателем ИНХУКа был В. Кандинский, директором его Петроградского отделения – К. Малевич. Комиссаром искусств губернского отдела народного образования – М. Шагал.

И Ф. Лехт с 1921 г. занимал большие должности в органах Наркомпроса, который возглавлял А. Луначарский.

Лехт был заведующим секцией изобразительных искусств Московского отдела народного образования. (Тогда и поставлена его гигантская скульптура «Рабочего» на Красной площади).

Лехт был заместителем заведующего Комиссией по контролю за вывозом за границу предметов искусства и старины в Главнауке Наркомпроса. (Только сейчас стало можно говорить об ответственности этой комиссии перед народом, обкраденным услужливыми Хамерами).

Лехт был директором театров К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко. Тогда шел процесс объединения Музыкального театра Немировича-Данченко и Оперного театра Станиславского. И Лехт причастен к созданию в 1926 г. музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко.

В 1927–1932 гг. Лехт был заместителем директора Государственной Третьяковской галереи. В это время быстрый рост коллекции остро ставил вопрос о расширении ее помещений, и при Лехте начали разрабатываться первые проекты реконструкции Третьяковской галереи.

Одновременно Лехт был членом правления и директором выставочного управления «Всекохудожник». Он входил в состав художественного жюри и в Художественно-техническую комиссию Дворца Советов (мертворожденного мифа монументально-искусства).

Творческий талант помогал ему в делах службы, придавая неординарность его служебным решениям. Отсюда – почет, уважение, премии и награды. Но служба мешала развиваться его таланту художника, отнимала драгоценное время и силы в годы самого расцвета его художественного таланта. И если бы не адское трудолюбие, не совесть и внутренняя порядочность, советская номенклатура убила бы в нем художника. Но Фридрих Лехт выжил как художник.

В 1923 г. он поступил в художественную организацию – Ассоциацию художников революционной России (АХРР) и возобновил свою творческую работу, активно участвуя почти во всех выставках и в работе президиума АХРР. Ядро этой Ассоциации составляли бывшие «передвижники», к ним примкнули и никому неизвестные «реалисты». Они выдвинули лозунг: «Героиче-

ский реализм!» Они заявили в своей первой декларации: «Наш гражданский долг перед человечеством – художественно-документально запечатлеть величайший момент в истории в его революционном порыве. Мы изобразим сегодняшний день: быт Красной Армии, рабочих, крестьянство, деятелей революции и героев труда. Мы дадим действительную картину событий, а не абстрактные измышления...» Эти слова легли на душу художнику – выходцу из рабочей семьи, создавшему еще до революции скульптуру «Великий сеятель». Вскоре Лехт стал одним из учредителей АХРР, потом возглавил малочисленную партийную группу этой организации.

Он сделал свой выбор в художественной жизни страны. Но это было непросто.

В первые годы существования АХРР на одной из дискуссий в Политехническом музее по теме «Мы и леффы», увидев в зале художника Федора Богородского, бывшего футуриста, Маяковский крикнул ему:

– Федя, зачем ты с ними, с АХРР? Зачем? Ведь ты же наш, наш!

Богородский, вскочив с места, парировал:

– Я уже, Володя, не ваш, не ваш!

В 1925 г. на выставке в Царицыно участвовали члены различных художественных творческих объединений: «передвижники», «Союз русских художников», «Мир искусств», АХХР, «Общество станковистов» (ОСТ – объединение молодежи ВХУТЕМАСА), «Бытие», «Жар Цвет», «Общество художников московской школы» и др. Но только АХРР превратился в самую массовую художественную организацию России. Со временем открылось не менее 40 ахрровских филиалов по всей стране, подобная ассоциация художников возникла в Германии.

Демьян Бедный написал дружеское приветствие VII выставке АХРР «Революция, быт, труд»:

Отложив на часик политику,
Пускаюсь в «художественную критику».
Знатоки найдут в ней много банальности,
Но ведь я пишу не по своей специальности.
А пишу потому, – хоть писать не с руки, –
Что молчат «знатоки».

Объявились такие архаровцы,
– Виноват – «ахраровцы»!
Художники новые,
Люди очень бедовые,
Ударившиеся со всех четырех копыт
В революционно-советский быт...

И далее, расхвалив картины этой выставки – «Что за лица! Герои! Титаны!», – Демьян Бедный высмеял (как он считал) академических художников, «Для дворянского сердца родных, упительных».

Да, пришли другие «знатоки». И не только неофиты, но и более эрудированные, как Президент Академии художеств П.С. Коган.

В приветствии участникам следующей, VIII выставки АХРР «Жизнь и быт народов СССР», в 1926 г. он призвал ахровцев следовать примеру художников Возрождения: «Как маляр, как простой маляр, висел Микеланджело в тележке и там, в будущей Сикстинской капелле, разрисовывал потолок. Эти художники не возвышались над массой, разрыва между прямым заказом и непосредственным ответом на него не существовало. Это не мешало им быть гениальными. Напротив, этим определялся грандиозный размах их творчества. Таков был метод работы художников, таким он должен быть и в наши дни. Принимая заказ рабочего и крестьянина, новых строителей земли, АХРР следует, в сущности, методам величайших мастеров».

Более 100 художников командировал президиум АХРР весной 1925 г. во все союзные и автономные республики. В результате, для VIII выставки было отобрано около 2 тыс. экспонатов, являющихся первой попыткой отражения жизни и быта народов СССР. Ф. Лехт был командирован в Башкирию. И на выставке экспонировалось, как никогда, много работ Ф. Лехта (35), в основном сделанных в творческой командировке. Большая часть – портреты руководящих работников и колхозников-выдвиженцев Башкирии. В том числе, первая большая многофигурная композиция Ф. Лехта «Бетонщики» (1926 г.). В этой картине художник стремился отойти от академических и натуралистических тенденций.

Возглавлял АХРР Александр Герасимов, который во многом способствовал процессу идеологизации этой организации. Пра-

вительство всячески одобряло художников АХРР. Покровителями были Троцкий, Буденный, Ворошилов. Крупская назвала деятельность АХРР «продолжением передвижничества». В 1928 г. X выставку АХРР посетил И.В. Сталин вместе с Политбюро ЦК в полном составе. Такой чести не удостоивалась, ни до, ни после, ни одна художественная выставка.

Художники АХРР тяготели к четкой повествовательной «объективности». Особое значение придавалось картине-плакату, пригодной для тиражирования. Даже была создана для этого производственная группа АХРР, в которую входил и Ф. Лехт.

Однако к 1932 г., наряду со всеми артгруппировками, АХРР распался, хотя и вошел в историю как модель будущего единого Союза художников СССР. Ф. Лехт вступил в МОСХ. И там он занимал руководящие должности, и в Союзе художников, и Художественном фонде СССР.

Самой плодотворной стала для Лехта творческая командировка на строительство Березниковского химкомбината. Вся история создания индустриального гиганта, начиная с первых ударов лопатой и кончая пуском предприятия, запечатлена художником в ряде живописных полотен и многочисленных рисунков. Восемь картин из этой серии вошли в I том Уральской советской энциклопедии. Среди удач – пейзаж «Вид Березниковского химкомбината со стороны Камы».

(И в наше время в интернете можно увидеть его картины о Березниках и прочитать слова благодарности художнику: «Понятно, что в буднях великих строек не оставалось времени на то, чтобы писать хронику. Этот пробел восполнил художник Фридрих Лехт. Из-под кисти, карандаша и пера этого столичного творца, командированного в начале 1930-х годов в Прикамье, вышла настоящая «сюита» строительства Березниковского химкомбината. Художником было создано более 100 графических листов и этюдов на данную тему. Ф. Лехта по праву можно назвать прародителем «республики химии», который с восхищением наблюдал и запечатлел ее рождение»).

За «березниковским периодом» – у Лехта был «транспортный период» творчества. Два года работы в командировке на магистрали Москва – Донбасс. На строительстве железнодорожного моста у Каширы через Оку Ф. Лехт не только «отразил в картинах все разнообразие прекрасных конструкций», но помогал

оформлению мостов, засучив рукава, работал со строительными бригадами.

«С 1857 г. существует кессонный способ укладки устоев, – писал Лехт в журнале «Творчество», – но нет ни одной картины, отображающей этот процесс. Мое решение написать картину «Кессонщики» было встречено с необычайным сочувствием». Он предложил украшать мосты скульптурными фигурами строителей – и НКПС приняло решение впредь все строящиеся мосты по магистрали Москва – Донбасс украшать четырьмя скульптурными фигурами: шахтера, кессонщика, строителя мостов и инженера.

И на выставку «Художники на транспорте» Лехт привез в Москву целую поэму о мостах. Лучшей считалась картина «Каширский мост на Оке».

Этапной стала совместная выставка художников Ф.К. Лехта и Б.Ф. Рыбченкова в 1935 г.

Уже сама афиша вызвала недоумение. Прошлое творчество этих художников диаметрально противоположно – и по мировоззрению, и по художественным методам, – писал взыскательный современник. – Путь Рыбченкова неумолимо вел его, казалось бы, к формалистическому тупику... Ему было скучно и то скливо. Он существовал на отшибе от действительности, одиноким лириком-пессимистом. И вот художник словно выздоровел, как бы второй раз родился.

А художник Лехт прошел суровую трудовую жизнь. Ему не свойственна была элегичность и размагниченность. Он всегда твердо знал, чего хочет, и методически работал над собой, как художник. И проводил одновременно большую партийную и общественную работу. Скромно и выдержанно делал свое дело художника-общественника. Но всегда бросалось в глаза, что Лехт – график превалирует над Лехтом – живописцем: его рисунки были полноценнее картин, а его картины были в известной мере сухи и протокольны. В них не было живописной атмосферы, они рисовались как бы вне учета воздуха и его влияния на очертания и локальный цвет объектов.

И вот на этой совместной выставке продемонстрирован очень большой рост Лехта в завоевании качества подлинной живописности. Его «Ивгрэс», 1935 года рядом с «Березниками» кажется картиной другого художника. Это – большая и ответ-

ственная работа. К завоеванию живописности он пришел, как всегда, упорной и добросовестной работой. Это мнение подтверждали представленные на выставке многочисленные пейзажные этюды Лехта.

О том, каких результатов достиг Лехт, говорили не только картина «Ивгрэс», но и натюрморт «Цикломен на зимнем окне», сложная композиция живых цветов на фоне «мертвого» зимнего пейзажа.

Может быть, в завоевании живописности Лехту во многом помогла совместная товарищеская работа с Рыбченковым? А может, просто человек дошел до цели. (Понял, что прыжок от элитарности искусства к массовости вел к обеднению самой культуры?)

Плодотворно работал Ф. Лехт также в области монументально-декоративной живописи. Для павильона Московской области ВСХВ (ВДНХ) он совместно с художниками Бордиченко и Покровским сделал три панно и расписал плафон вводного зала. Принял участие в оформлении станций Московского метро (единственного, может быть, шедевра из громады поделок монументальной пропаганды). Станцию метро «Автозаводская» (быв. «Завод имени Сталина») с 1941 г. украшают выполненные Ф.К. Лехтом совместно с художниками В.Ф. Бордиченко и И.С. Ефимовым восемь мозаичных панно на сюжеты, связанные с темой защиты Родины и героического труда в годы Великой Отечественной войны. Художники, создавая мозаичные панно, позировали друг другу. А при сооружении станции метро «Измайловская» Лехт делал скульптуры женщины и мальчика – с сестры и племянника (Шушканова).

(– Я тоже была натурщицей в первом классе, – вспоминает внучка художника Т.Е. Лехт. – Кацман рисовал с меня картину «Отличница», – в подарок Сталину. Она висела в Третьяковской галерее. Еще Кацман с меня рисовал картину «Я хочу мира» – девочка стоит у окна с голубем. Тогда голубя признали символом мира.)

Ф. Лехт был всегда верен и первой художественной страсти – скульптуре. Среди скульптурных работ художника, помимо «Рабочего», можно отметить скульптуры «Нищий», «Великий сеятель», «Женщина до Октября».

Известен созданный Лехтом надгробный памятник Н.Э. Бауману на Ваганьковском кладбище в Москве. Скромный памятник из железобетона. Две небольших колонны, увенчанные знаменем. Колонны переплетены двумя мраморными щитами с портретом Баумана и мемориалом.

Высокую оценку современников заслужили и другие его скульптурные работы: памятники К. Либкнехту и Р. Люксембург, памятник-трибуна с барельефом «Конная армия на страже независимой освобожденной Белоруссии», барельефы портретов Бош и Станиславского...

Ф. Лехт выполнил скульптурное оформление портала над сценой Концертного зала им. П.И. Чайковского (бывшего театр им. Вс. Мейерхольда). Создал композицию для Музея Революции, скульптурную группу «Ленин на броневике», фонтаны на ипподроме в Москве...

В годы эвакуации Ф.К. Лехт был начальником отдела искусства Иссык-Кульской области Киргизии. В г. Пржевальске прошла одна из интересных персональных выставок Ф.К. Лехта. Были у художника и военные командировки. В 1944 г. в творческую командировку на Волге он собирал материалы для картины «Бой парохода «Сократ» с немецко-фашистскими самолетами под Сталинградом. А потом на Днепре – собирал материалы для картины «Форсирование Днепра».

После Великой Отечественной войны Ф. Лехт посвятил себя в основном педагогической деятельности. Дебютировал еще в 20-е годы, когда начали функционировать на Волхонке Центральные курсы АХРР, созданные на базе бывшей студии И.И. Машкова. И продолжал эту деятельность в разных учебных заведениях в области скульптуры, рисунка, перспективы, пластической анатомии и основ архитектуры. Был деканом факультета ваяния и зодчества Московского художественного института им. Сурикова, а, начиная с 1949 г. до конца своей жизни, – директором Государственного художественного института Эстонской ССР. Ф.К. Лехт считался опытным педагогом и высококвалифицированным специалистом по многим специальностям, крупнейшим знатоком в стране в области линейной перспективы и теории теней. В 1951 г. Ф. Лехт получил звание профессора по самым высоким рекомендациям. Президент Академии художеств СССР А. Герасимов характеризовал Ф.К. Лехта

как виднейшего общественного деятеля, художника, скульптора и деятеля советского искусства, как одного из самых лучших педагогов по перспективе. Эту оценку поддержали и народные художники СССР, действительные члены Академии художеств СССР В. Иогансон и В. Мухина, знающие К.Ф. Лехта еще с 1923 г, характеризуя его как прекрасного художника скульптора, хорошего педагога и отличного перспективиста.

Эстонский период Ф.К. Лехта был самым трудным в его жизни. Брат художника И.К. Лехт пишет: «Ему было уже 62 года, и он имел право уйти на пенсию по возрасту, а ему было предложено принять должность директора Таллинского института прикладного искусства. Не смотря на преклонный возраст и незнание эстонского языка, он выехал работать в Эстонию». (А может быть, это была почетная ссылка «героического реалиста»? В стране, после смерти Сталина, наступала «оттепель».)

Эстония была «горячей точкой». Художественная жизнь шла в разных направлениях. Старейший художник Лайпман считался Нестором эстонского искусства. Получив хорошую академическую выучку в Дюссельдорфе, он имел исключительное влияние на организацию художественной жизни Эстонии. Первые очаги художественного преподавания, первые выставки – все это было связано с его именем. Сверстник Лайпмана – Христиан Рауд представлял другое крыло эстонского искусства. В его художественных приемах соседствовали элементы фольклора, неизжитые приемы модерна и уклон в символизм. Среднее поколение эстонских художников складывалось под воздействие Петербурга. Более молодое поколение было отзывчиво на веяния из Парижа, мучаясь в поисках самобытного стиля. Наконец, в Эстонию вернулась группа эстонских мастеров изобразительного искусства, которая в годы Великой Отечественной войны основала в Ярославле Союз эстонских художников. В их творчестве отразился патриотический подъем военных лет. Все эти взаимно перекрещивающиеся тенденции создавали противоречивую картину разнообразия эстонского искусства.

После освобождения Эстонии от фашистских оккупантов (1944 г.) шло объединение творческих сил и перестройка художественной жизни.

Все это отражалось на творчестве студентов в учебном процессе. Все же Лехту удалось наладить работу института, реорганизовав его, на базе объединения с институтом г. Тарту, в Государственный художественный институт Эстонии. Профессору Ф.К. Лехту было присуждено звание Заслуженного деятеля искусств ЭССР. В Эстонии прошла наиболее полная персональная выставка художника. О заметном вкладе Ф. Лехта в эстонскую культуру говорит тот факт, что в современном «Энциклопедическом справочнике» Эстонии (в отличие от России) о нем есть биографическая статья. Проработав в Эстонии 10 лет, Ф.К. Лехт передал институт своему бывшему ученику и в 72 года ушел на персональную пенсию.

Дальше судьба Ф.К. Лехта сложилась драматически. Через месяц он серьезно заболел (второй инфаркт). У него была поражена центральная нервная система, он потерял речь, ослеп на один глаз, перестал владеть правой рукой, нарушилось сознание. После долгих месяцев лечения физическое состояние художника улучшилось, и его перевезли из Таллинна в Москву. Постепенно нарушенные органы стали действовать. Не вернулась только речь. Ему постоянно не хватало слов для разговора, его мало кто понимал. Этот недуг морально убивал его – в полном сознании и физически достаточно крепким он был лишен возможности включиться в деятельность организаций, «ведущих искусством».

Лишь творчество не оставляло его. В 1960 г. он написал две новые картины, и все мечтал организовать выставку своих произведений, созданных в Эстонии. МОСХ обещал.

В конце 1960 г. Лехт потерял уверенность в себе, до того ослаб, что перестал выходить на улицу и посещать свою художественную мастерскую.

20 января 1961 г. он встал утром, как обычно. Настроение его было подавленное. От завтрака отказался. Сидел на кровати и смотрел в окно на летящий снег. И думал. О чем?

О своих детях? Их было двое. Он держал их в строгости, в силу своего сурового характера. Они вышли в люди...

Может быть, Лехт думал о своих постах? Везде он был на хорошем счету. Но слишком уж ярко в нем выражался художник, чтобы уютно чувствовать себя в высоких кабинетах. Он рвал

ся в свою мастерскую, в творческие командировки, на художественные выставки.

После своих пессимистических ранних работ он с радостью окунулся в романтику революции, когда многое воспринималось в торжествующих тонах и красках. Даже если он ошибался, все равно был счастлив. Он отработывал предоставленный ему властью шанс. Такое было время, такие были герои этого времени. И художник должен быть точным в изображении жизни – в этом чуть ли ни главное его предназначение.

Может быть, Лехт подытоживал свои достижения в искусстве, за которые он награжден двумя орденами Трудового Красного знамени и медалями? Его произведения приобретены музеями страны: «Березниковский содовый завод» – Третьяковской галереей; «Рабочая демонстрация в Петербурге» и «Серго Орджоникидзе в Запорожье» – Музеем Революции. Картины о войне – в Музее Красной Армии. О стройках – музеями Свердловска, Березников, Киргизии, Эстонии. Его работы демонстрировались на главных выставках страны и за рубежом – в США, Германии, Китае ...

А сколько невостробованных работ хранится по кладовкам тысяч художников? Сколько порушенных? Как деревянная скульптура Коненкова «Степан Разин с дружиной» на Красной площади, как гигантская скульптура «Рабочего»? (Что там произведения Коненкова или Лехта? Когда в римскую эпоху прекрасными мраморными скульптурами в качестве камней укрепляли боевые стены!)

Вспомнилась ли тогда Лехту его скульптура «Похищение сабинянки»? Может быть, он пожалел, что в его скульптурной группе нет сокрушенного сабина – важного продолжения классической легенды? Ведь сабины потом захватили Рим. И столице Ромула грозила неминуемая гибель, если бы на поле брани не вышли «похищенные сабинянки» (см. картину Жака Луи Давида «Сабинянки, останавливающие битву между римлянами и сабинянами», Лувр, Париж). Женщины смогли не только остановить кровавую бойню, но помирить и породнить враждующие народы. (Уже тогда, наверное, несправедливый Рим дал трещину? Не эта ли изначальная несправедливость и предредила падение великой империи?)

В 11 часов утра Лехта нашли неподвижно лежащим на спине на том месте, где он сидел. Так закончилась жизнь неутомимого борца за реалистическое искусство.

Он выполнил свой долг художника.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алтайский ветровей, <i>повесть</i>	3
Глава 1	3
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	23
Глава 8	24
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	34
Глава 12	35
Глава 13	37
Глава 14	40
Глава 15	41
Глава 16	43
Глава 17	46
Глава 18	49
Глава 19	51
Глава 20	52
Глава 21	55
Глава 22	58
Глава 23	59
Глава 24	62
Глава 25	64
Глава 26	66
Глава 27	67
Глава 28	70
Глава 29	74
Глава 30	76
Глава 31	78
Глава 32	80
Глава 33	82
Глава 34	84
Глава 35	86
Глава 36	88

Эпилог	90
Парник, <i>фантастическая повесть</i>	102
ПРОЛОГ	103
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	106
Глава первая	106
Глава вторая	110
Глава третья	111
Глава четвертая	117
Глава пятая	121
Глава шестая	126
Глава седьмая	131
Глава восьмая	136
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	142
Глава девятая	142
Глава десятая	144
Глава одиннадцатая	149
Глава двенадцатая	153
Глава тринадцатая	158
Глава четырнадцатая	164
Глава пятнадцатая	169
Глава шестнадцатая	173
Глава семнадцатая	177
Глава восемнадцатая	182
Глава девятнадцатая	186
Глава двадцатая	190
Глава двадцать первая	193
ЭПИЛОГ	198
Опалённый войной, <i>новелла</i>	200
Светлое озеро, <i>рассказ</i>	211
Гигантский рабочий на Красной площади, <i>новелла</i>	236

Рябухин Борис Константинович

ДЛЯ ЧЕГО ЖИВУ

Повести и рассказы

Издается в авторской редакции
boryabukhin@yandex.ru

Компьютерная верстка *С.В. Шацкая*

Издатель В.Н. Рахманов

Издательская лицензия ЛР № 071855 от 30.04.99

Подписано в печать 12.07.2015

Формат 84x108/32. Тираж 300 экз.

Печать офсетная.

ООО «Новый ключ»

Тел.: 8(495)549-37-26, 8(916)340-37-25

E-mail: new_key@list.ru

<http://newkeyizdat.ru>